
ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Сорокино

Морская пехота вооружена самым современным и грозным оружием. Командиры и политработники морской пехоты, в большинстве своем участники Великой Отечественной войны, передают свой богатый опыт молодежи. На снимках: десант морской пехоты (слева). Гвардии лейтенант А. М. Архипов и гвардии сержант Н. В. Дубовой уточняют боевую задачу перед выходом на огневую позицию.

Фото В. Мусаэляна, Б. Трепетова (ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

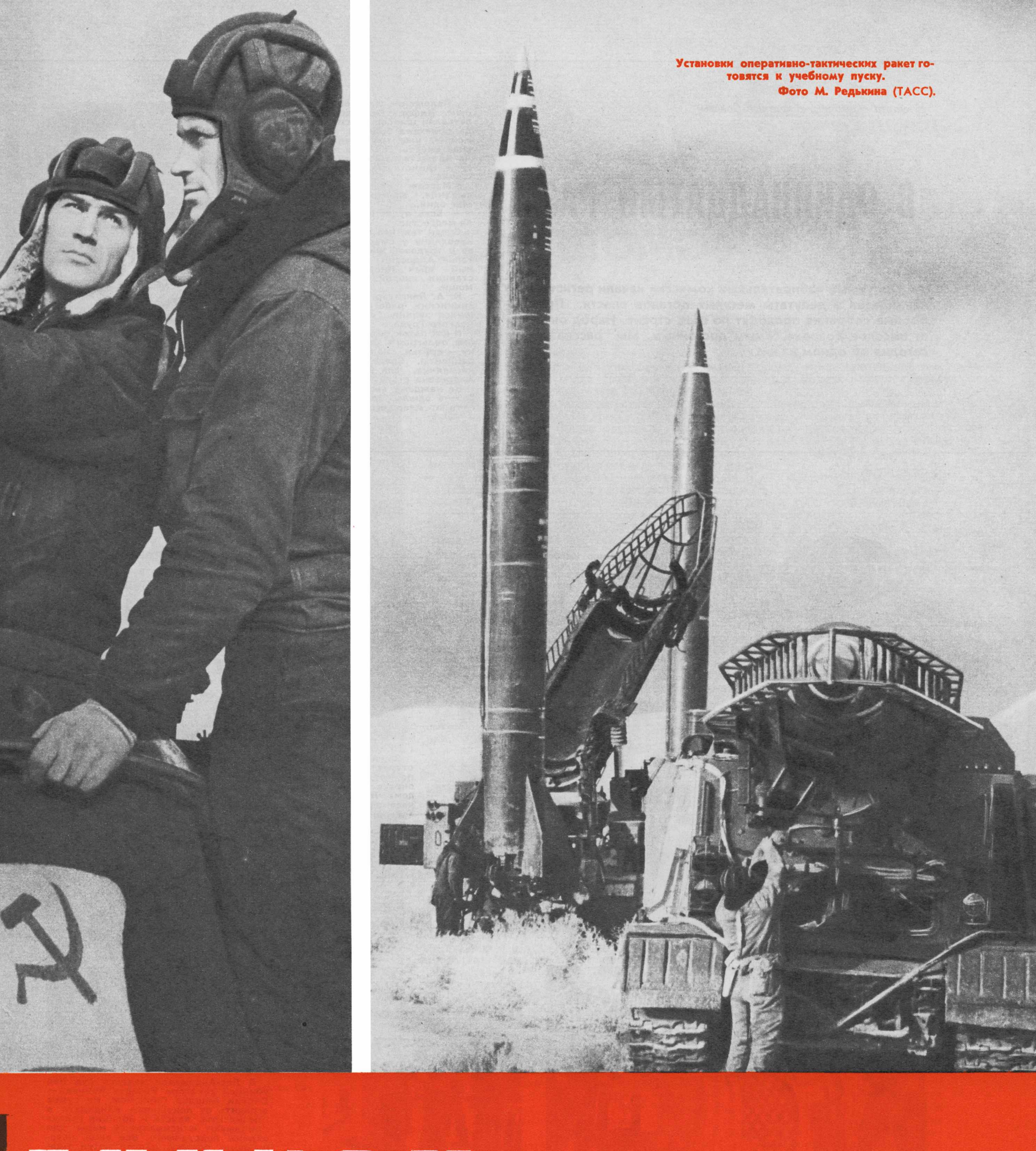
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 8 (2173)

22 ФЕВРАЛЯ 1969

С ПРАЗ
ДОРОГИЕ

Установки оперативно-тактических ракет готовятся к учебному пуску.
Фото М. Редькина (ТАСС).

дником, советские воины!

16 марта — выборы в местные Советы

В ОДИННАДЦАТЫЙ РАЗ...

Окружные избирательные комиссии начали регистрацию кандидатов в депутаты местных органов власти. Предвыборные собрания проходят по всей стране. Народ оказывает высокое доверие самым достойным. Мы рассказываем сегодня об одном из них.

...Положение казалось безнадежным. Инфаркт миокарда почти не оставлял шансов на спасение. Когда приехала бригада «Скорой помощи», уже наступила клиническая смерть. В такую минуту важно не растеряться, мгновенно принять единственно правильное решение.

...Массаж сердца, искусственное дыхание, электрический разряд, еще один...

— Есть пульс,— негромко сказала медсестра.

Среди тех, кто не только вырвал киевлянку у смерти, но и вернул ее к трудовой жизни, была и Наталья Андреевна Ленгауэр — главный врач Киевской городской станции скорой медицинской помощи.

Н. А. Ленгауэр — одна из 72 медицинских работников, удостоившихся звания Героя Социалистического Труда.

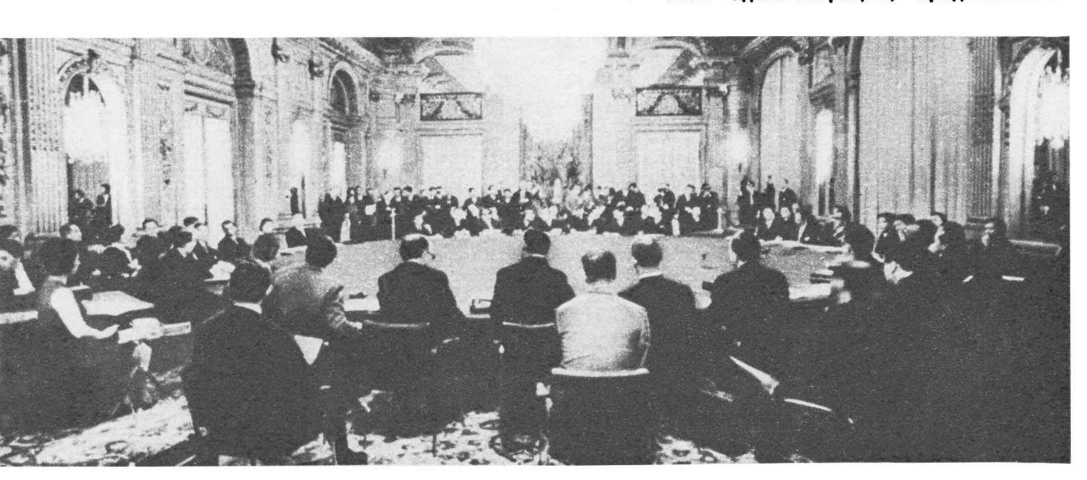
И вот поток поздравительных писем, телеграмм. Звонят по телефону — друзья, знакомые и, конечно, пациенты. Среди них и та самая киевлянка, для которой Наталья Андреевна стала второй матерью.

Не каждому выпала такая судьба — в одном коллективе пройти путь от младшего сотрудника до

Париж, авеню Клебер, Дом международных конференций. К тому, что происходит за этим круглым столом, приковано сейчас внимание мировой общественности. Сам стол был построен за несколько часов, но понадобилось одиннадцать недель проволочек и «торга» с американской стороны только для того, чтобы определить его форму. Переговоры, в которых участвуют представители ДРВ, Национального Фронта Освобождения Южного Вьетнама, США и сайгонской администрации, продолжаются

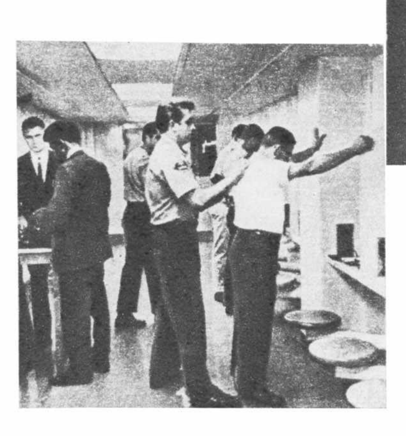

Занзибарская Молодежная Лига Афро-Ширази активно участвует в жизни республики. С помощью друзей из ГДР группа молодежи Занзибара проходила строительную практику в округе Бамби. Юноши построили для местных крестьян новые дома. На снимке: вице-президент Танзании А. Каруме вручает одному из 53 членов группы сертификат об успешном завершении учебы.

Такие фотографии все чаще встречаются в мировой печати: жгут американский флаг. На сей раз дело происходит в Японии, где члены одной из пацифистских организаций выражают таким образом свой протест против агрессивной политики США.

В Лос-Анджелесе начался суд над убийцей сенатора Роберта Кеннеди — Сирхан Бишара Сирханом. Не сумев оградить от покушения кандидата в президенты, власти и полиция города принимают максимальные меры для охраны подсудимого. Все лица, посещающие тюрьму, подвергаются тщательному обыску. Три стражника несут круглосуточную вахту около самой камеры Сирхана. Адвокаты преступника держат курс на затягивание процесса.

Фото ЮПИ и журнала «Пари-матч».

руководителя организации. Наталья Андреевна на станции «Скорой помощи» начала работать выездным фельдшером. Бывало, валилась с ног от усталости и все же после смены бежала в институт. Упорство взяло свое: стала врачом.

В жизни коллектива станции мало таких дел, которые главный врач считала бы второстепенными. Ее волнует и подготовка кадров, и проблемы специального оборудования, и разработка новых методов оперативной помощи, и постановка дела здравоохранения в Киеве — много-много лет она, депутат Киевского горсовета, с честью оправдывает доверие своих избирателей. И снова, в одиннадцатый раз, киевляне единодушно выдвинули кандидатом в депутаты горсовета Героя Социалистического Труда доктора Наталью Андреевну Ленгауэр.

А. ШИШОВ,
корреспондент
газеты «Вечерний Киев»

На снимке: главный врач Н. А. Ленгауэр и диспетчер Мария Овчарова на диспетчерском пункте станции «Скорой помощи».

Фото А. Евсеева.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ТОРМОЗА СОГЛАСИЯ

Жан Дабост дает полный газ. Самолет быстро набирает скорость: 150, 200, 250 километров в час... Пилот резко тормозит... Вот уже месяц французский летчик-испытатель отрабатывает в аэропорту Тулузы программу «ускорение — остановка» на новом пассажирском лайнере — сверхзвуковом англо-французском самолете «Конкорд», что в переводе означает «согласие». По мысли Парижа и Лондона, новый самолет должен был принести обоим правительствам значительные политические и материальные выгоды. Но строительство «Конкорда» натолкнулось на целый ряд препятствий. Некоторые из них чисто технические. Нечто странное происходит, например, с тормозами «Конкорда»: когда пилот отпускает их, самолет уже не может сдвинуться с места, потому что тормозные диски, полностью деформируясь, блокируют колеса.

Летчики-испытатели единодушно отвергали тормозную систему, как уже были отвергнуты десятки приборов и устройств, большинство которых получено из Англии. «Если бы мы этого не сделали,— говорит руководитель испытаний Андре Тюрка,— самолет не смог бы точно приземлиться в восьми случаях из десяти». С сентября прошлого года, когда «Конкорд» был впервые выведен из ангаров на летное поле, любой житель Тулузы мог видеть одну и ту же картину: разбор и смену тормозов.

Другие препятствия носят скорее политический характер. С конца января в Великобритании началась мощная кампания против «Конкорда». Одной из ее основных причин выдвигают высокую стоимость самолета — более 10 миллиардов франков. На самом деле, как сообщает английская печать, выступающая против «Конкорда» группа лейбористских министров надеется пустить на предвыборную партийную пропаганду те 200 миллионов фунтов, которые можно сэкономить при замораживании проекта. К тому же Англия стремится наказать Париж за неуступчивость в вопросе о приеме ее в «общий рынок».

Со своей стороны, жалуется и Париж: цена на некоторые виды оборудования, поставляемые из Великобритании, в ходе строительства значительно увеличилась, что подняло общую стоимость лайнера. Во Франции предполагают, что некоторые английские финансовые группы заинтересованы в срыве программы строительства ради чуждых Британии интересов. Известно, что аналогичный американский самолет отстает от «Конкорда» не менее чем на 2 года. Споры вокруг «Конкорда» принимают все более острый характер. Тон переговоров между двумя странами-компаньонами, взаимоотношения которых давно уже перестали носить характер согласия, стал, по словам западной печати, «кисло-сладким».

А. ИГНАТОВ

ГЕОГРАФИЯ СО ВЗЛОМОМ

Викентий МАТВЕЕВ

Место действия — книжный магазин в одном из городов Западной Германии. Покупатель, желающий приобрести географический атлас, с изумлением говорит продавцу: «Вы дали мне исторический атлас! Посмотрите, карта Германии в границах 1937 года. Нельзя ли современный?» Торговец невозмутим: «Нет, нельзя. Такого атласа у нас, в Западной Германии, вы не найдете. Наши противники выигрывают войны на полях сражений, мы — на страницах атласа...» Этот случай рассказан в мюнхенской газете «Зюддойче цейтунг».

А вот еще одно свидетельство. Оно принадлежит известному западногерманскому писателю Гюнтеру Грассу. В начале февраля этого года он опубликовал памфлет, в котором ставит Западной Германии оценки за «послевоенные уроки»: поведение — неустойчивое, география — двойка, ученик пользуется устаревшими географическими картами, общая оценка — усваивает уроки быстро, но еще быстрее забывает, всегда старается свалить вину на других...

И, наконец, еще одно высказывание. Его автор до 1967 года был бургомистром Западного Берлина, а сейчас является министром иностранных дел боннского правительства. Речь идет о Вилли Брандте. 30 ноября 1965 года, выступая перед западноберлинскими бизнесменами, он призвал к «отказу от ложной скромности», пояснив, что имеет в виду отношение к Западному Берлину. Его надо «приравнять к таким центрам, как Гамбург, Франкфурт-на-Майне, Штутгарт».

Берлин — это Берлин. Находится он на территории Германской Демократической Республики и с момента основания республики является ее столицей. Гамбург и прочие города находятся на территории Западной Германии. Зачем понадобилось такое «приравнивание»?

Нелады с географией объясняются неладами с уроками истории, той истории, кульминационным моментом которой было водружение советского флага Победы над зданием рейхстага 30 апреля 1945 года.

Вторая мировая война завершилась совсем не так, как рассчитывали те, кто развязал ее. «Тысячелетнего рейха» не получилось. В июле — августе 1945 года в Берлине состоялась конференция глав правительств СССР, США и Великобритании, на которой искоренение нацизма, милитаризма, реваншизма на германской земле было провозглашено важнейшим условием развития Европы по пути мира и безопасности.

Правда, уже тогда появились зловещие признаки того, что вскоре стало политикой прямого поощрения сил милитаризма и реваншизма в Западной Германии. Протоколы Потсдамской конференции свидетельствуют, что президент Трумэн задал ее участникам такой далеко не риторический вопрос: «Может быть, мы примем в качестве исходного пункта границы Германии 1937 года?»

Уроки истории говорят, что экспансия, агрессия начинаются не обязательно с низвержения пограничных столбов. Когда это происходит, спасать мир бывает поздно. Надо не доводить дело до конфликтов, а предотвращать их. Этого можно добиться твердым, решительным отпором силам, угрожающим миру и безопасности. И такой отпор нужен в первую очередь там, где эти силы активизируются, пытаются идти в наступление.

Одним из объектов подрывной деятельности западногерманских милитаристов в течение многих лет служит Западный Берлин. Его географию путают в Бонне, разумеется, не случайно. В разгар холодной войны Аденауэр называл Западный Берлин «фронтовым городом». Усилиями боннских властей город был превращен в гнездо шпионажа, провокаций, диверсий прежде всего против Германской Демократической Республики. И самым провокационным является притязание Бонна на то, будто Западный Берлин принадлежит ФРГ. Даже партнеры ФРГ по НАТО — западные державы — не решаются полностью солидаризироваться с Бонном в этих притязаниях. На Женевской конференции 22 мая 1959 года тогдашний министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль прямо заявил: «Правительство Западного Берлина не имеет никакого отношения к правительству ФРГ. Территория Западного Берлина не принадлежит к территории ФРГ».

Вот почему решение Бонна о проведении выборов президента ФРГ в Западном Берлине 5 марта этого года — новое покушение на устои мира и безопасности в центре Европы. Провокационная затея с выборами в Западном Берлине вызвала соответствующие контрмеры правительства ГДР, в чем оно опирается на поддержку других социалистических стран — союзников ГДР по Варшавскому договору. «Противозаконные происки ФРГ в Западном Берлине встречали и будут встречать решительный отпор со стороны Советского Союза»,— говорится в Заявлении Советского правительства правительству ФРГ от 13 февраля.

В Бонне — переполох. Газеты, привыкшие предоставлять свои страницы для безответственных заявлений реваншистского толка, в чем особенно упражняется пресса Акселя Шпрингера, шумят, что теперь, мол, Бонн не может отступить, так как испытывает «нажим». Одно упоминание о Западном Берлине вызывает у некоторых не в меру ретивых политиков в ФРГ рефлексы воинственности, и они оперируют терминами «наступление» и «отступление».

Утверждают, что такие «выборы» в Западном Берлине устраивались и прежде. Но одним правонарушением нельзя оправдывать другое. Звенья образуют цепь. Нацистские географические карты, происки фон Таддена и его подручных, провокационные вояжи зарвавшихся политиков из ФРГ в Западный Берлин, маневры бундесвера у границ социалистических стран и многое, многое другое — все это отравляет политический климат в Европе и требует от всех миролюбивых правительств, от всех народов максимальной бдительности.

В. И. Ленин произносит речь перед войсками Всевобуча на Красной площади в Москве 25 мая 1919 года.

«С именем В. И. Ленина неразрывно связано рождение Советских Вооруженных Сил, их героическая история. Ему принадлежит историческая заслуга в обосновании военной программы пролетарской революции, учения о защите социалистического Отечества».

Из постановления Центрального Комитета КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

**Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил, первый заместитель министра обороны СССР, Маршал Советского Союза
М. В. ЗАХАРОВ,
Герой Советского Союза**

ЕНИН – ТВОРЕЦ НАШЕЙ АРМИИ

Теперь мало кто не знает о событиях февральских дней 1918 года, когда под Нарвой и Псковом только что сформированные части Рабоче-Крестьянской Красной Армии получили первое боевое крещение. О них нельзя и сейчас говорить без гордости. Стойкость и мужество проявили защитники революции под Нарвой и Псковом.

Но вместе с тем события, положившие начало героической истории Советской Армии, настораживали, несли в людские сердца особую тревогу за судьбу Советской власти. И эту обеспокоенность с предельной четкостью высказал В. И. Ленин уже через два дня после встречи красноармейских и красногвардейских отрядов с врагами революции на поле боя, то есть 25 февраля. Он так писал в газете «Правда»: «До сих пор перед нами стояли мизерные, презренно-жалкие (с точки зрения всемирного империализма) враги, какой-то идиот Романов, хвастунишка Керенский, банды юнкеров и буржуйчиков. Теперь против нас поднялся гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма. С ним **надо** бороться. С ним надо **уметь** бороться».

Слова «надо», «уметь» Владимир Ильич подчеркивал не случайно. Сотни и тысячи рабочих и беднейших крестьян с величайшей готовностью бороться против врагов революции добровольно вступали в ряды Советской Армии. Они были именно рабочими и крестьянами, но пока еще не бойцами Советской Армии, так как не умели бороться. В самом деле. На 1 апреля 1918 года, например, по данным Всероссийской коллегии, в рядах Советской Армии насчитывалось 153 678 человек. А уже к 1 июля того же года было 450 тысяч человек. Но обученных из них — лишь 49 068, а вооруженных — 185 386 человек. Да и что это была за обученность и каким было вооружение!

Я пошел на военную службу уже в первые дни создания Советской Армии, а до этого состоял красногвардейцем отряда завода «Сименс и Гальске», принимал участие в штурме Зимнего дворца. Навсегда запомнился тот облик, который характеризовал молодую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию в первые дни и месяцы ее истории. Винтовка, штык, граната — это вооружение считалось тогда довольно сильным, но ведь и его не хватало. При всем этом совершенно недостаточным было снабжение. Военные знания основной массе красноармейцев надо было еще приобретать.

И бойцы учились. В этой трудной учебе, по существу, и создавалась наша армия; Ленин, требовавший учиться военному делу упорно, настойчиво, настоящим образом, был и творцом и организатором Советских Вооруженных Сил.

Однако организация Вооруженных Сил Советского государства была нелегким делом. Эту задачу приходилось решать в обстановке уже начавшейся гражданской войны и иностранной военной интервенции, разрухи в народном хозяйстве, вызванной первой мировой войной, политикой эксплуататорских классов. К тому же у партии не было еще достаточного опыта, который можно было бы использовать при организации регулярной армии, не было опыта вооруженной защиты социализма. Трудности были преодолены прежде всего потому, что оборону социалистической Родины строил сам народ, руководимый Коммунистической партией, гениальным теоретиком и практиком марксизма — Лениным.

В. И. Ленин разработал коренные вопросы защиты социалистического Отечества: о политической сущности, справедливом характере и особенностях войн в защиту социалистического Отечества; о значении для победы в вооруженной борьбе против империалистических агрессоров экономического, морально-политического, военного факторов; о путях укрепления обороноспособности социалистического государства, источниках его силы и непобедимости; о необходимости, историческом назначении, патриотической и интернациональной миссии и принципах организации армии нового типа; о руководстве ею.

Основой основ могущества Советских Вооруженных Сил В. И. Ленин считал руководство Коммунистической партии. Он подчеркивал, что армия социалистического государства не может строиться, развиваться и крепнуть без партийного руководства. История доказала справедливость этого положения.

Опыт советского военного строительства свидетельствует также о правильности ленинского принципа, утверждающего, что армия социалистического государства должна быть кадровой, регулярной, комплектуемой на основе всеобщей воинской обязанности трудящихся и строиться на строгом единоначалии в сочетании с определенными формами коллегиальности, быть крепко спаянной сознательной воинской дисциплиной.

Армия социалистического государства обладает такими качествами, которые свойственны лишь военной организации, рожденной новым общественным и государственным строем.

Впервые армия из орудия классового порабощения и агрессии превратилась в орудие утверждения и охраны власти трудящихся. Впервые она стала располагать могучими источниками силы — крепкий тыл, для которого характерны более совершенный экономический и политический уклад, морально-политическое единство, содружество трудящихся классов и наций.

Это и предопределило те особенности Советской Армии, которых не было и не могло быть в старой русской армии, как и в армии любого капиталистического государства. К ним относятся: подлинная народность, интернациональная солидарность со всеми трудящимися и эксплуатируемыми массами, непримиримое отношение ко всякому гнету и социальной несправедливости, непоколебимая верность идеям Октября, делу Коммунистической партии, социалистической Родине.

Принципиально новый характер и назначение Советской Армии позволили привлечь к ее строительству такую могучую силу, какой является сознательность масс — основа подлинно высокой воинской доблести, самоотверженности, бесстрашия в борьбе, готовности идти на любые жертвы и лишения ради победы над врагом, железной дисциплины, стойкости и массового героизма.

Нельзя забыть волнующих слов торжественного обещания, которое красноармейцы давали на верность службе своему народу, Российской Советской Республике: «Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь... добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество.., неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью.., по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской Республики...»

Первым зовом и была гражданская война. Исключительно сильные своим революционным духом и решимостью бить врагов до конца, части Советской Армии храбро сражались с врагами. Но не всегда им удавалось устоять: сказывалось отсутствие боевой выучки.

7 августа 1918 года белочехи и белогвардейцы захватили Казань. В обращении по случаю взятия врагом Казани говорилось так:

«Товарищи рабочие и крестьяне-бедняки!

Для борьбы нужна подготовка, для войны нужно знание ее законов, для победы — святая жажда подвига и стойкости.

Всему этому надо учиться.

Будем учиться военному делу!»

Таким образом, уже на первом этапе становления Советской Армии заветы великого Ленина учиться военному делу самым серьезным, настойчивым образом стали основным законом жизни воинов.

Быстро росло могущество армии и флота. Уже первая пятилетка дала возможность вооружить армию и флот новым, по тому времени довольно сильным оружием, снабдить техникой ряд передовых частей

и соединений, улучшить снабжение войск продовольствием, обмундированием. Но всегда боевая подготовка войск была важнейшим вопросом военного строительства.

Коммунистическая партия Советского Союза свято следует указаниям Владимира Ильича о необходимости постоянного укрепления обороноспособности первого в мире социалистического государства. Она никогда не забывала о том, что Вооруженные Силы социалистического государства должны быть могущественными, крепкими, способными разгромить любого врага. Она была вдохновителем и организатором вооруженной борьбы в годы гражданской и Великой Отечественной войн и привела наш народ к победе над фашистскими захватчиками.

Вспомним ленинские слова: «...взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать беспрерывно. В то же время, товарищи, будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока». И в каждый период военного строительства эти наставления вождя партии выполнялись неукоснительно.

Взять хотя бы предвоенные годы, когда закладывалась мощь армии и флота, которая впоследствии противостояла одной из самых подготовленных армий мира — армии фашистской Германии и армиям ее сателлитов.

Постановлением Центрального Комитета партии «О состоянии обороны СССР» от 15 июля 1929 года был усилен взятый темп работ по усовершенствованию техники Советской Армии. Наряду с усовершенствованием имевшегося вооружения разрабатывались и внедрялись в армию современные типы артиллерии, танков, бронемашин. Техника и оружие поставлялись в армию и на флот в массовом масштабе. Создавались новые, технические рода войск — авиация, бронетанковые войска, химические, инженерные и другие специальные войска. Происходила организационная перестройка старых родов войск — пехоты, артиллерии, кавалерии. А наряду с этим шла массовая подготовка технических кадров, весь личный состав Вооруженных Сил овладевал новой техникой.

С 1928 по 1933 год мощность артиллерийских заводов увеличилась более чем в 6 раз, а по малокалиберным орудиям — в 35 раз. Более чем в 3,5 раза выросло производство пулеметов, самолетов — в 4,5 раза, авиационных моторов — в 10,5 раза. Производственные возможности танковой промышленности определялись в 10—11 тысяч танков в год.

Своим постановлением от 5 июня 1931 года ЦК ВКП(б) выдвинул задачу решительного повышения военно-технических знаний начальствующего состава, овладения им в совершенстве боевой техникой и сложными формами современного боя. И эта задача была выполнена.

Поход за овладение новой техникой возглавили коммунисты, которые всегда были основным составом, цементирующим массы воинов. Партийные и комсомольские организации развернули активную борьбу за дальнейшее повышение боеготовности и боеспособности Советских Вооруженных Сил.

Годы Великой Отечественной войны — годы жестоких испытаний наших армии и флота — перед всем миром показали и невиданную крепость боевого духа советских воинов, и их изумительное боевое мастерство, и талант советских полководцев. В борьбе с врагами наши Вооруженные Силы отстояли свободу и независимость своей социалистической Родины, спасли народы мира от фашистского порабощения. Они с честью и достоинством пронесли свои боевые знамена через две большие войны, выпавшие на их полувековой путь.

Советская Армия и Военно-Морской Флот за прошедшие пятьдесят один год в корне изменили свое лицо. Они уже не те, какими были в пору гражданской войны, когда винтовка, пулемет и пушка составляли основу вооружения. Они уже и не такие, какими мы видели их в Великую Отечественную войну. Теперь наши Вооруженные Силы — очень сложный организм, обеспечивающий мир и безопасность советскому народу и в содружестве с братскими армиями всем народам социалистического лагеря. Это могучий щит социализма, необычайно прочный своим монолитным сплочением воинов вокруг своей родной Коммунистической партии Советского Союза, ленинского Центрального Комитета и Советского правительства.

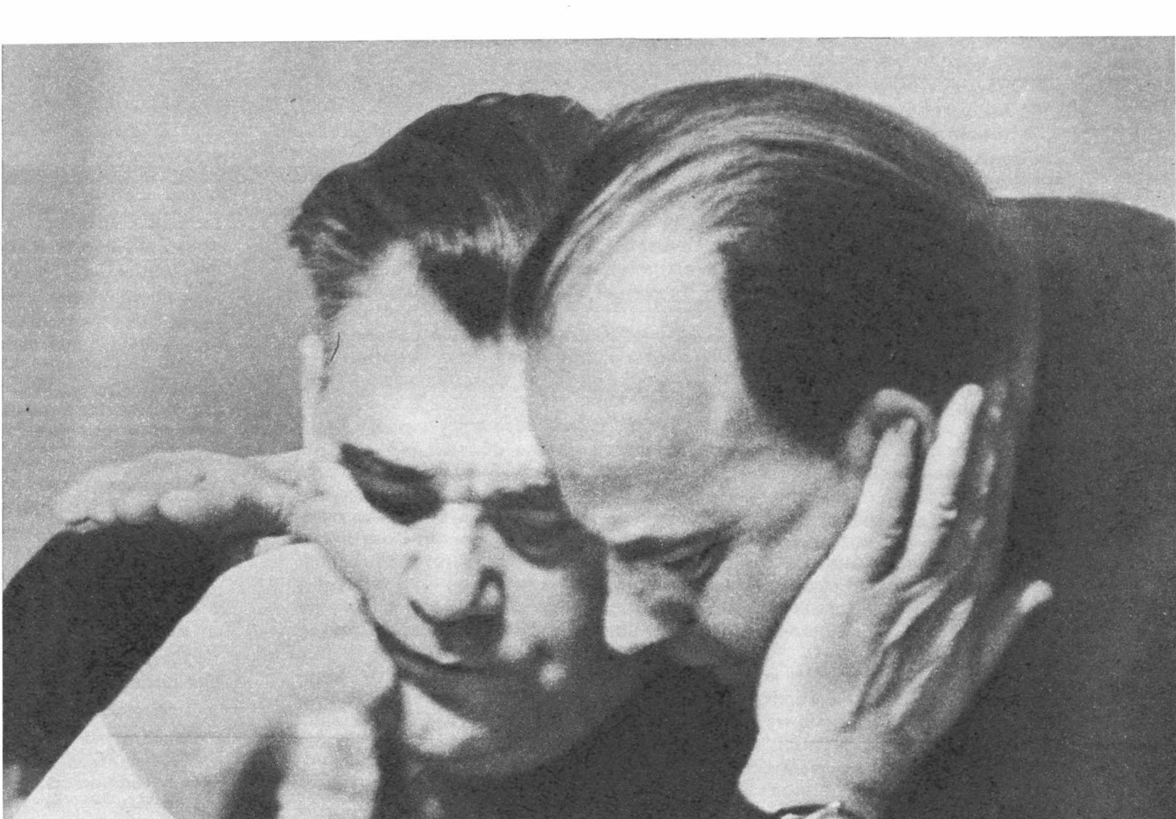
Благодаря заботе партии, правительства и народа советские воины располагают могучим вооружением, первоклассной боевой техникой. Все виды Вооруженных Сил оснащены ракетной техникой, которая наиболее полно отвечает современным боевым требованиям и позволяет эффективно решать стратегические, оперативные и тактические задачи на суше, на море и в воздухе.

Характерная черта современного этапа развития Вооруженных Сил состоит в том, что в них сложился и окреп совершенно новый вид — Ракетные войска стратегического назначения. Боевые возможности их поистине огромны, но дальнейшее развитие не прекращается. За пос-

Кольцо „Сатурна"

Говорят, что у Сатурна изумительные кольца, исключительно красивые! Оспаривать это не имеет смысла. Однако мне только что пришлось услышать о другом земном кольце, затмившем красоту небесных. Рассказывал о нем за свадебным столом «человек из «Сатурна», известный советский разведчик Александр Иванович Козлов.

...Заглянем в прошлое. В конце сорок первого года лейтенант А. Козлов, только что окончивший военное училище, попал в окружение, потом к партизанам Смоленщины. Там он подружился с горьковчанином Михаилом Николаевичем Беспаловым. Действовали они рука об руку, не давая покоя фашистским захватчикам. По-

27 лет спустя: А. И. Козлов (справа) и М. Н. Беспалов.

ледние годы у нас введен в строй целый комплекс разнообразных стратегических средств.

В Ракетных войсках стратегического назначения построено большое количество новых и, что особенно важно, подвижных пусковых установок. Эти ракеты всегда готовы к немедленному действию. Ракеты в глобальном варианте имеют неограниченную дальность стрельбы. К этому следует добавить, что наши ракеты способны не только нести заряды колоссальной мощности, но и преодолевать противовоздушную оборону противника.

Неузнаваемо изменились Сухопутные войска. Наряду с ракетами они имеют на своем вооружении совершенные танки, составляющие их ударную силу. В современной мотострелковой дивизии танков сейчас больше, чем было в механизированном корпусе во время Великой Отечественной войны. Артиллерийско-минометный залп мотострелковой дивизии сегодня (без учета ядерного оружия) более чем в 30 раз превышает залп дивизий 1939 года.

На основе выдающихся достижений в экономике, науке и технике совершила в своем развитии небывалый скачок советская авиация. Современные летательные аппараты могут развивать скорость до 3 тысяч километров в час и подниматься на высоту более 30 тысяч метров.

Всегда готовы встретить врага войска Противовоздушной обороны нашей страны. Мощные зенитные ракеты, истребители-перехватчики и сложные радиотехнические средства обладают такими высокими боевыми качествами, которые позволяют выполнить любую задачу в любых метеорологических условиях, днем и ночью. О росте боевых возможностей этих войск красноречиво говорят такие, например, данные: в 1916 году на один сбитый самолет расходовалось 10 тысяч снарядов, в период второй мировой войны — до 600 снарядов, а сейчас — одна-две ракеты.

На море основной ударной силой стал Подводный флот. Имея практически неограниченный запас хода, атомные подводные ракетоносцы могут из-под воды наносить баллистическими ракетами сокрушающие удары не только по объектам на море, но и в глубоком тылу противника.

Исключительно высокой стала образованность, общая культура, боевая выучка советских воинов и особенно офицерского состава, способного успешно руководить войсками, использовать мощное вооружение и техническую оснащенность в интересах победы над врагом.

Необычайно возросли уровень технической подготовки личного состава, роль и значение научного руководства жизнью и деятельностью войск. Если, например, в первую мировую войну в армии было всего 15—20 военных специальностей, а во вторую — до 160, то теперь их насчитывается около 400. Замечательное молодое пополнение, которое получают наши Вооруженные Силы, успешно осваивает все специальности, необходимые вооруженным защитникам социалистической Родины. Существенные изменения в личном составе произошли в последние годы. Так, по сравнению с 1945 годом удельный вес инженерно-технического состава в армии и на флоте к настоящему времени вырос более чем в три раза.

Отрадно и то, что с каждым годом в части и на корабли приходит все более подготовленная молодежь. Если до войны армия получала примерно 35 процентов с высшим, средним и неполным средним образованием, то теперь — свыше 90 процентов. Больше 70 процентов юношей, приходящих в армию и на флот, уже имеют ту или иную техническую специальность.

Великая сила в армии и на флоте — коммунисты и комсомольцы. Они составляют около 85 процентов личного состава Вооруженных Сил и являются той гранитной основой, на которой зиждется высокое политико-моральное состояние войск.

Современная война, если ее развяжут агрессоры, будет носить исключительно ожесточенный характер, и поэтому она потребует от военного человека не только обширных, глубоких знаний, умений, навыков, но и огромной физической крепости, выносливости, сильного морального духа. Вот почему так напряженны учебные будни советских воинов.

Столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина вызвало необычайный прилив энтузиазма в боевой учебе у воинов армии и флота. Инициатором социалистического соревнования в честь этой великой даты выступил, например, Краснознаменный авиационный полк имени В. И. Ленина. «Заветам Ленина верны» — так назван этот патриотический почин.

В войсках и на флотах растут ряды отличников боевой и политической подготовки, классных специалистов, отличных подразделений, частей и кораблей. Заветы великого Ленина — творца нашей армии советские воины выполняют свято. Они бдительно стоят на защите завоеваний Великого Октября.

том их пути разошлись. Александр Иванович три года работал по заданию Родины в фашистской разведывательной школе «Сатурн». О бесстрашии и мужестве разведчика А. И. Козлова знают миллионы советских людей — о нем написаны книги, он — прообраз героя фильмов «Путь в «Сатурн» и «Конец «Сатурна».

Кончилась война. Друзья, расставшись в партизанском лесу, так и не встречались с тех пор. Каждый занялся своим мирным делом. М. Н. Беспалов — член Горьковского областного суда, А. И. Козлов — начальник производственно-дорожного участка на Кубани.

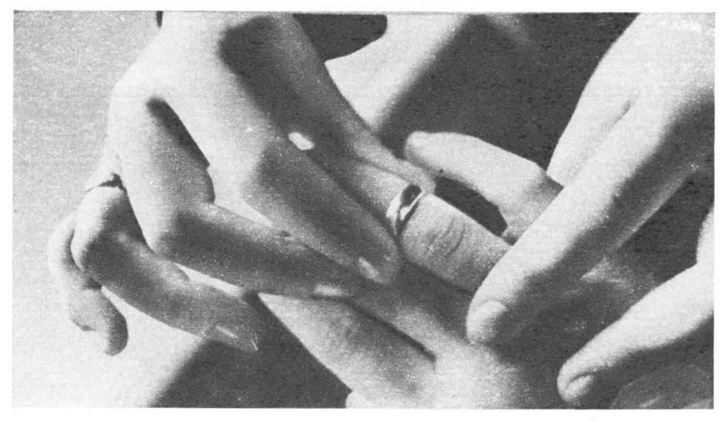
И вот недавно, в феврале нынешнего года, через 27 лет, они вновь встретились в городе Горьком. «Виновниками» встречи оказались их дети, студенты-комсомольцы Саша и Ира, ставшие мужем и женой. Друзья-однополчане из партизанской дивизии «Дедушка» породнились. На свадьбе мы и увидели кольцо «Сатурна», историю которого рассказал Александр Иванович.

Находясь в «Сатурне» вместе с женой Галиной Тимофеевной — свадьбу они сыграли в партизанском отряде,— А. И. Козлов подарил ей там золотое кольцо. При этом супруги договорились, что это золотое кольцо, если разведчики останутся в живых, перейдет как эстафета их сыну или дочери.

Разведчики, с честью выполнив задание Родины, вернулись к мирной жизни. И не забыли о своем уговоре. Золотое кольцо, названное ими Сатурн, однажды было вручено сыну Саше. «Это семейная реликвия, Саша,— сказал отец.— Береги ее. Пусть переходит от поколения к поколению, напоминая, какой дорогой ценой завоевывалось счастье молодых».

...И вот кольцо «Сатурна», прошедшее трудный путь от бывшей фашистской разведшколы до города на Волге, торжественно надето на палец невесты...

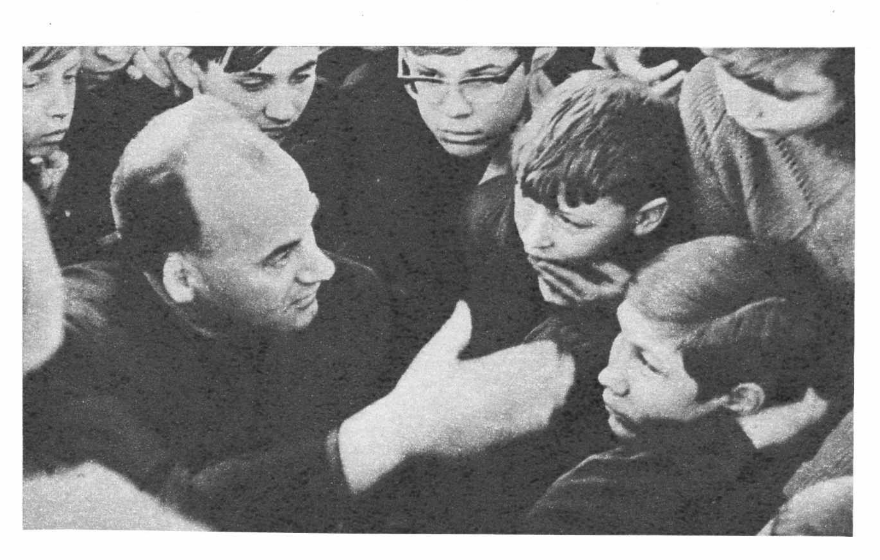
П. ЛАСТОЧКИН

Кольцо «Сатурна».

Молодые...

Легко представить, как обрадовались ребята из горьковской школы № 3, когда к ним в гости пришел Александр Иванович Козлов...

Фото В. Бородина.

Выстрел

Алексей ГОЛИКОВ
Фото Г. МАКАРОВА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

...Танк, поседевший от инея, подошел к широкой, еще не замерзшей реке. Спустился по крутому берегу и погрузился в воду, чтобы по дну преодолеть водный рубеж. Но посредине реки произошла «авария», и танк безнадежно застрял. Экипажу надо спасаться. Танкисты, капитаны В. И. Паркин и В. Н. Вербицкий, действовали быстро, четко, надели резиновые маски и открыли воде доступ в танк. Когда машину полностью затопило и давление внутри и снаружи выровнялось, танкисты открыли люк, вынырнули на поверхность и вылезли из бассейна.

Их «танк» — это специальный тренажер для водолазной подготовки. Экипаж в нем мог действовать так, будто произошла настоящая авария и машина оказалась на дне реки.

Такой тренажер установлен в одном из учебных корпусов Центральных ордена Ленина Краснознаменных офицерских курсов «Выстрел» имени Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова. Им скоро исполнится 50 лет. Первые выпускники «Выстрела» сражались за Советскую власть на фронтах гражданской войны. Курсы в разное время окончили Маршал Советского Союза А. М. Василевский, Главный Маршал авиации К. А. Вершинин, генерал армии П. И. Батов, Маршал бронетанковых войск М. Е. Катуков и другие известные советские военачальники. Да и нынешний начальник «Выстрела», Герой Советского Союза генерал армии Яков Григорьевич Крейзер — тоже питомец этих прославленных курсов.

— За время обучения,— рассказывает Яков Григорьевич,— слушатели получают навыки в уверенном управлении боем своих подразделений, силами и средствами их усиления. А в современных условиях это не так-то просто. Кроме автоматического стрелкового оружия, мотострелки имеют и весьма эффективное средство для борьбы с танками. Могут уничтожать и самолеты противника. А для усиления батальона ему могут быть приданы артиллерия, танки, инженерное подразделение.

Практические навыки управления боем, обучения своих солдат офицер получает главным образом на занятиях в поле. Поэтому наша программа отводит много времени полевым занятиям. Там воины овладевают искусством вести непрерывные и маневренные боевые действия как с применением, так и без применения ядерного оружия, учатся использовать результаты ядерных ударов и других средств поражения, сохранять боеспособность, когда противник массированно применяет ядерное оружие, учатся быстро преодолевать зоны разрушения и поражения, вести разведку...

Наш «Выстрел» часто называют «полевой академией». Это справедливо. Однако за время обучения слушатели получают и достаточную теоретическую подготовку. Вы убедитесь в этом, если побываете в учебных классах, а затем в поле, на тактических учениях.

Генерал передал нас под опеку полковника Ивана Григорьевича Чечета, который и показал нам классы. Всем известно, что за последние годы в военном деле произошла целая революция. Здесь, на курсах, ощущаешь это зримо. Новое оружие тут представлено, так сказать, в препарированном виде — узнаешь его боевые свойства и начинаешь понимать, сколь оно грозно, неотвратимо, сколь широко применяются в Советских Вооруженных Силах самые последние достижения науки и техники.

В классах и учебных кабинетах мы осматривали толстенные броневые плиты, пробитые навылет снарядами и реактивными гранатами, прицелы ночного видения, позволяющие вести точный огонь в темноте, инженерные средства для быстрого наведения мостов, форсирования водных рубежей.

— А как осуществляется морально-психологическая подготовка слушателей? — спросили мы.

— Главным образом на полевых учениях,— отвечает Иван Григорьевич.— Тут проверяются разные характеры, темпераменты, искусство действовать слаженно, согласованно, готовность к взаимной выручке. Чтобы выработать у воина волевые качества, умение сохранять хладнокровие при любых, самых неожиданных обстоятельствах, мы максимально приближаем полевые учения к боевой обстановке. Так, например, самолеты наносят бомбо-штурмовой удар в непосредственной близости войск, пуск ракет, стрельба из пушек и танков ведутся в промежутках между боевыми порядками и через головы своих войск. «Обкатываем» войска танками. Это дает хорошую психологическую закалку.

— Что это за обкатка?

— Завтра на учениях увидите.

...Ясное морозное утро. В заснеженных окопах виднеются каски солдат первой роты. Батальоном командует слушатель курсов подполковник Юрий Казимирович Шиманский. Его батальон «разгромил противника» во встречном бою, первая рота быстро вышла вперед на важный рубеж и старается удержать его до подхода главных сил. А «противник», умный, решительный, перешел в контрнаступление.

Первый удар нанесла «вражеская» штурмовая авиация. Засвистели бомбы, ухнули разрывы, и все это недалеко, нам показалось даже, что чересчур близко. Другие самолеты пошли в тыл, и там, за лесом, поднялось черное облако ядерного «взрыва». «Противник» штурмовым ударом уничтожил нашу установку противотанковых управляемых реактивных снарядов и ядерным ударом вывел из строя подходившие резервы. И тогда послышался гул танковых двигателей.

Танки появились из-за холма, развернулись фронтом и, стреляя на ходу, помчались на окопы первой роты. Эти стальные махины, изрыгающие пламя, казались всесокрушающими, неуязвимыми. Но солдаты не дрогнули. Они быстро приготовили к бою ручные противотанковые гранатометы. Гранаты были небоевые, броню пробить, конечно, не могли, но все же попадание их для танкиста было малоприятным.

Однако попасть в танк, мчащийся на максимальной скорости, нелегко. Обстановка тут совершенно иная, чем при стрельбе по мишени, даже по движущейся. Идущий прямо на солдат танк все же действовал на нервы, солдаты торопились, и гранатометы били неточно. Танки шли уступом, передний был подбит, а два других быстро приближались.

— Что же танкисты, ослепли? Они же прямо на окоп наедут! — закричали мы.

— Так и надо,— ответили нам.— Танки будут обкатывать стрелков.

Первый танк, подняв облако снежной пыли, пересек окоп, и сразу вслед ему полетели гранаты.

— Молодцы солдаты, хорошо действуете,— похвалил их Юрий Казимирович Шиманский.

— А наш окоп обкатывать будут? — спросили мы.

Нам сказали: «Нет»,— и мы облегченно вздохнули. Теоретически эта самая обкатка, конечно, безопасна, только закаляет дух солдата, практически же все-таки страшновато...

Третий танк, оглушив пехотинцев выстрелом из орудия, прорвался через оборону роты и, продолжая стрелять, устремился в «населенный пункт» — макеты домов. Там его поджидали солдаты подполковника В. Н. Балабы. Он обучал их способам борьбы с танками средствами ближнего боя. И представьте, эти средства и для нашего века, века баллистических ракет, ядерного оружия, оказались весьма эффективными.

Когда танк поравнялся с домом, окно во втором этаже отворилось, и на броню движущейся машины прыгнул солдат, ловко закрыв плащ-палаткой смотровые щели. Бронированное чудовище прошло еще несколько метров и остановилось. Тотчас же в него полетели дымовые шашки. Окутанный черным пологом дыма, танк совершенно ослеп, а тем временем солдаты подложили под его гусеницы взрывчатку. Раздался взрыв. Танк был уничтожен.

— И в настоящем бою такое может случиться?

— Конечно, может,— ответил Виктор Николаевич.— Обучать этому солдат необходимо. Да и психологическая закалка отличная: нужны смелость и решительность, чтобы вот так со второго этажа прыгнуть на движущийся танк...

А бой между тем продолжался. Рота хоть и понесла значительные «потери», все же отбила контратаку «противника». Подошли и основные силы батальона, тоже поредевшие, но сохранившие достаточную боеспособность для выполнения поставленной задачи — продолжать наступление.

С криком «ура» стрелки пошли в атаку по глубокому снегу, под пронизывающим морозным ветром. На курсах «Выстрел» свято блюдут завет Суворова: «Тяжело в учении — легко в походе»!

Завтра занятия. Идет инструктаж преподавателей по организации и методике танковых стрельб.

Всё, как в бою.

В классе приборов ночного видения.

Умелому танк не страшен.

ЗЕМЛЯ ХРАНИМА

Дмитрий СМИРНОВ

РАКЕТЧИКИ

Пустыня дышала, как дышит больной,
Когда поднимается жар до предела.
И пыль по маршруту сплошной пеленой,
И солнце таращит свой глаз обалдело.

Здесь все замирает в решительный миг:
И сердце и злое дыханье пустыни.
Последней секунды рванул маховик —
И солнце закрыло клубами густыми.

Взлетела махина, и огненный хвост
Пустыню обдал нарастающим жаром.
Ракета во весь свой космический рост,
Сверкая, томилась прицельным ударом.

Рванулась по курсу — удачен расчет.
Но запуск всегда, как в забое работа:
Стирает ракетчик ладонью со щек
Потоки земного горячего пота.

КАК ТЕБЕ СЛУЖИТСЯ...

Евгению Грачеву, солдату.

Как тебе служится, Женя Грачев?
(Ты еще Женя пока — не Евгений.)
Что автомат — не натер ли плечо?
В маршах шинель не оббила колени?

Школьные классы и шум вечеров —
Это уже навсегда за плечами...
Как тебе служится, Женя Грачев?
Что тебе снится в казарме ночами?

Где-то на Рейне готовят войска —
Мир опрокинуть хотят на лопатки.
Крепнет твоя и душа и рука
Возле орудий, в походной палатке.

Как тебе служится, Женя Грачев?
Слышишь, к бомбежкам зовут в Пентагоне?
Слышишь, Израиль нападает еще,
В землях арабов творя беззаконье?

Как тебе служится, Женя Грачев?
Знаю, ты в группе особого войска,
В дружной семье закаленных бойцов,
Чьи удалые сердца не из воска!

Дóма тебя воспитали таким,
Что командиры гордятся тобою.
Есть на кого понадеяться им,
Как говорится, в ненастье любое.

Как тебе служится, Женя Грачев?
(Ты уже в роте не Женя — Евгений.)
Мир оперся на твое, брат, плечо —
Не упусти в нем опасных мгновений!

Михаил АНДРИАСОВ

КАК УТРЕННЯЯ ЗАРЯ

«...Мы с тобой остались молодыми в подвигах и, значит, не умрем!..»

Перечитываю эти строки поэта, и мысли возвращаются к тем, кто навсегда остался в памяти людей, к тем, кто не вернулся с войны.

Ясноглазая Саша Назадзе. Она была доброй с друзьями, суровой и непримиримой с врагами. «У этой девушки орлиное сердце»,— говорили о ней однополчане.

— Человек пришел на землю, чтобы делать добро.— Впервые Саша услышала эти слова, когда была маленькой девочкой и только-только пошла в школу. Так часто говорил дедушка Таркил. Жил такой хороший человек в родном селе Саши.

— Вы видели, как ласточка кормит птенцов своих? Так и земля кормит людей.— Ребята, густой стайкой окружавшие Таркила, боялись проронить хоть одно его слово.— Земля наша, вот эти горы, наша родная река Мчишьта... Как же горячо должен любить человек свою землю, свою мать! Любить и защищать ее, как орлица защищает орлят своих. Человек пришел на землю, чтобы делать добро!

Люди любят помечтать. И школьные подружки Саши Назадзе тоже мечтали. Одна из них как-то призналась:

— Я хочу побыстрее вырасти и стать учительницей. Я бы всех ребят в нашем селе научила читать и писать.

— А я хочу быть доктором,— сказала другая.— Я бы лечила людей на всей земле, а больше всех дедушку Таркила. Вы видели, как он греет ноги на солнце? Он говорит, что ему очень больно, что старые кости ноют... Ах, если бы я была доктором...

— А кем ты хочешь быть? — спросила одна из подружек у Саши.— Ты ничего не сказала нам.

И все девочки посмотрели на Сашу.

— Я хочу служить в Красной Армии.

Кто-то засмеялся, кто-то удивленно поднял брови.

— Что ты придумала, Сашенька... В армию только мужчин берут. А женщин нет.

— Меня возьмут,— твердо сказала Саша.

— Почему?

— Потому что я этого очень хочу.— Подумала и добавила: — И еще потому, что я комсомолка!

Спор кончился на том, что подружки решили спросить у дедушки Таркила: берут девушек в армию или нет?

— Нет,— сказал старик.— Не берут.

Саша испугалась. Ведь Таркил всегда говорил правду.

— Я пойду в армию, дедушка. Я хочу защищать наши горы, сады, нашу Мчишьту... Это же доброе дело. Вы сами говорили, что человек пришел на землю, чтобы делать добро...

Старый Таркил внимательно посмотрел на Сашу. Белые брови его сошлись на переносице, и ему показалось, что эту девочку он никогда раньше не видел. Неужели это маленькая Назадзе? Он долго молчал. Дети ждали. И он повторил:

— Женщин в Красную Армию не берут.

Старик хотел повернуться и уйти, но его глаза снова встретились с глазами этой упрямой девчонки. В них светилась такая воля, что Таркила впервые в жизни охватило сомнение: прав ли он? Может быть, эту девушку все-таки возьмут в армию?

Прошли годы. После окончания школы комсомолка Александра Назадзе поступила в Военно-политическую академию. Она добилась своего. Училась так, что вызывала удивление и добрую зависть у мужчин.

Окончить военную академию Назадзе не пришлось. Учение прервала война. Собственно, это не совсем так. Занятия в академии продолжались, но девушка настойчиво просила командование отправить ее в действующую армию. И вот политрук Назадзе на фронте.

Политрук Александра Назадзе.

Беззаветная ее отвага, редкое самообладание, удивительная находчивость поражали бойцов. Слово политрука Назадзе всегда находило путь к солдатскому сердцу, тревожно стучалось в него, поднимало на смертный бой за родную землю.

Кто скажет, сколько раненых вынесла с поля боя Саша, сколько человеческих жизней спасла она?! Но самый большой свой воинский и человеческий подвиг политрук Назадзе совершила на камнях Ростова.

...Шли ожесточенные уличные бои. Группа наших солдат продвигалась по Пролетарской улице. Группу эту вела Александра.

Отстреливаясь, гитлеровцы отходили. Огонь их был не очень активным, и казалось, что в глубине улицы у фашистов нет надежных укреплений. Но это была уловка. Наши бойцы попали в ловушку. Внезапно на них обрушился густой пулеметный ливень. Пулемет строчил из замаскированного дзота. В тот же миг раздались выстрелы из развалин домов. Срезанные пулеметной очередью, упали два бойца, судорожно вздрогнув, медленно повалился третий... Солдаты залегли. Мгновенное замешательство... Но ведь оно подобно смерти. Наверное, об этом подумала тогда политрук Назадзе. «Вперед, только вперед! Надо прорваться через огонь!» И политрук бросилась на дзот, закрыв своим телом амбразуру...

Солдаты ринулись в атаку. Яростный, короткий бой — и дорога пробита.

Бережно подняли Сашу бойцы. Солдаты несли ее на руках, на полковом знамени. И мертвая, она была красива, как утренняя заря над ее родной Мчишьтой.

Это было в Ростове, на Пролетарской улице...

Прошло много лет. В феврале прошлого года Ростовский горсовет присвоил имя политрука Александры Назадзе той улице, где она пала смертью храбрых.

И когда в Ростове встретились люди, сражавшиеся за город, из Абхазии приехали сестра и брат Саши — Любовь Константиновна и Шамиль Константинович Назадзе. В тот вечер они впервые увидели комбата Гукаса Мадояна, прославленного героя боев за Ростов. Любовь Константиновна сердечно обняла Мадояна, поцеловала его и негромко сказала:

— Крепкого здоровья вам, дорогой Гукас Карпович. На многие годы. Вы наш брат...

* * *

Прах Саши Назадзе покоится в Ростове. На Дону хорошо знают стихи, написанные абхазским поэтом Иваном Тарбой о политруке Назадзе, помнят и любят их:

Обелиск поставлен белый,
Ширь и степь вокруг него...
Девушке — абхазке смелой —
Здесь поставили его...

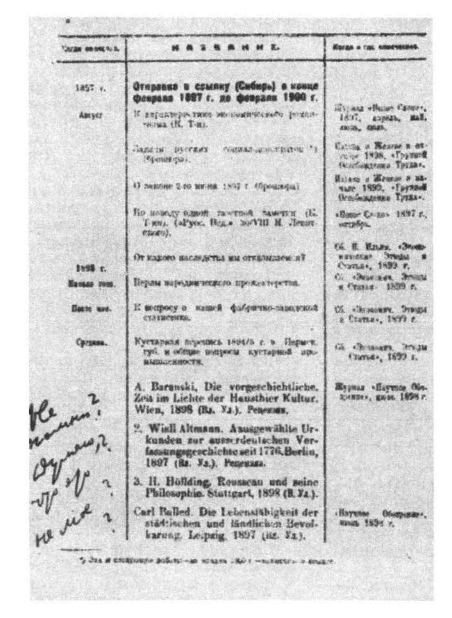
Дон и Мчишьта не похожи,
Дом Назадзе — далеко.
Только небо всюду то же,
Звезды блещут высоко...

Смерть не справилась
с тобою,
Ты бойцов звала вперед:
«Пусть победною тропою
Завершится ваш поход!»

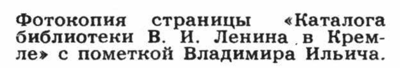
...Берег Дона величавый
Приютил тебя навек.
Горд твоей бессмертной
славой
Тихий Дон, как человек...

ИСТОРИЯ ОДНОГО СОВПАДЕНИЯ

Годы и месяцы	НАЗВАНИЯ	Когда и где напечатано
1897 г.	**Отправка в ссылку (Сибирь) в конце февраля 1897 г. до февраля 1900 г.**	
Август	К характеристике экономического романтизма (К. Т-н).	Журнал «Новое Слово», 1897, апрель, май, июнь, июль.
	Задачи русских социал-демократов (брошюра).	[illegible] 1898, «Группой Освобождения Труда».
	О законе 2-го июня 1897 г. (брошюра)	[illegible] 1899, «Группой Освобождения Труда».
	По поводу одной газетной заметки (К. Т-ин). («Рус. Вед.» [illegible]).	«Новое Слово» 1897 г., октябрь.
	От какого наследства мы отказываемся?	Сб. В. Ильин. «Экономические Этюды и Статьи», 1899 г.
1898 г. Начало года.	Перлы народнического прожектерства.	Сб. «Эконом. Этюды и Статьи» 1899 г.
После мая.	К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике.	Сб. «Эконом. Этюды и Статьи», 1899 г.
Средина.	Кустарная перепись 1894/5 г. в Пермск. губ. и общие вопросы кустарной промышленности.	Сб. «Эконом. Этюды и Статьи», 1899 г.
	A. Baranski, Die vorgeschichtliche Zeit im Lichte der Hausthier Kultur. Wien, 1898 (Вл. Ул.). Рецензия.	Журнал «Научное Обозрение», июнь 1898 г.
	2. Wiell Altmann. Ausgewählte Urkunden zur ausserdeutschen Verfassungsgeschichte seit 1776. Berlin, 1897 (Вл. Ул.). Рецензия.	
	3. H. Hölding. Rousseau und seine Philosophie. Stuttgart, 1898 (В. Ул.).	
	Carl Balled. Die Lebensfähigkeit der städtischen und ländlichen Bevölkerung. Leipzig. 1897 (Вл. Ул.).	«Научное Обозрение», июль 1898 г.

Фотокопия страницы «Каталога библиотеки В. И. Ленина в Кремле» с пометкой Владимира Ильича.

Обложка журнала «Научное обозрение» № 8 за 1899 год, в котором была опубликована статья В. И. Ленина «Еще к вопросу о теории реализации».

Б. ФИЛИППОВ

Известны три работы Владимира Ильича, опубликованные в конце минувшего века в петербургском журнале «Научное обозрение».

В ноябре 1898 года В. И. Ленин писал А. И. Елизаровой:

«Посылаю сегодня на мамино имя две тетрадки «рынков»... «Ecrivain» писал мне весной, что можно бы печатать по частям в «Научном Обозрении» или в другом журнале. Я, конечно, не против этого, но только вряд ли хоть один журнал захочет брать такую большую вещь — слишком это уже необычно бы было». Однако, несмотря на эти сомнения Владимира Ильича, статья все же была опубликована в январском номере «Научного обозрения» под названием «Заметка к вопросу о теории рынков (по поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)».

В августе 1899 года журнал напечатал статью Ленина «Еще к вопросу о теории реализации». В майском и июньском номерах за 1900 год Ленин выступил со статьей «Некритическая критика» (по поводу статьи г-на П. Скворцова «Товарный фетишизм»). Первые две работы были написаны Владимиром Ильичем во время его пребывания в ссылке, в селе Шушенском в Сибири. Статьи пересылались в Петербург конспиративно и печатались в «Научном обозрении» под псевдонимом «Владимир Ильин» и «В. Ильин». «Некритическая критика» была передана Лениным в редакцию журнала уже лично во время его нелегального приезда в Петербург в феврале 1900 года.

В письмах к родным из сибирской ссылки Владимир Ильич неоднократно упоминал «Научное обозрение», обращаясь с просьбами присылать ему этот журнал или направить в редакцию ту или другую его статью.

28 февраля 1899 года Ленин сообщает М. А. Ульяновой и А. И. Елизаровой: «Только от минусинцев получил № 1 «Научного Обозрения» со статьей П. Б. Струве против Ильина. Думаю ответить, хотя, по-моему, статья П. Б. больше за меня, чем против меня».

22 августа 1899 года Ленин пишет М. А. Ульяновой: «Третьего дня получил я, дорогая мамочка, письма твое, Анютино и Манино, книгу от Анюты («Научное Обозрение») и вырезки от Маняши».

17 октября 1899 года В. И. Ленин сообщает М. А. Ульяновой: «Научное Обозрение» присылают иногда товарищи: его получают несколько близко живущих лиц, с которыми иногда удается и видеться». Возвратясь из сибирской ссылки, перед выездом за границу, Ленин писал М. А. Ульяновой из Пскова 6 апреля 1900 года: «Видела ли Маняша (М. И. Ульянова.— Б. Ф.) «Научное Обозрение» № 3 и 4? Превосходна там статья о Писареве...» Речь шла о статье, автором которой была Вера Засулич.

Редактор «Научного обозрения» М. М. Филиппов, получив от Владимира Ильича статью «Некритическая критика», встретил немало препятствий на пути к ее опубликованию. Вначале цензура вообще не разрешила статью к печати. Лишь после длительных хлопот редактора было получено согласие на публикацию статьи при условии значительных цензурных сокращений. М. М. Филиппов вскоре сообщил об этом В. И. Ленину.

30 апреля 1900 года Владимир Ильич в новом письме к М. А. Ульяновой сетовал: «Филиппов пишет мне, что даже из статьи против Скворцова цензор почти треть выкинул! Вот напасть-то!»

Нетрудно прийти к выводу, что «Некритическая критика» появилась на страницах «Научного обозрения» в сильно урезанном виде. К сожалению, недостающие части статьи, изъятые цензурой, не найдены до сих пор. А как было бы нужно восстановить ленинскую статью в ее первозданном виде, в каком она была передана в редакцию автором!

В преддверии столетия со дня рождения В. И. Ленина, когда особенно широко ведутся поиски неизвестных ленинских работ и документов, следует рассказать об одном совпадении, которое чуть было не привело к ложным выводам.

В 1923 году старая большевичка П. Ф. Куделли предложила мне написать статью о моем покойном отце М. М. Филиппове для «Красной летописи». Последнее десятилетие жизни отца было неразрывно связано с его детищем — «Научным обозрением». Тщательно изучая комплекты этого журнала, объединявшего плеяду выдающихся русских ученых-материалистов, я указал в примечании к статье, что начало сотрудничества Ленина в «Научном обозрении» должно быть отнесено к 1898 году. Именно тогда, в №№ 6, 7 и 9 (июнь, июль, сентябрь), в журнале были опубликованы восемь рецензий на различные немецкие издания, посвященные экономическим, правовым и философским вопросам. Под каждой из них стояла подпись «В. Ул.». Я почти не сомневался, что так зашифровал себя Владимир Ульянов. В рецензиях, о которых идет речь, дан критический разбор ряда редких книг; среди них: Карл Валькер «Карл Маркс», Г. Розенберг «К рабочему законодательству в России», Г. Хеффдинг «Руссо и его философия»...

Мое предположение, что автором рецензий является Владимир Ильич, подтвердил и «Перечень напечатанных работ В. И. Ленина» (выпуск I, 1894—1914 гг.), изданный при жизни Владимира Ильича в 1920 году в Москве. В перечне я обнаружил, что рецензии на книги, о которых идет речь, значатся в списке ленинских трудов. Однако уже в 1925 году на страницах «Красной летописи» (№ 2/13, стр. 284) появилось письмо в редакцию Ив. Товстухи, утверждавшего, что ему «удалось точно установить автора этих рецензий, подписанных буквами «В. Ул.». Как писал Ив. Товстуха, «это не Вл. Ульянов, а Вас. Ульрих, известный по работе в Риге марксист, ныне здравствующий в Москве (отец председателя военно-революционного трибунала В. В. Ульриха)».

Правда, Ив. Товстуха не ссылался на какие-либо источники, и до сих пор неясно, как им был установлен подлинный автор рецензий. Не последовало в печати заявления и самого Василия Ульриха с утверждением своего авторства. Таким образом, с точки зрения научно-исследовательской вопрос окончательно решен не был. Все это дало повод много лет спустя вернуться к нему.

В 1958 году Н. И. Филиппова в научной публикации «К истории журнала «Научное обозрение» («Исторический архив» № 6), а в 1960 году и я — в своей книге «Тернистый путь русского ученого» (Жизнь и деятельность М. М. Филиппова) — также пытались привлечь внимание исследователей к решению «загадки В. Ул.».

Как известно, 17 февраля 1897 года Ленин был отправлен из Петербурга в сибирскую ссылку. В первых числах марта он прибыл в Красноярск. Тут ожидал сначала назначения места ссылки, а потом открытия навигации, так как дальнейшее следование предстояло на пароходе до Минусинска и оттуда уже лошадьми в село Шушенское. 17 апреля Владимир Ильич писал А. И. Елизаровой из Красноярска: «Напиши, пожалуйста, писателю, что я был бы очень рад, если бы он отделил несколько десятков рублей и согласился посылать мне вместо них книг: и русских и иностранных и для рецензий, и просто так. Предметы, меня интересующие, ему известны, а посылать книги он мог бы тебе. С удовольствием взял бы и всякие вещи для переводов: я мог бы уже сам распределять между минусинцами и даже туруханцами (не очень спешные), взяв на себя самое предприятие перевода и ручательство за его своевременное и надлежащее выполнение».

В примечании Владимир Ильич добавляет по поводу писателя, упоминаемого в письме: «На выбор его я полагаюсь вполне, а интересует меня эта уплата книгами потому, что это — единственный способ получать тотчас же важные новинки: для работы в журнале своевременность статей и рецензий зело важна».

Невольно возник вопрос: среди новинок могли оказаться и те книги, которые я перечислил ранее.

Именно после этого письма в 1898 году в «Научном обозрении» и были опубликованы названные мной рецензии за подписью «В. Ул.». Как тут не приписать их Владимиру Ульянову?

Как известно, посредником, через которого передавались статьи Ленина, посылаемые из Шушенского в «Научное обозрение», был П. Б. Струве. О нем неоднократно упоминал Владимир Ильич в письмах к родным, конспирируя Струве под кличкой «Ecrivain» и «Писатель». Стечение обстоятельств, невольно наводившее на мысль о том, что под псевдонимом «В. Ул.» писал Владимир Ульянов.

И еще одно соображение. Достаточно перелистать том 55-й Полного собрания сочинений В. И. Ленина для того, чтобы убедиться — Владимир Ильич неоднократно подписывался «В. Ул.» в письмах к родным. Такого рода сокращение своей фамилии было свойственно Владимиру Ульянову.

Из книги Б. М. Филиппова «Тернистый путь» (жизнь и деятельность русского ученого М. М. Филиппова). Книга подготовлена к печати издательством «Наука».

И только позднее, в начале шестидесятых годов, гипотеза о принадлежности Ленину рецензий в «Научном обозрении» была доказательно опровергнута. В 1961 году вышел в свет обширный «Каталог библиотеки В. И. Ленина в Кремле». В нем воспроизведены собственноручные пометки Владимира Ильича на отдельных книгах. Оказалось, что на полях «Перечня напечатанных работ В. И. Ленина» Владимир Ильич лично поставил знаки вопроса и написал: «НЕ ПОМНЮ. ДУМАЮ, ЧТО ЭТО НЕ МОЕ».

Пометку Ленина можно было понять скорее всего как отрицание своего авторства, но... первые слова — «НЕ ПОМНЮ» — не давали все же основания считать вопрос исчерпанным до конца. Можно было предположить, что автор действительно мог забыть свои рецензии, написанные свыше двадцати лет назад, учитывая, что большую часть времени он уделял своему знаменитому труду «Развитие капитализма в России». Лишь в 1961 и 1962 годах появились в печати серьезные опровергающие доказательства. Привел их в своих публикациях «Из истории марксизма в России» и «Необоснованное предположение» А. Володин.

Для решения задачи понадобилось не только стилистическое исследование рецензий, но и глубокий анализ их содержания, тем более что тематика значительной части рецензий совпадала с кругом вопросов, которыми интересовался В. И. Ленин. В то же время, как указывает в своем примечании редакция журнала «Вопросы истории КПСС», рецензии, опубликованные в «Научном обозрении» за подписью «В. Ул.», при всей своей содержательности «не отличаются той марксистской выдержанностью и политической остротой, которые присущи работам В. И. Ленина».

Так, например, в одной из рецензий, напечатанной в «Научном обозрении» в 1901 году, «В. Ул.» пишет, что 3-й том «Капитала» вряд ли представляет собой аутентичное произведение К. Маркса, чем и объясняются, по мнению «В. Ул.», некоторые противоречия между третьим и предыдущими томами «Капитала». Однако известно, что примерно в эти же годы В. И. Ленин выступал против критиков марксизма, доказывая, что между первыми двумя и третьим томом «Капитала» нет никакого противоречия.

Уже этот один довод, приведенный А. Володиным и разделяемый редакцией «Вопросов истории КПСС», настолько убедителен, что сразу же снимает вопрос о принадлежности рецензии В. И. Ленину.

Редакция «Вопросов истории КПСС» отметила также, что «исследуемые рецензии, как правило, лишены завершающего вывода, отражавшего позицию рецензента, что не соответствует приемам ленинского письма».

Кроме того, при ознакомлении не только со статьями, но и с рецензиями В. И. Ленина в конце XIX и начале XX века привлекает внимание то, что рецензии, так же как и статьи Ленина, подписывались им псевдонимами «Владимир Ильин» или «В. Ильин».

В связи с этим возник вопрос о том, кто же скрывался под псевдонимом «В. Ул.». И достаточно ли основательно утверждение Ив. Товстухи в 1925 году о том, что автором рецензий являлся Вас. Ульрих, известный по работе в Риге марксист?

Исследования А. Володина дают ответ и на этот вопрос.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ученый обнаружил анкету-автобиографию Василия Даниловича Ульриха, из которой явствовало, что он дважды высылался в Сибирь. В последний раз он был арестован в Риге в конце 1897 года, подвергнут строгому тюремному заключению и 31 марта 1899 года выслан в Илимск, Иркутской губернии, где и пробыл до 1903 года. Автобиография В. Д. Ульриха подтверждает, что, «кроме работы пропагандистской, он все время занимался также литературной работой по экономическим вопросам, в частности был постоянным сотрудником и переводчиком журналов с марксистским направлением...». Ульрих прямо указывает на свое сотрудничество в «Научном обозрении».

Впервые имя В. Ульриха упоминается полностью в составе сотрудников «Научного обозрения», как это ни странно, в самый тяжкий период для него — период, когда он находился в ссылке. Объявления об участии В. Ульриха в журнале появились на обложках номеров в 1899 году наряду с именами В. Ильина (Ленина) и Кирсанова А. (Плеханова).

В 1900 году на страницах журнала впервые появилась статья В. Ульриха «Доброе старое время в Ливонии» за полной подписью автора. В том, что В. Ульрих и «В. Ул.» — одно и то же лицо, убеждают не только данные анализа его рецензий, но и еще одна любопытная деталь, способствующая раскрытию псевдонима «В. Ул.». В № 3 «Научного обозрения» за 1901 год на стр. 286—290 помещена рецензия за подписью «В. Ул.» на книгу С. Франка «Теория ценности Маркса и ее значение». Однако по какой-то случайности редакция в оглавлении расшифровала псевдоним, которым подписана рецензия в тексте; в оглавлении автор рецензии обозначен уже не как «В. Ул.», а «В. Ул-х» (Вас. Ульрих.— Б. Ф.).

История эта весьма поучительна. Она показывает, с какой осторожностью и глубиной должны работать исследователи, имеющие дело с ленинским наследием.

Основанием для расшифровки литературного псевдонима или публикации без подписи могут порой служить не только всесторонний анализ произведения, но и доказательства иного порядка: бухгалтерская книга издателя, квитанция о почтовом переводе литературного гонорара и т. п.

С. Белов на страницах «Вечернего Ленинграда» писал, что ему удалось найти документ, еще раз подтверждающий сотрудничество В. И. Ленина в журнале «Научное обозрение». Собирая материалы о жизни и деятельности П. П. Сойкина, он обнаружил в отделе социального обеспечения Петроградского района пенсионное дело издателя, скончавшегося в 1938 году. Среди прочих документов в деле находится автобиография П. П. Сойкина, в которой издатель сообщал, что факт сотрудничества В. И. Ленина-Ульянова в «Научном обозрении» подтверждается приложенным к делу фотоснимком с квитанции о почтовом переводе гонорара В. И. Ульянову в Минусинск за статьи в этом журнале.

С. Белов сообщает также, что на следующем листе пенсионного дела Сойкина он обнаружил снимок с конторской книги издателя с почтовым переводом В. И. Ленину гонорара — 54 рубля за статью «Еще к вопросу о теории реализации». На почтовом переводе сумма гонорара, название города Минусинска и фамилия — Ульянов.

Несомненно, что архивы издателя П. Сойкина нуждаются в тщательном изучении. Вполне возможно, что в дальнейшем будут заполнены белые пятна истории «Научного обозрения»: как и через кого попадали в редакцию статьи и рецензии ссыльного поселенца Василия Даниловича Ульриха, как могло оказаться, что в списках охранного отделения, составленных на «крамольных» сотрудников журнала, отсутствует фамилия осужденного на поселение в Сибири Ульриха? Каким образом цензура оставила без внимания подпись Василия Ульриха, разрешив ее к печати, в то время как он находился в строгом тюремном заключении?

Будем надеяться, что в дальнейшем поиски исследователей дадут исчерпывающий ответ и на эти вопросы.

Анатолий **БОГДАНОВИЧ**

ШИНЕЛИ ПАХНУТ ЛЕСОМ...

1

Ночь. Ожидание марша.
В соснах
туман проволглый.
Чей-то негромкий кашель
В воздухе виснет долго.
Видно, сильна привычка —
Вот посмотри,
как быстро,
Звездочкой
вспыхнув, спичка
Гаснет в руках
танкиста.
Где-то, заслышав шорох,
В ветках забилась птица...
Сняв шлемофон тяжелый,
Я из ручья напился.
Скоро атака. Надо
Все просмотреть руками —
Комбинезон комбата
Между машин мелькает.
В штабе глядят на стрелки,
Сам генерал с планшетом...
— Красную дать ракету!
— Есть!
И пошла ракета!

2

Мотор, мотор —
Стальная глотка!
Июльский полдень над землей.
Броня печет,
как сковородка,
И в танке душно,
как в парной.
Звенят
В наушниках приказы.
Мы, на ходу меняя
строй,
Сквозь дым,
Сквозь выстрелы
и газы
Десант выбрасываем в «бой».
Лавина танков шире,
шире.
Условный враг
зажат в кольцо...
И вот —
«Отбой!» —
Звучит в эфире,
Отбой! —
И вытер я лицо.

3

В казарме шумно.
От шинелей
Лесные запахи плывут.
И в умывальне,
мыля шеи,
Ребята «бой»
еще ведут.
Опять в сосняк
ныряют танки,
Опять снаряды жгут траву...
Картина пройденной атаки
Здесь воскресает наяву.
Вот,
Перекинув полотенца
Через плечо,
Они идут —
Совсем как маршалы...
Я сердцем
Их разделяю ратный труд.
И в тот момент,
когда разводит
Баян
Уставший старшина,
В меня простая песня
входит,
Как входит в облако луна.
Крадется в лес
Туман проволглый...
Отбой прижал к подушкам нас...
Но все равно
стоят тревоги
У изголовья
каждый час.

ЛИЧНО ПЕРЕЖИТО

В своей новой книге С. Борзунов — военный журналист, писатель, публицист — рассказывает о том, что ему кровно близко: о войне, об армии, о ее людях.

Это повести и репортажи о событиях, в которых автор участвовал лично, о воинах и военных писателях, с которыми он сдружился на фронтах Великой Отечественной войны.

Сегодня С. Борзунов — полковник, литератор, редактор. Около тридцати лет назад он начинал свой путь армейского журналиста, и первые годы этого пути прошли под огнем, в боях, в которых Семен Борзунов показал себя как отважный воин. «Капитан Борзунов,— пишет в предисловии к его новой книге Герой Советского Союза, писатель С. Борзенко,— первый корреспондент, форсировавший Днепр».

С рассказа о форсировании Днепра, об освобождении Киева от фашистских оккупантов и начинается сборник очерков «Ради нескольких строчек». В этом рассказе все достоверно, все лично пережито, все сообщено очевидцем и участником событий. Пишет, повествует именно участник боевых дел: «...вскоре первая лодка бесшумно вошла в реку и осела под тяжестью миномета и боеприпасов. Оттолкнули ее от берега сильные солдатские руки. Пошла! А следом на самодельном плоту, на плащ-палатках, набитых сеном, на бочках, на бревнах, будто тени, плыли бойцы». И далее: «Падаю рядом с ними и даю очередь из своего ППД». Так может писать человек, сопричастный народному подвигу тех незабываемых лет.

Семен Борзунов пишет о воинах Великой Отечественной войны, как о личных товарищах и друзьях. Именно так написаны «Неуловимые», «Комиссар», «Крутовы», «Цветы и кровь». Любовно, лирично рассказано о таких героях, как лейтенант Колесов, старший политрук Колыванов, Мирза Хабибулин,— о людях, достойных любви и памяти народной.

В книге С. Борзунова есть своя особая, в какой-то мере любимая тема — литература и армия, советские писатели и Советские Вооруженные Силы. Эпиграфом к одному из очерков взяты выразительные строки из стихотворения А. Жарова:

Вместе жили. Родине служили
Острое перо и автомат.
Фронтовою дружбою дружили
Журналист, писатель и
солдат.

Вот об этой-то замечательной, прочнейшей дружбе и написаны многие рассказы и очерки С. Борзунова. Тут и большой очерк о воспитанниках военной печати, литераторах-фронтовиках, пришедших в литературу из рядов армии,— Н. Камбулове, Н. Горбачеве, А. Землянском, А. Марченко, и волнующий рассказ о Якове Чапичеве — поэте и воине, Герое Советского Союза, павшем в боях с фашистами, и очерки об Иване Вострышеве и Александре Верхолетове, отдавших все свои силы и все свое дарование политической работе, воинскому долгу и литературе.

Особо следует отметить превосходные очерки о Михаиле Алексееве («Родниковая свежесть») и Борисе Четверикове («Ясность души») — писателях разных поколений, одновременно — в годы Великой Отечественной войны — связавших свои судьбы с родной армией. Рассказ о Михаиле Алексееве проникнут взволнованным лирическим чувством, в нем С. Борзунов глубоко проникает к истокам творческого вдохновения писателя, взращенного и воспитанного в рядах Советской Армии.

Завершается книга очерком, посвященным участию советских писателей в боевой жизни Советских Вооруженных Сил. «Советские писатели не уходят в отставку,— справедливо пишет С. Борзунов.— Они всегда готовы по приказу Родины встать в ряды ее верных защитников». Этот вывод сделан на прочном основании — за ним стоит отличное знание нашей армии и нашей литературы, в рядах которых уже много лет успешно работает полковник Семен Борзунов.

Интересная, живо и сердечно написанная книга С. Борзунова вышла в свет накануне 50-летия ее автора. Читая ее, воочию убеждаешься в том, что автор — писатель, который жил и живет интересами Родины и родной литературы. Как и другие его книги, новый сборник Семена Борзунова заслуживает того, чтобы читали его с добрым чувством благодарности.

Ал. ДЫМШИЦ

Семен Борзунов. Ради нескольких строчек. Издательство «Московский рабочий», М., 1969.

САМОБЫТНО

Война как суровая проверка нравственных сил человека — именно об этом написан роман Олега Смирнова «Северная Корона».

Олег Смирнов изучал войну не по учебникам и мемуарам, он сам побывал в ее огневой купели, и потому роман его правдив и достоверен не только в своих основных жизненных ситуациях, но и в деталях. Но, конечно же, весь фронтовой материал остался бы лишь воспоминанием очевидца, не прикоснись к нему кисть талантливого литератора.

Сложен, тернист и драматичен путь одного из центральных героев романа — капитана Наймушина. Бывший пограничник, участник схватки на огненной пограничной черте, он принадлежит к тем людям, которым не занимать храбрости. Нельзя не уважать этого мужественного человека или даже не любить, как влюблен в него старший адъютант батальона Муравьев. Но честолюбие, которое живет в его душе и временами приглушается укорами собственной совести, разгорается все сильнее. Это приводит к тому, к чему не могло не привести,— к эгоизму, к стремлению добыть славу любой ценой, даже ценой человеческих жизней.

Светлым, проникновенным лиризмом овеян в романе образ Сергея Пахомцева — честного, смелого, искреннего в своих чувствах и поступках. Образ этот глубоко типичен: такие юноши, как Сергей Пахомцев, верные идеалам коммунизма, прикрыли страну своей грудью в грозный для нее час. Романтичные, на первых порах в чем-то наивные, не имевшие за своими плечами сурового опыта жизни, они закалялись в пекле войны, учились разбираться в людях, отличать добро от зла. Из таких юношей вырастали отличные командиры, знающие, что такое справедливость, твердо убежденные, что в нашем обществе дороже всех ценностей человек.

Война выверяла характеры, обнажала подлинные чувства людей, их истинную, а не словесную ценность. В этом плане весьма интересен в романе образ Чибисова. Начетчик и моралист, человек, охочий до красивого словца, любящий пустить пыль в глаза, он в минуту опасности предпочитает спасти свою жизнь ценой предательства.

Нельзя не отдать должное языку романа. Еще в лучших рассказах Олега Смирнова проявилось требовательное отношение к слову. В романе он сделал новый шаг вперед.

В наши дни к каждой новой книге о войне читатель относится все более взыскательно: оправдал ли писатель его надежды, открыл ли что-либо еще не познанное, сказал ли свое слово? Роман Олега Смирнова «Северная Корона» оправдывает эти ожидания. Писатель сказал о войне свое слово — талантливое, самобытное, честное.

Анатолий МАРЧЕНКО

Олег Смирнов. Северная Корона. *Журнал «Москва»* №№ 11—12. 1968.

НА ПУТИ К ЗВЕЗДАМ

А. Коваль-Волков, управляя самолетом, когда-то в юности впервые самостоятельно взлетел над землей. А многие годы спустя, уже приобретя не только опыт вождения машины, но и опыт поэтический, он не мог не сказать о том волнующем событии в его жизни:

...Я ликовал. Ей-ей, ребята,
Не всем дано меня понять —
Какая это благодать
Подняться над землей
крылатым!..

С тех пор поэт неразрывно связан с авиацией, она и определила основную тему его стихов. Он пишет о тех, кто свечой с аэродрома уходит в небо охранять восход нового мирного дня. Далекие небесные звезды ближе летчику, чем людям наземных профессий. Но и спустившись на землю, поэт не расстается со звездами. Он видит, как «задувает звезды, словно свечи, колючая российская пурга», слышит, как плещутся морские волны, подкатывая к его ногам отраженные ночные звезды.

Обращает на себя внимание то, что автор не любит громких, трескучих фраз, не гонится за показной, бьющей на внешний эффект оригинальностью. Его привлекают зримые, осязательные образы, точные поэтические детали, которые он подмечает, где мог бы другой их и не найти.

Многие стихи поэта автобиографичны, а значит, и достоверны. Он пишет о родном Доне и о своей юности, пишет о том, что пережил, прочувствовал.

Рядом с испытанными асами, воевавшими в прошлой войне, встает в строй новая крылатая юность. И, обращаясь к своим однополчанам, поэт взволнованно говорит:

...И ныне рядом с вами, асами,
Пронзает юность небосвод...
Летит мой полк высокой
трассою,
И не кончается полет!

Стихи Александра Коваля-Волкова написаны просто и убедительно, ритмически разнообразно, многие из них запоминаются, волнуют.

Юрий МЕЛЬНИКОВ

Александр Коваль-Волков. Обманчивая тишина. Издательство «Московский рабочий», 1968.

Кто был на войне, тот помнит немало обычаев и традиций, бытовавших в окопах. Так, хирург, извлекая из раны осколок, дарил его раненому на память. И тот прятал, берег эти ржавые, с черной окалиной кусочки железа. За годы боев, наступлений и вражеских контратак иному солдату хоть музей открывать!

Память ранима и отзывчива на далекое воспоминание. В ней осколочки тоже колючие, и от многих и жарко, и грустно, и больно еще и теперь, спустя столько лет. И все они разные. Один — крупный, большой, с исковерканными на изломе краями. Другой — маленький, остренький, как бы игольчатый. Третий — ровный и плоский, а резал, как нож...

ТРИ ОСКОЛКА НА ПАМЯТЬ

Ольга КОЖУХОВА

Рассказы

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ФОТОГРАФИЯ

Август сорок третьего года на Смоленщине, под Спас-Деменском. В жарком выцветшем небе то и дело захлестываются жестяные короткие петли воздушных боев: колючие, искристые следы огненных трасс, свист моторов, и грохот, и черные, клубящиеся траектории падающих самолетов.

Внизу, по извилистой пойме реки, по разъезженным торфянистым дорогам, желтоватая, серая пыль, такими же, как и в небе, растянутыми клубками. Это движутся танки, бронетранспортеры, машины и тягачи, выволакивающие с позиций тяжелые, тупорылые гаубицы.

Бой чуть-чуть отодвинулся от высоток, распаханных минами, и скатился куда-то левее, за гущу прибрежных деревьев. Но земля еще вся трепещет от взрывов и грохота, лязга гусениц, завывания моторов. Она вся в чернеющих гнилью и торфом, развороченных ранах: это осыпью падали бомбы вдоль пробитой войсками по лугу дороги. Вот и жертвы бомбежки: чей-то труп, нет, не труп, это что-то совсем непохожее на человека. Ни шеи, ни головы, ни ног, ни рук, одно только туловище, аккуратно обрубленное близким разрывом. Чуть подальше от этого обескровленного обрубка — совсем еще юный, белобрысый солдатик. Он лежит как-то боком, как будто уснул, обняв вещмешок. Я его обхожу осторожно...

Я иду по высотке, здесь пахнет тошнотной тротиловой вонью, ветер гонит какие-то комья бумаг, обрывки газет. Здесь убитых так много, что я их не обхожу, а просто перешагиваю через них.

В большой темной ямине — пушка-гаубица, вокруг нее копошатся солдаты. Наверное, выезжают на новые огневые.

И вдруг голос, знакомый, веселый:

— Ба! Кого вижу?! Вот встреча!

Мой земляк, командир батареи из 4-й гвардейской.

Он в выцветшей дожелта гимнастерке с расстегнутым воротом, без пилотки. Пилотка засунута в карман и торчит оттуда засаленным уголком с вишневого цвета надколотой звездочкой. Русый чуб летает по ветру, обметая глаза с густыми ресницами, чуть загнутыми кончиками вверх. Лицо широкое, загорелое, расплывшееся в улыбке.

— Ты как сюда, в эту кашу?

— Вот ищу, догоняю дивизию... Горячего похлебать. А ты?

— Я? — Он весело оглянулся. — Меняю позицию... Тоже едем туда. — Он показывает куда-то в сторону Ельни, над которой весь день нынче в небе виснет грохочущее, гремящее пулеметными очередями, блистающее колесо.

Мы идем с ним по гребню высотки. Ветер дымен, горяч, и уже пахнет тленом. Мой земляк останавливается над мертвецом, лежащим на глинистом бруствере обвалившегося окопа, носком сапога притаптывает траву вокруг его темнобрового молодого лица.

— Смотри, какой парень! Богатырь...

Убитый лежит, широко раскинув в стороны руки. Мухи бродят в глазницах. Карманы гимнастерки уже вывернуты наизнанку, и тут же в траве валяются вынутые из них письма, чья-то девичья фотография.

Мой земляк наклоняется, поднимает письмо:

— Из Москвы. От Черновой Наташи.

Он смотрит на фотографию, лежащую на земле, берет ее в руки. Живая, поддразнивающая улыбка, глаза темные, яркие, губы четко очерчены, но, видать, без помады. Легкомысленный завиток отлетел от виска — вся задор и порыв. На обороте полудетским почерком надпись: «На долгую память...»

— Хм... — Мой друг глядит на фотографию как-то слишком уж пристально. Лицо его вдруг сухо собралось, глаза чуть прищурились. Он медленно отводит взгляд от квадратика глянцевитой бумаги и теперь смотрит куда-то вперед, вдоль осыпи бомб и снарядных воронок. — М-да-а-а... На долгую память!..

Проходит томительное мгновение.

— М-да-ааа, — опять повторяет товарищ растерянно, удивленно. — Дела!

Мы о чем-то с ним говорим, и он отвечает мне, а сам все поглядывает на конверт, на маленькую фотографию. И вдруг кладет ее к себе в карман.

— Напишу. Сегодня же ей напишу, расскажу, как стоял над убитым...

С той встречи прошло много лет.

Как сама написала когда-то в стихах: «Отошла от нас война, зажила сквозная...»

Наверно, давно зарыты траншеи, изрезавшие поля и луга под Спас-Деменском, Ельней, Смоленском. Давно истлели кости убитых, и старых и молодых. И только случайно пахарь весной наклонится и поднимет латунную гильзу в желтой плесени, в ржавчине и отбросит подальше, чтобы лемех не затупился...

Я иду по Арбату, и вдруг опять тот же голос, веселый, знакомый:

— Ба! Кого вижу?! Вот встреча!..

Мой земляк, батареец.

В бельгийской нейлоновой куртке с синим вязаным воротником, в нейлоновой белой рубашке с модным галстуком, в тупоносых ботинках — располнел, постарел, глаза выцвели, посветлели, русый чуб превратился в плоско лежащие справа налево, гладко причесанные волоски. Но весел, здоров. В руках свертки, покупки.

— Ты разве в Москве живешь? — Он изумлен.

— В Москве... А ты?

— Тоже. Считай, с сорок пятого года. Уже старожил...

— Вот не знала!

Да разве узнаешь, кто находится рядом с тобой в этом шумном, огромном, разросшемся городе! Может быть, что те самые люди, которых я разыскиваю почти четверть века, о которых с благодарностью вспоминаю, — защитившие от пули или бомбы, накормившие, обогревшие в лютый мороз, разделившие со мной радость и горе, — тоже где-нибудь сейчас рядом, живут по соседству и гуляют по тем же самым улицам, по которым хожу и я, да разве узнаешь?!

Он идет со мной по Арбату, мой старый товарищ, хороший солдат, говорит:

— А я тут живу, в переулке. Рукой подать. Зайдем, познакомлю с Наташей...

— С какой Наташей?

— Жена моя, ты не знаешь? Чернова Наташа...

И я останавливаюсь, припоминая.
— Так ты ей тогда написал?
— Написал. А потом через месяц — бац! — ранение, меня в госпиталь, прямо в Лефортово. Она меня, раненого, навестила... Потом выписался из госпиталя заходил к ней проститься...
Все это он говорит, поддерживая меня под локоток и ловко и незаметно направляя мой путь: поворот, еще один поворот, старинный подъезд с черной дверью, она вся в стекляшках, истертая лестница.
На втором этаже мы звоним.
Открывает нам полная, темноглазая женщина в белой кофточке, в фартучке. В коридоре, а теперь и на лестнице сладко пахнет вареньем.
— Ой, простите, горит! — всплескивает руками хозяйка и весело убегает на кухню. Потом важно, торжественно выплывает навстречу, уже без фартучка, поправляя прическу. Мой старый приятель целует ее в чуть тронутый сединой завиток на виске.
— Наташа, а это та самая девушка, с которой мы встретились после боя на той высотке,— говорит он и ласково улыбается нам обеим, по очереди ей и мне, приглашая жену и товарища по войне разделить его радость.
И женщина милым движением, как-то очень по-детски, растерянно поднимает свои темные бровки, стараясь припомнить: о чем это он? Какая высотка?
— А, да!.. Очень, очень приятно... Я так рада, так рада!..
Она помогает мужу снять куртку, принимает из рук его свертки. Стелит скатерть на стол и ставит варенье, расспрашивая у меня:
— А вы что больше любите: вишню или клубнику? Вы знаете, у нас своя дача, столько ягод, не знаем, куда уж нынче девать...
Квартира у них большая, уютная, чуть-чуть старомодная: кружевные гардины, ковер, зеркала, в серванте хрусталь, фарфоровые безделушки; тихий мир и покой обеспеченной и согласной семьи. И только портрет на стене над столом врывается диссонансом — увеличенная фотография, та самая, на которой Наташа Чернова совсем молодая: живая, поддразнивающая улыбка, глаза темные, яркие, губы четко очерчены, хотя и без помады, легкомысленный завиток отлетел от виска...
Свежесваренное варенье мне кажется горьким. Наверно, действительно подгорело. Или просто тоска начинает точить мое сердце? Я думаю с грустью, недоуменно: «Как же так? Отчего они счастливы? Может быть, оттого, что их счастье окуплено кровью? Или это не счастье, а привычка к уюту, к покою, и неважно, какою добыто ценой?»
Я гляжу на товарища. Он прошел всю войну и был ранен... Кто знает, сложись подругому судьба, и он тоже лежал бы, безжизненный, обескровленный, может быть, неопознанный, никому не известный... Ему это счастье — заслуженная награда. А ей?.. Отчего она даже не вздрогнула, не задумалась, не окаменела при темном воспоминании о том, на высотке? За что ей награда? За умение принимать жизнь такой, какая она есть? За внимание и ласку к другому солдату?
Да, кто знает, за что нас судьба награждает... И достойны ли мы? Да и нужно ли непременно, обязательно быть достойным? Разве право на жизнь не дается любому рожденному?
Я хочу их, красивых и радостных, обязательно оправдать.
Мне нравится эта женщина в пухлых ямочках, в завитках, улыбчивая, темноглазая, заботливая хлопотунья. Мне нравится мой товарищ, настоящий суровый солдат со своим чувством долга и чести.
Я от них ухожу, унося золотое тепло их семейного очага, охраняемого добротой и любовью.
Но пока я иду переулками до метро, мне все видится та распаханная минами высотка, и трупы на ней, и глинистый бруствер, и солдат, который лежал, широко раскинув в стороны руки, в гимнастерке с вывернутыми наизнанку карманами, словно отдал другим не одну только свою жизнь, но и что-то еще, куда больше жизни, взамен уже не требуя ничего.

В ПЕРЕВЕРНУТОМ ТАНКЕ

От Починка до Монастырщины я еду на танке.
На ходу башня танка развернута пушкой назад, я сижу на ней невольно кокетливо, эдакой амазонкой, то есть чуть-чуть боком, одной рукой упираясь в бедро, а другою держась за холодную, всю в заклепках броню.
Ветер режет лицо, сентябрьский, колючий, настывший на раннем, не вовремя, зазимке. Иногда начинается мелкий дождь, но идет он недолго, потом вновь оголяется небо, тучи рваными клочьями уплывают назад, обтекая дорогу по флангам и справа и слева. А на льдистые, голубые проемы, на место ушедших, уже прямо по центру, приходят другие, черно-сизые, серые, все в лохмотьях летящей по воздуху влаги, в свалявшейся шерсти, как стадо баранов. Они тупо роются над равниной, изъезженной сотнями гусениц и колес, истоптанной конницей и пехотой.
Танкисты, курносые, молодые, как братья-погодки, в ребристых матерчатых шлемах, в промасленных куртках хаки со множеством клапанов и карманов, в промокших, как и у меня, сапогах, по очереди вылезают из люка пошутить, покурить, расспросить свою пассажирку, не землячка ли,— это здесь, на войне, очень важно — «побалакать» на разные темы. К сожалению, разговаривать не приходится: танк гремит и грохочет, он в царапинах, в рваных ранах, залепленных швами недавней сварки, еще с лиловатой окалиной. И машина и люди, видать, не однажды побывали в самой гуще боя и вот снова спешат...
— Что, сестренка, замерзла?
— Да нет, ничего...
— Сейчас кулеш варить будем, погреешься...
Командир — лейтенант с обгоревшим лицом, веселый, застенчивый, русоволосый. Он высок, очень ладен, подтянут и ловок, по броне ходит мягко, как кошка. Когда рядом садится, конфузливо опасается прислониться, поэтому притуляется как-то бочком, сосет козью ножку, покашивая глаза на меня, на истертый планшет, на старые рукавицы.
— Эх, пяхота-а-а,— насмешливо тянет он, расплываясь в щербатой улыбке.— Сто километров пройдет — и еще охота...
— Ну, пяхота, ну что? Что еще хорошего скажете? — Я легко принимаю его смешливый, совсем не обязывающий ни к чему тон.— Без пехоты вам в бою делать нечего. Небось, сразу завязнете!..
— Да уж что говорить! Без вас никуда! Слыхал, Митя, чего объясняет? — кричит командир вылезающему из люка башнеру. Но тот вглядывается вперед, в отдаленный лесок, и словно не слышит. Потом проходит по танку вперед, заслоняет ладонью глаза, пожимает плечами.
— Не пойму я, що це такэ?!
Командир уже тоже заметил там, впереди, у моста через речку, что-то явно неладное. Вероятно, был бой: кучно стоят подбитые немецкие танки, а один опрокинулся башней в воду и лежит, перевернутый, чем-то очень напоминая положенного на спину жука. В этом зрелище одновременно есть что-то и неприятное и смешное.
— Хлопцы, стой! — Командир постучал по броне. Грохот смолк. Танк застыл на обочине. И все трое — командир, механик-водитель и башенный стрелок — спрыгнули на землю, приказав мне остаться на месте: «А мало ли что...»
— Вы тут сторожите, шоб никто ничего не украв! — подмигнул мне башнер, курчавый и смуглый, как турок. И они пошли несколько неестественно прямо на танки и долго ходили между плоских чудовищ с крестами на ржавых боках, разглядывая то рваные раны на башнях, то гусеницы, то залезая наверх, на броню, и заглядывая, наклоняясь, в открытые люки...
Потом они стали над речкой, над самым обрывом, и сам командир, оскользаясь, спустился по глинистому отвесному срезу, забрел в воду,— как был, в сапогах и одежде,— добрался до танка, лежащего на спине, и долго простукивал броневые листы, прикладывал к ним обожженное ухо.
Мне холодно и одиноко одной, я не знаю, что там случилось, отчего они ходят так долго, мне хочется кулеша, и теплой, томительной ласки раскаленных углей, и запаха сала и лука. Но попутчиков моих нет и нет. Наконец прибежал механик-водитель, вынул трос из люка, прицепил его сзади к крюку.
— Что случилось там? Что хотите вы делать?
— Да фриц, будь он проклят, почти потонул... Сидит, еле дышит, пищит, как цыпленок, в перевернутом танке. Один уже пузыри пустил, другого на месте зараз убили, а этот живой... Лопочет по-своему... Плачет. Вот будем тягать его, выручать.
— Это долго?
— Да кто ж его знает! Покуда не вытягнем...
Я взглянула на ручные часы.
На безлюдной дороге ни проезжей машины, кроме этого танка, ни обозной подводы, ни просто попутчика в сторону фронта. Придется идти пешком в одиночку, я и так припозднилась, до вечера не поспею, а ждать, пока «вытягнут» фрица, нахлебавшегося в смертном страхе осенней холодной воды, мне никак не с руки, наживать нагоняй; как сказал бы мой шеф: «Дурных не родилось!»
— Ну, тогда до свидания! Спасибо... Желаю удачи... Хорошо воевать!
— Счастливенько! До свиданьица! Будьте здоровы!
Танк взревел и пошел к реке задом, разворачивая тяжелыми траками гусениц маслянистую, влажную землю, завязая в разжиженной глине ослизлого берега.
...Поздно вечером я уже приближалась к Лиозно. Привычно гремела, постанывала за лесами бессонная передовая. На западе то и дело взлетали короткие взблески, что-то грузно, рассеянно переваливалось с боку на бок и при этом еще как бы разваливая тяжелые, круглые, сытые бревна, потом воздух пронизывали ржавый скрежет, сипение пара,— вероятно, бомбили состав на железной дороге: «юнкерс» ныл в темноте, то как будто бы удаляясь, то опять приближаясь. Зенитки облаяли вражеский самолет. Эхо выстрелов счетверенно слоилось в насыщенном влагою воздухе. А я шла по разъезженной, грязной дороге и все видела этот вражеский танк, перевернутый на спину, и сидящего в нем внутри фрица. Я почти ощущала, как туго натянут крепкий, жилистый трос, как наша советская «тридцатьчетвер-

ка» могучим усилием выволакивает на глинистый берег вот это беспомощное насекомое, когда-то чудовище в белых стертых крестах. Я себе представляю, как русские парни варят кулеш и кормят измокшего и озябшего фрица,— может быть, того самого, который стрелял и обжег уши, щеки и брови веселого, русоволосого командира.

Я иду и раздумываю: отчего в нашем русском народе так сочувствуют слабому, даже если он враг? Так ему помогают? Отчего забывают, что слабый когда-то был сильным и что, может, со временем он опять станет им, обязательно станет, ну, хотя бы уже потому, что ему помогли, и тогда он уже никогда не забудет, не простит твоей помощи, твоей жалости, твой костер, твой кулеш, твои грязные, мокрые, ознобленные руки...

ХЛЕБНЫЙ КОЛОС И РОЗЫ

Чужой, пустой, выжженный город.

Местное население убежало от Советской Армии на запад, к союзникам. Наши бойцы и офицеры колонной ушли на проческу лесов, вылавливать «оборотней» — «вервольфов», оставленных фашистами для убийств и диверсий в нашем тылу. В расположении части остались только женщины, больные в медпункте да несколько часовых.

Апрельский горячий ветер волнует, гонит из дому на мостовую. Но печально ходить по обрушенной черепице, по осколкам стекла, по завалам из камня: пейзаж марсианский, как будто из «Аэлиты», уэллсовский — «Битва миров». Заходи в любой дом, и везде на разбитом окне накрахмаленная занавеска, на столах чашки кофе, в решетчатой хлебнице куски черствого хлеба. В шкафах платья, пальто. Аккуратно расставлены туфли, калоши. Я смотрю на них, они чем-то знакомы. Ба! Да ведь наши, советские: завод «Красный треугольник». Наши венские стулья. Наши книги — Толстой, Достоевский, но уже в аккуратных, с готической вязью, с тиснением золотом переплетах, наша пудра, духи...

Я брожу по безлюдным, разгромленным боем, заброшенным улицам. Город мал, он тянется узкой лентой вдоль холмистого берега Одера, весь розово-белый от цветущих садов, от лепящейся по оградам махровой сирени, от вьющихся роз. Да, здесь много цветов — в специальных оранжереях, в парниках под стеклом, в бесконечных ухоженных палисадниках: гиацинты, нарциссы, тюльпаны, подснежники.

Я хожу в парниках, как по кладбищу, среди грядок — этих странных, стеклянных могил, и цветы, как мне кажется, пахнут не свежестью, не весной, а мщением, тленом. Мне все слышатся еще выстрелы самоходок, грохот танковых пушек, лязг тяжелой брони, скрежет гусениц: здесь был бой, и наших убитых мы уже схоронили — без надгробий и без цветов, в простых братских могилах...

Возвращаясь с прогулки от разбитого немцами и повисшего переломленной арочной частью ажурного моста, я вдруг вижу на улицах города каких-то людей. Они идут, сгорбившись, с тачками, боязливо прижимаясь к стенам и оглядываясь: в мятых шляпах, в потертых пальто, старики и старухи, бесцветные женщины в пестрых платочках, в очках, рядом жмутся бледнолицые, неумытые дети.

И все они голодны, я это вижу по их глазам.

Этот взгляд, чуть больной и чуть виноватый, воровато перебегающий, не стоящий на месте, я знаю уже хорошо. За годы войны на всякое нагляделася.

Ага, значит, там, за Эльбой, вам было несладко? Не очень-то, видимо, вас ласкали союзники, если так вот, с детьми, со старухами, возвратились к большевикам!

Они делают вид, что не смотрят в мою сторону, а сами приглядываются исподтишка, краем глаза: военная форма, сапоги, портупея, погоны, на груди ордена... Как-то все обойдется при встрече!

— Гутен таг!

— Гутен таг!

Они открывают калитку и входят во двор небольшого квадратного крепкого дома с закрытыми ставнями, поднимают какие-то щепочки на песчаной дорожке, поправляют примятые кустики роз.

Там, за городом, в поле, пересохла земля,— я видела эти серые, пыльные непаханые прямоугольники, спланированные в совершенно невообразимую ровность, с тонкой кромочкой вдоль дороги, не так, как у нас, с широкими полосами свободной земли, а все словно бы по линейке, впритык, в пересчете на сантиметры.

Хлеб им сеять давно бы пора, земля сохнет, а они, я гляжу, подрезают малину, крыжовник, поливают цветы, подметают дорожки.

Когда наша часть возвратилась с прочески лесов, я рассказываю товарищам о том, что у нас появились соседи.

— И что значит культура! — с увлечением объясняю им я.— Наш мужик сейчас в первую очередь вышел бы в поле, а они подстригают листочки у роз.

Один мой товарищ, задумчиво посопев, посмотрел, чуть прищурясь, на тот каменный дом и сказал совершенно серьезно, без тени улыбки:

— А что ж!.. Все может быть... А может, поэтому мы их и одолели? Ты как думаешь?!

Вспоминая солдатские дни

Иван РЯДЧЕНКО

СУДОСТРОИТЕЛЬНАЯ БАЛЛАДА

Зеленый Николаев. Стапеля.
Земное предисловье корабля.

Рожденный из железа и огня,
стоит он, корпус к морю наклоня.

Бутылку о форштевень разобьют —
и судно распахнет глаза кают

и заскользит, на радость мастерам,
навстречу океанам и ветрам.

Но черных танков движется орда.
Заходит в эллинг мастер Череда.

Не молоток, а смерть в его руке.
Моря слезой сползают по щеке.

Бикфордов шнур дымится у киля.
Прощайте, океаны и земля!

О, эти многотрудные года,
когда суда уходят в никуда!

Окончилась война. Но вот беда —
в бою о смерть споткнулся Череда.

Звезда над партизаном высока.
Его покой бинтуют облака.

Поднялся Череда на пьедестал.
И только жаль, что сына не видал...

Зеленый Николаев. Стапеля.
Земное предисловье корабля.

Да! Годы быстротечны, как вода.
Заходит в эллинг младший Череда.

Вот миг еще — он к судну подойдет,
бутылку о форштевень разобьет,

все оглядит — от мачты до киля,
потом прочтет названье корабля

и тихо скажет, задрожав губой:
— Вот мы, отец, и встретились с тобой!..

И у отца откроются глаза,
и якорь, как железная слеза,

из клюза, с отвоеванных высот,
в тугую воду тяжко упадет,

и «ЧЕРЕДА», на радость мастерам,
вернется к океанам и ветрам.

СЕРЖАНТСКИЕ ПОГОНЫ

Войною опаленный,
опять иду в ночи...
Сержантские погоны,
солдатские харчи.

Убитые березки,
чернеющий очаг.
Три красные полоски,
три лычки на плечах.

Гудят столбами ноги.
Даны среди пальбы
три красные дороги,
три разные судьбы.

Одна судьба такая:
когда настанет час,
упасть, изнемогая,
но выполнить приказ.

Вторая — в полумраке,
подставив пулям грудь,
встать первым в миг атаки,
но позже всех уснуть.

Есть третья — на рассвете
сквозь гибели и дым
дойти пешком к Победе
хоть мертвым,
хоть живым.

А даль — в лесах зеленых,
черемухам цвести...
И нету на погонах
четвертого пути.

Одесса.

Н. Соломин. «Смелей вперед и тверже шаг».

Эльвира ПОПОВА

Добрые традиции

У картины «Буденновцы» — вы видите ее на сегодняшней вкладке — и у другой, несхожей с ней по манере исполнения — «Смелей вперед и тверже шаг» (в цвете она напечатана в «Огоньке» № 2 за этот год), одна авторская подпись — Н. Соломин. Только первую написал Николай Соломин-отец, а вторую Николай Соломин-сын. И то, что эта первая большая заявочная работа молодого живописца была отмечена премией ЦК комсомола на юбилейной выставке «50 лет ВЛКСМ», свидетельствует: Соломин-младший не напрасно выбрал в жизни ту же дорогу, что и отец.

На родной дедовской земле, что под Калязином, в поколениях одного из тамошних крестьянских семейств — истоки и корни таланта обоих живописцев Соломиных. Недаром Николай Петрович Крымов, встретив впервые на студенческой выставке в Училище памяти 1905 года работы Соломина-старшего, спросил, нет ли у того в роду мастеров-иконописцев... Ведь нередко эти безымянные мастера-самоучки из русских деревень были замечательными художниками.

Однако одаренный юноша, которого тогда Н. П. Крымов сразу же зачислил в свою мастерскую, был сыном наборщика Сытинской типографии, вчерашнего крестьянина, который пришел в начале 900-х годов в матушку Москву искать счастья. В 1916 году у него родился сын, будущий художник Николай Соломин.

В 1936 году Николай окончил училище-техникум с отличием. Это дало ему право без экзаменов поступить в только что открывшийся в Москве Институт изобразительных искусств. Но и занимаясь там сначала у С. В. Герасимова, затем у Г. Г. Ряжского, Коля Соломин вместе с однокурсниками Юрием Кугачом и Федором Глебовым по-прежнему частый гость в гостеприимном доме Николая Петровича Крымова. Все так же часто произносятся здесь слова «тон», «тоновые отношения». Порою идет горячий спор, а чаще слышен лишь рокочущий глуховатый бас хозяина, изредка осторожно прерываемый вопросами и репликами молодых художников... Николай Петрович излагает тонкости своей теории:

— Видеть тон гораздо труднее, чем видеть цвет. В этом каждый легко может убедиться, пробуя определить разницу в цвете двух светофоров. Что один светофор красный, а другой зеленый — это скажет каждый, но только немногие верно определят, который из них светлее... Картина не может быть живописной, если мы не учтем самого главного — значения и влияния общего тона, то есть общего светового состояния картины.

— Обратите внимание, в природе в сумерках все соответственно темнее, чем в дневные часы; в солнечный день все освещенные предметы светлее, чем в пасмурный день; в комнате темнее, чем под открытым небом; в лесу темнее, чем в поле, и так далее. Чувство общего тона и есть самое главное в живописи.

И когда придет время работы над дипломом — первой самостоятельной картиной,— Коля Соломин постарается использовать в ней все крымовские уроки. И даже развить, усложнить их.

Но в счастливые творческие будни огненным шквалом ворвалась война. Сложив кисти и палитру возле неоконченного холста-диплома «Иван Болотников», попрощавшись с женой и годовалым сынишкой Колькой, ушел молодой живописец рядовым в московское ополчение...

Лишь в самом начале 1948 года была все же написана Николаем Соломиным его дипломная работа в институте. Называлась она теперь «Партизаны». Живая, сегодняшняя история, частью которой стала и собственная жизнь художника, подсказала новую тему. А вскоре, уже на самостоятельном пути в искусстве,— картина за картиной: «Доклад В. И. Ленину о положении под Царицыном» — 1950 год, «Декрет о земле» — 1957 год, «Передача техники МТС колхозам» — 1960 год, «Глуховцы у В. И. Ленина» — 1961 год, «Механизаторы» — 1965 год...

Наконец, «Буденновцы». Поначалу задумал художник написать героев-конников перед атакой: все напряжено, люди слиты в едином порыве, сейчас взовьется горячая пыль из-под копыт, вздрогнет воздух от громового «Ура!». Но пока изучал художник славное прошлое, ему захотелось поближе, повнимательнее поглядеть в лицо каждому из бойцов и написать их так, чтоб за каждым зритель увидел биографию. Живописец захотел создать не только символ в этой победной атаке, но живые, конкретные образы. Так сложилась эта простая, спокойная, будто из самой жизни высмотренная композиция, в которой сразу чувствуешь уверенную руку мастера-рисовальщика, умение подбирать типаж. Кажется, будто бы стоял художник с мольбертом у обочины пыльного шляха, когда проходила мимо под красным знаменем, с песней легендарная буденновская конница. Такая достоверность, документальность, прямой контакт с натурой еще больше присущи соломинским полотнам, посвященным жизни современного села. Потому что неизменно позируют для них художнику его земляки — колхозники родной соломинской деревни Пахомово. Они же ему и первые критики, советчики.

— Не раз бывало, что я в сомнениях своих обращался за советом к землякам — шоферам, механизаторам, полеводам. И если им понятна была задуманная мною «расстановка сил» в картине, то я был спокоен: значит, не ошибся, не сплоховал.

Но и художник не остается в долгу у друзей. Вот хотя бы нынешним летом написал Николай Константинович для сцены колхозного клуба задник-пейзаж. На просторном холсте вдоль живописного лесного берега течет река. Такая же, как возле самой деревни.

Работа над большими полотнами для Соломина-старшего — дело привычное. И в 1939 и в 1952 годах участвовал он в оформлении Всесоюзной сельскохозяйственной выставки — ныне ВДНХ. А в 1954 году, когда началось восстановление Севастопольской панорамы, Н. К. Соломин был приглашен в город-герой. Он был там ответственным за рисунок всего этого поистине грандиозного холста: 116 метров на 14,5! А сколько эпизодов, изображенных на нем, написано рукой Николая Константиновича! Особенно много таких, где было наиболее трудно слить воедино плоское живописное изображение с объемной макетной частью. Те, кто видел панораму, помнят, наверное, например, телегу, задняя половина которой настоящая, а передняя половина, оглобли, лошадь в упряжке — живопись. Но определить, где здесь шов, можно, лишь подходя к самой стене панорамы.

Так соломинская обстоятельность, вдумчивость, дотошность, по собственному выражению художника, сослужили однажды великую службу народу.

Для каждой картины — десятки зарисовок, по нескольку этюдов из главных и второстепенных фигур, взятых в разных ракурсах, при разном направлении освещенности. Множество эскизов, в которых выкристаллизовывается постепенно четкая схема произведения. Именно так привыкал работать и Соломин-младший еще в средней художественной школе, что напротив Третьяковки, где занимался мальчик и где преподавал его отец. В начальные классы Соломин ходил в обычную школу. Не спешил Николай Константинович отдавать сына в художники, пока не удостоверился: способности есть. Но когда увидел, что уже невозможно отнять у мальчика бумагу и карандаш, что в искусстве Колино призвание, стал учить всему, что знал сам, что принял в наследство от своих прославленных учителей.

— Не верь никому и никогда, будто можно создать хоть что-то стоящее, не освоив все доставшееся нам от художников прошлых эпох, не изучая каждый день жизнь, не овладев сложным ремеслом живописца в таком совершенстве, чтобы кисть слушалась не только мановения мизинца — движения мысли! Охотников до дешевой славы во все времена немало подвизалось около искусства. Нам, студентам, рассказывал о них любимый учитель Николай Петрович Крымов, вспоминая свое пребывание в обществе «Голубая роза». Помню, как он говорил: «Попадались у нас люди, дарования у которых набиралось на три копейки, а хотелось такому показаться даровитым на 100 рублей. Но если бы он стал рисовать и писать просто, так, как я вас учу, то для всех бы сделалось очевидным: человек бездарен. И вот начинает такой хитрить: рисует что-нибудь такое несусветное — и чем несусветнее, тем вернее результат, тем бездарности легче доказать, что есть в нем что-то. Дамы-искусствоведки, глядя на мазню столь необыкновенного маэстро, облаченного в блузу, гольфы и очки — для ученого вида,— думают: не может быть, чтоб такой человек писал так от неумения! Вероятно, он уже все постиг в живописи. Рисует не хуже Рафаэля, а пишет не хуже Рембрандта. И все это ему уже надоело, и решил он искать новые пути... Потрясенные дамы начинают говорить проходимцу (надо сказать, Николай Петрович в выражениях не стесняется) вовсе не понятные, но оттого еще более для него лестные вещи. А лжегению только того и надо».

Мы слушаем недоверчиво: гиперболизирует старик! Чувствуя наше недоверие, Николай Петрович басит, уже сердясь: «Вы что, мне не верите?! Ведь вам я сущую правду говорю! Я таких сам знал в лицо...»

Так Коля Соломин узнает от своего отца то, что когда-то определило отношение к искусству Николая Константиновича. И переходят слова выдающихся русских художников, мастеров изобразительного советского искусства, от одного поколения живописцев к другому.

На одних и тех же выставках можно увидеть рядом работы живописца Федора Павловича Решетникова и его дочери, молодой театральной художницы Любови Решетниковой, живописцев Аркадия Александровича и Николая Пластовых, Юрия Петровича и Михаила Кугачей, Василия Кирилловича и Дмитрия Нечитайло, графиков Дементия Алексеевича и Алексея Шмариновых, скульпторов Екатерины Федоровны и Александра Белашовых...

— И удивительного тут нет ничего,— говорит Николай Константинович Соломин.— Много значит, когда ребенок растет в семье, где профессия старших — искусство. В такой атмосфере творчества, постоянных разговоров об искусстве, о приемах и тайнах ремесла невозможно заглохнуть, погибнуть ростку таланта. Еще несмышленышем привыкает ребенок рассматривать рисунки, картины, видеть, как возникает на холсте живопись. Словно она и впрямь живая. А едва подрос, глядишь, и сам пробует... И вот уже стал твой сын взрослым, стал самостоятельным художником. Теперь опыт и знание в семье словно бы удвоились. У каждого. Я отдаю ему свое, он делится со мной собственными открытиями, и, если открытий этих у него больше, если младший обгоняет старшего, меня это радует. Это значит, что с ним и ты идешь вперед... Спросите моего Николая, чей суд для него самый важный. Не сомневаюсь, ответит: отцовский. Потому что уж от меня ему ничего — ни фальши, ни промаха — не упрятать.

Сейчас Соломин-старший весь ушел в работу над картиной «Каждый хотел поговорить с Лениным», которую он посвящает 100-летию со дня рождения вождя революции.

— Я взял для своей картины конкретный эпизод из жизни Владимира Ильича: поездку вместе с Надеждой Константиновной Крупской на Кашинскую электростанцию. Хочу написать разговор по душам крестьян и Ленина. И написать так, чтобы было понятно, как тогда каждый человек в России хотел услышать ленинское слово. Каким оно было для всех необходимым, дорогим, важным.

Николай Соломин — недавний выпускник Суриковского института, ученик мастерской Виктора Григорьевича Цыплакова. Большую роль в становлении молодого художника сыграл его учитель—талантливый пейзажист и портретист, один из наиболее даровитых сверстников Соломина-старшего. Свойственные Цыплакову широкое видение формы и тонкое ощущение цвета, присущее московской школе живописи, принял и старается воплотить в своих новых полотнах Николай Соломин-младший. Он тоже готовится к великому юбилею. Тему для новой своей картины молодой живописец опять выбрал мажорную, символическую: «Парад на Красной площади 25 октября 1918 года». Именно такой — боевой и вместе торжественный — настрой наиболее близок творческой индивидуальности Соломина-сына, идущего в жизни дорогой отца, но вовсе не по его стопам.

Николай Константинович доволен: есть не только с кем делиться знаниями, полученными у замечательных учителей, выверенными своим, накопленным за многие годы опытом. Есть с кем помериться силами.

В. Булгаков. М. В. ФРУНЗЕ У В. И. ЛЕНИНА.

На развороте вкладки: **Н. Соломин.**

П. Кривоногов. ПОЕДИНОК.

М. ГЕРШТ,
народный артист РСФСР,
лауреат Государственной премии

О ЛЮБВИ

Часто я задумываюсь: откуда пришли на сегодняшнюю сцену пьесы, говорящие о любви в каком-то удивительно несовременном, мелодраматическом плане? Откуда взялось стремление оправдать в сложнейших отношениях людей порою даже и то, что оправдано быть не может? Почему именно высокая тема любви рождает такое количество пьес-однодневок, изобилующих штампами?.. Либо явственно слышатся в них слезливо-сентиментальные придыхания, либо царит этакий пошловато-развязный, кабареточный тон...

Конечно, при наличии другой драматургии их можно было бы не замечать в репертуаре. О многих из них всерьез и говорить-то, наверное, не стоило бы. Но чем чаще мы, режиссеры, идем на подобные уступки, тем гуще, плотней заполняет, захватывает театры мелодраматическая «любовная» безвкусица. А она вовсе не так уж безвредна для зрителя, как это может показаться на первый взгляд.

Предлагая некое всепрощение при разрешении острых душевных коллизий, неизбежно связанных с любовью, вводя в норму человеческого нравственного обихода поверхностное отношение к любви, позволяющее подменить ее всего лишь скоро проходящим, легковесным увлечением, иной театр, быть может, сам не сознавая того, иногда причиняет вред молодежи, которая не просто наблюдает из зала за жизнью героев, но жадно впитывает в себя, в свою душу каждое их слово.

До сих пор я помню двойственное впечатление, которое производил в пьесе В. Розова «Вечно живые» образ Вероники. Пожалуй, именно тогда театры, играя эту пьесу, впервые сочли возможным простить измену. Более того — пожалеть человека, нарушившего верность своим взглядам и своим чувствам. Короче говоря — отыскать какие-то убедительные причины морального отступничества Вероники.

В киноварианте (фильм «Летят журавли») подобная ситуация предстала вновь, став еще более драматичной. В то же время авторы фильма еще более настойчиво, еще более наглядно делают героиней Веронику, которая в облике «страдалицы» — жены нелюбимого человека, к тому же человека низкого, скверного,—несет на себе, вольно или невольно, печать собственной душевной дряблости, слабоволия...

Возможно, что всеобщая увлеченность этим образом, интересно, остропсихологически сыгранным великолепной актрисой Татьяной Самойловой, вызвала дальнейшее стремление подражать ее «несчастной» героине, показать других героинь, похожих на нее. Во всяком случае, образы «униженных» и «оскорбленных» в любви девушек и молодых женщин с тех пор все чаще, все настойчивее мелькают на сценах театров и на экранах кино, вызывая теперь уже не размышления о «превратностях» судьбы и ее закономерностях, а становясь всего лишь орудием интриги, занимательным средством.

Иногда интрига становится совсем дешевой, бедной, и эту бедность вновь прикрывает собою великолепная актерская игра. Так случилось с образом стюардессы Наташи в «104 страницах про любовь», чья роль была поразительно сыграна в кинофильме актрисой Т. Дорониной.

На многое актриса заставляет здесь закрыть глаза, о многом забыть, многое пересмотреть заново. Ее героиней вновь предстает женщина слишком уступчивая, слишком добрая, не всегда дорожащая своим человеческим достоинством... Игра Т. Дорониной, повторяю, оправдывает даже то, чему нет оправдания по большому счету, по счету подлинно высоких требований человека,— если он предъявляет их к самому себе без всяких скидок. А когда зритель остается наедине сам с собой и вновь повторяет про себя все то, с чем он столкнулся в образах героев, то он порою ловится на самую доступную истину, самую легкую «норму» поведения: зачем, мол, все усложнять, зачем дорожить собой; и жизнь и удача в жизни, в любви — все это не более как слепая случайность! А именно такой вывод мягко и незаметно подсказывает молодым зрителям судьба стюардессы, чьи житейские, любовные ошибки сглажены, точнее сказать, оправданы внезапным трагическим финалом.

Когда мы смотрим «Еще раз про любовь», ореол самопожертвования, окруживший образ Наташи, заставляет верить, что Наташа — положительная героиня, что именно такой должна быть юная девушка, женщина, именно так вести себя, именно к таким отношениям стремиться...

Но это неверно.

Мещанская снисходительность делает подобные образы, к сожалению, весьма приятными для известной части публики, которая хочет в театре найти выход чувству жалостливости. А это, в свою очередь, означает, что легковесная удача пьесы либо сценария на тему о любви порождает великое множество похожих пьес и сценариев.

Именно по такому нехитрому трафарету написана драма Леонида Горбашова «Помилования не будет», опубликованная в № 12 журнала «Театр» за 1968 год. Героиня пьесы Катя Богданова ждет ребенка от некоего Юры, который «утвержден профессором». Это не мешает Юре быть первостатейным проходимцем: он внезапно бросает Катю и уезжает от нее, получив назначение в Новосибирск.

Катя страдает и мучается. Впрочем, она одновременно готовится провести научные испытания некой врачебной камеры, где будут «сконцентрированы целебные ароматы». Камеру строит Егор Лесовой, друг Кати, влюбленный в нее с детских лет.

Насколько Юра представляется беспросветно черным, настолько светел и безмятежно ясен Егор. Ничто не способно вывести Егора из душевного равновесия! Абсолютная его розовость не допускает никаких других красок. И когда беременная Катя гибнет во взорвавшейся камере, Егор, разумеется, берет всю вину на себя, решительно отбрасывая все попытки окружающих разобраться в случившемся, чтобы помочь ему...

В этой ситуации много знакомого, не правда ли?.. И тем не менее она всегда может вновь привлечь сердце публики внешним драматизмом событий и, конечно же, сентиментальной жалостливостью, дающей зрителю возможность посочувствовать чужому горю, пережить новые ощущения, чтоб на следующий же день, впрочем, и забыть о них навсегда, поскольку они набросаны весьма условно, приблизительно.

В самом деле, Егор, едва появившись на сцене, удивляет свою мать Тамару Семеновну Лесовую... необыкновенной стрижкой! Оказывается, его побрили в милиции: он отсидел пятнадцать суток за драку с Юрой. «Забежал в ресторан пообедать,— сообщает Егор,— и вдруг слышу, как за соседним столом подвыпивший пижон цинично треплется о моей сотруднице по лаборатории... Ну и схлопотал по физиономии». Сотрудница — это Катя. Пижон — Юра.

Тамара Семеновна в отчаянии бранит своего «донкихотствующего» сына Егора: «Ты еще многого не знаешь. Чтоб сохранить любовь, женщина скорее простит подлость, чем оценит благородство того, кто может эту любовь разрушить».

Вдумаемся в эту чудовищную реплику, перечитаем ее заново... К счастью, Лесовая ошибается. Катя на пороге камеры, где ей суждено погибнуть, все же намекает Егору, что он, может быть, еще добьется ее любви. «Стучись,— говорит она ему.— Ты слышишь, Егор? Непременно стучись!»

Останься Катя в живых—Егор, возможно, усыновил бы ее дитя; все у Кати уладится, утрясется... Об этом заботится няня Федотовна, охотно делящаяся с Катей житейской мудростью; она сама была «девкой завидной. С Федей моим гуляла. А Федю, как на грех, за беспорядки на три месяца в тюрьму упрятали. Ну, а матрос повадился ко мне каждый день приходить. И голосистый был, дьявол, да и руки цепкие, не вырвешься. Одним словом, согрешила и зачала. А ему-то что, поматросил и бросил. А Федя, когда из тюрьмы вышел, снова о свадьбе заговорил. Я ему и призналась. Забрал он

Леонид ЛЕШОВИЧ

Рассказ

Рисунок В. ЮДИНА.

Мелкий осенний дождь мягко шуршал по желтеющей листве деревьев, по колючим кустам шиповника, плотной живой изгородью высаженным вдоль шоссе у края картофельного поля, хлюпал по лужам, застоявшимся между развороченными грядками. Потоки дождя под порывами сентябрьского ветра как бы клубились в мглистой дали, где полого спускалось к речке поле. Речка, извиваясь, терялась в лесу, черневшем вдали по всему горизонту. Там же, в лесу, скрывался и блестящий, влажный асфальт шоссе. Низко над лесом клубились сизые рваные тучи, соединявшиеся потоками дождя с землей.

Обрамленный редким осинником эстонский хутор с картофельным полем, зажатым между шоссе и неширокой мутной речкой, казался покинутым. Ворота овина стояли настежь, на току валялись пучки соломы, шевелившиеся под порывами ветра, стекла в окнах двухэтажного жилого дома были выбиты, и дверь скрипела и хлопала.

Прикрытые кустами шиповника, на шоссе стояли танки и, подергиваясь, стреляли по противоположному берегу реки, на котором засели немцы. Отрывистый треск выстрелов смягчался монотонным шумом дождя.

меня, переехали в этот город. Тут и поженились. Да еще пять сыновей с ним прижила».

Благие советы находчивой Федотовны, видимо, влияют на расстроенную Катю: она гораздо мягче и теплее разговаривает с Егором... Но ведь это оскорбительно для образа Кати! Это снижает ее человеческие, духовные качества, как снижает их и беспрестанная брань той же Федотовны в адрес Юры: «Думала, хороший человек Катеньке попался. Ученый, крепко на ногах стоит. А он-то, оказывается, на задних лапках выслуживался, а как получил, что надо, его и след простыл. Кобель кобелем».

«Получил, что надо» Юра не только от Кати: звание профессора он получил с помощью большого ученого — Богданова, Катиного отца. Автор и его хочет показать хорошим человеком: Богданов беспомощно лепечет о Юре: «Мне жаль тех, кого он будет воспитывать». Катя справедливо возражает отцу: «А совсем недавно ты им восторгался, говорил, что студенты его обожают». И Богданов с прежней беспомощностью отвечает: «Предмет он знает, язык у него хорошо подвешен, наружность приятная, а вот нутро оказалось...»

Спору нет: могли, вполне могли быть в жизни и такой Юра, и такая Катя, и такой Богданов... Но для того, чтобы ожить в искусстве, они должны были получить и характеры крупные и ситуации незаимствованные. Иначе все в пьесе становится неубедительным, плоско-сентиментальным, иллюстративным — прежде всего самый замысел камеры и последующей гибели Кати в этой камере.

Стоит послушать, как мать Егора упрекает Катю, что она втравила юношу в хлопоты с камерой, отвлекла от диссертации; Катя оправдывается: у Егора вдруг возникла мысль сконцентрировать целебные ароматы.

«Вдруг»!.. Очень неубедительно звучит это слово. И слишком уж многое происходит «вдруг». Вот так вдруг уехал, скрылся накануне свадьбы неведомый Юра; вдруг приехал товарищ профессора Богданова, Завьялов, крупный врач, которому понадобилось увидеть камеру в работе; вдруг взорвалась самая эта камера... Только не вдруг умерла Катя; она перед смертью звала отца, звала Егора, звала Федотовну... Ну как тут не заплакать зрителю?!

Журнал «Театр» в том же, двенадцатом номере печатает еще одну трехактную драму о любви. Она называется «Отчего море соленое». Написал ее Лев Митрофанов.

Море соленое, как мы узнаем из пьесы, оттого, что наполнено слезами любящих женщин — невест, матерей, жен гибнущих моряков.

Тема пьесы представляется серьезной, более того — трагической, заслуживающей и подлинной романтики и высокого пафоса. К сожалению, рассказывая о нелегких судьбах любви, которая должна выдержать тяжкие испытания, а подчас и понести утраты необратимые, драматург то и дело сбивается с напряженной, звенящей ноты на какие-то мелкие и маленькие анекдоты, обрывки человеческих историй.

Начинается пьеса тем, что в далекую северную морскую гавань съезжаются жены моряков со всех концов страны — из Москвы, Одессы, Риги... Женщины хотят здесь встретить своих мужей, своих родных, любимых... Однако же Л. Митрофанов, видимо, опасаясь, что самая серьезность, трагичность темы отпугнет зрителя, начинает разговор шуточками и смешками. Сидя в парикмахерской, женщины перебрасываются незначительными репликами: «Вот берешь клок волос и делаешь из него — эмоцию!»; «Старушенция под феном сидит битый час!..»

Заглушаемая таким вот острословием, стороной проходит в пьесе драма жизни двух женщин — молодой радистки Марины и ее свекрови Веры Николаевны Богачевой. Сын Богачевой — муж Марины — погиб уже давно, но обе женщины скрывают друг от друга страшную правду: Марина аккуратно переводит свекрови деньги, якобы от Димы, шлет ей поздравления, а та делает вид, что верит всему этому... Но тогда зачем же Богачева приехала в порт? Неужели только для того, чтобы сказать

По полю от шоссе к речке двигались советские солдаты. Они то бежали, путаясь ногами в тяжелых, мокрых полах шинелей, то падали на землю, превращенную осенним дождем в липкую грязь.

Это были автоматчики-танкодесантники, которые вели бой в пешем строю с задачей прогнать простреливавших берега реки немцев и дать возможность навести мост, по которому смогли бы переправиться танки.

Сильные порывы ветра бились в полах шинелей, стремились сорвать пилотки с солдат, неся с собой запахи прелой листвы, мокрой унавоженной земли и пороховой гари.

В центре наступающей цепи перебегал командир взвода лейтенант Ахмеров. Его скуластое татарское лицо было сосредоточенно и спокойно. Еще получая боевое задание, он уже начал думать, каким образом организовать переправу через речку под немецким огнем с минимальными потерями, и сейчас продолжал обдумывать детали этой переправы. Он старался первым добраться до берега реки, чтобы не допустить сутолоки и ускорить переправу, что было главным и единственным средством уменьшить потери.

Эти заботы отвлекали его от мысли о возможности собственной смерти. Перед тем, как совершить очередную перебежку, он дико, гортанно гикал и, падая в конце перебежки, негромко ругался по-татарски.

На правом фланге, невдалеке от хутора, двигался помощник командира взвода сержант Сердюк.

Это был крупный человек лет двадцати, с грубым, обветренным лицом и с большими руками, корявыми от крестьянской работы. На его плечах плотно сидел зеленый вещмешок с притороченным к нему круглым зеленым котелком, мягко ударявшим по спине, когда он бежал.

Сержант Сердюк держался несколько сзади взвода, следя за тем, чтобы никто не отстал при перебежках, и время от времени окликивал отстающих.

Сердюк всю жизнь прожил на селе и окончил всего лишь четыре класса средней школы. Тем не менее он четко понимал свои обязанности и хорошо выполнял их.

— Нестеренко! Вперед! — покрикивал он.— Гришин, почему отстаете?

— Обмотка размоталась, товарищ сержант.

— Форсируем речку — получите наряд вне очереди.

Замурзанное лицо Гришина расплылось в улыбке.

— Дай-то бог, товарищ сержант.

Сердюк тоже хотел улыбнуться, но воздержался.

Так же как и Ахмеров, он был сосредоточен и собран. Все шло, как и должно было идти при данных обстоятельствах. Взвод двигался к реке, потерь почти не было. Немцы вели автоматный, пулеметный и минометный огонь по наступающим, но для автоматов дистанция была слишком велика, а из пулеметов немцы вели огонь не по наступающей цепи, а создавая огневой вал перед нею, чтобы заставить ее прекратить свое движение. Этот пулеметный огневой вал был прекрасно виден, так как пули, падая на землю, подымали фонтанчики воды и грязи, и линия, по которой били пулеметы, как бы дымилась.

Артиллерия немцев молчала, видимо, готовясь к основному бою с русскими танками и не желая преждевременно обнаруживать себя.

Все мысли сержанта Сердюка были сосредоточены на предстоящем преодолении пулеметного огневого вала немцев. С досадой он думал о том, что наши танки никак не могут нащупать и подавить немецкие пулеметы, и прикидывал, как лучше преодолевать огневой вал — коротким броском или ползком по-пластунски.

Время от времени он слышал шум дождя, напоминавший шипение сала на сковородке. Ему начинала мерещиться старая мама, хлопочущая возле большой печи, в которой жарится яичница с салом. От чисто вымытых полов исходит запах свежего дерева, и попахивает дымком из печи.

Сердюк встряхивал головой, отгоняя наваждение, и еще пристальнее всматривался в дождливую даль.

Внезапно бежавший рядом с Ахмеровым боец Птицын как бы споткнулся, упал и не отзывался на окрики. Сержант приподнялся на руках, оглядывая поле, и увидел, как снопом падает бежавший ближе к нему боец Нестеренко — так, как никогда не падают живые люди. Через минуту захрипел лежавший рядом с ним Гришин.

Смерть шла к Сердюку.

Он быстро опустил голову, спрятав ее между грядок и охватив руками.

Сердюк перестал понимать происходящее.

Это не были пулеметы, иначе все они были бы убиты почти одновременно, одной очередью. Кроме того, пулеметный огневой вал был отлично виден.

Это не могли быть и минометы, иначе смерть гуляла бы по всему полю без разбора — а она шла именно к Сердюку.

Страх перед неизвестной опасностью все сильнее прижимал его к земле.

Ему казалось, что он очень долго пролежал в таком положении, что взвод давно уже ушел за реку, а он все не мог заставить себя подняться.

Марине страшные и опять-таки **лживые** слова:

Богачева. Человек ты это... взрослый, современный.

Марина. Слушаю вас, мама.

Богачева. В жизни и не такое бывает...

Марина. А вы сразу, мама.

Богачева. Сын никогда не любил тебя.

Марина (не ожидала). Неправда.

Богачева. Другая женщина у него. Дружили еще с детства.

Марина. Как же вы ненавидите меня! С первого дня свадьбы.

Богачева. Цены тебе настоящей не знала. И рубить тебе нужно самой. Разом!

Марина. Вы лжете.

Богачева. Я — мать!

Но имеет ли право мать на такую ложь, даже из самых лучших побуждений? А лжет она якобы затем, чтобы красавица Марина «утешилась» и снова вышла замуж!

Сама по себе эта драматургическая посылка представляется не просто неверной, но кощунственной. А ведь на ней держится в пьесе очень многое. К финалу Марина полюбила Юрия Алексеевича Адамова, присланного в порт на место Былинина, старого начальника. Но Юрий оказался (и он!) если и не откровенным подлецом, то, во всяком случае, таким человеком, от любви которого Марина легко отвернулась.

Таковы же и другие любовные линии в этой пьесе. Они решены столь же необязательно, неубедительно. Вот, например, ссорятся из-за сложности жизни — ссорятся чуть не до развода — любящие супруги: офицер-моряк, капитан Звездин и его жена Тамара, спортсменка, олимпийский призер; ссорятся боцман Павел Непейпиво и Зинаида, дамский мастер, парикмахер... Но эти ссоры не более как анекдот.

Встретиться с Былининым приехала в северный порт Юлия Романовна, мать Адамова; эти двое тоже любят друг друга, хотя они немолоды: Былинину уже шестьдесят. Под занавес выясняется, что Юлия Романовна всю жизнь любила Былинина, но... не решилась стать женой моряка.

Все эти судьбы, вся эта любовь — нелегкая, как было уже сказано, подверженная величайшим испытаниям — намечены в пьесе лишь эскизно. И в результате сильные, крутые характеры так и не возникли, несмотря на то, что автор располагал интересным, нигде не заимствованным материалом, взятым из самой жизни. Любовные линии как бы помешали одна другой: потеснили, перечеркнули, запутали одна другую...

Всерьез говорить еще об одной пьесе — это «Фальшивомонетчики» Алексея Марината (опубликована там же) — вряд ли стоит. Ибо оказывается, что фальшивомонетчики вовсе не фальшивомонетчики, а любовь Себастьяна и Танци-Манци, у которых не состоялось свадебное путешествие,— тоже не любовь, а лишь повод высмеять мещан: директора завода, отчима Себастьяна, и Аню, его мать.

* * *

Мальчишкой я играл и ставил школьные самодеятельные спектакли. А в юности был участником массовых «народных действ», ставившихся в Ленинграде, на Марсовом поле. С тех самых пор я привык верить в благородство и силу высоких чувств, владеющих человеком. А любовь считаю таким чувством, которое не разменивается, не предается, а ведет человека на добрые дела.

Когда Камерный театр в Москве ставил свою знаменитую «Оптимистическую трагедию», я был помощником А. Я. Таирова. Я помню, как Таиров и Вс. Вишневский, волнуясь и споря, прочерчивали в пьесе и спектакле линию тончайшей лирической, душевной связи, едва-едва намечающегося любовного влечения между Комиссаром — Коонен и Алексеем — Жаровым...

Какое же колоссальное, общечеловеческое содержание, а вместе с тем какую огромную, новаторскую, социальную остроту, какую силу вкладывали создатели «Оптимистической трагедии» в образы героев, в их чувства!

Большое искусство не терпит, не приемлет приблизительных ситуаций, вторично использованных обстоятельств, эскизно намеченных волнений любви.

Он ждал своей пули, и он ее дождался.
Раздался звонкий щелчок по котелку. Сердюк осторожно повернул голову, скосил глаза и глянул на котелок. В его днище зияло аккуратное пулевое отверстие.

Дело прояснилось. Стреляли с хутора.

Сердюк пошевелился, котелок подпрыгнул у него на спине, и сейчас же опять раздался звонкий щелчок по котелку. Рядом с первым отверстием в его днище появилось второе. Видимо, стрелявший принимал зеленый котелок за солдатскую каску.

«Кучно бьет, паразит. Снайпер»,— подумал Сердюк.

Он осторожно повернул голову, отодвинул пальцами комок земли, лежавший перед глазами, и посмотрел вперед.

Оказывается, он лежал считанные секунды. Солдаты продолжали перебегать в каких-нибудь десятках метров от него.

Тогда он крикнул как можно громче:

— Лейтенант, снайпер на хуторе! — дождался новой пули в котелок и, резко вскочив, петляя на ходу, бросился к хутору.

Уже на бегу он услышал протяжную команду Ахмерова:

— Взво-о-о-д, стой! Прекратить движение! Окопаться! Буслаев, к хутору бегом марш! Левее бери, левее!

И поскольку Буслаев получил команду брать левее, Сердюк начал забирать правее.

Бежать было тяжело. Ноги вязли во влажной земле, проваливались в лужи между грядками. Правая рука Сердюка с автоматом была поднята вверх, с таким расчетом, чтобы диск автомата прикрывал голову, левая рука была прижата к сердцу, и он бежал, согнувшись и бросаясь то вправо, то влево, к правой стене дома.

«Сейчас... сейчас ударит... ударит — и все...» — метались обрывки мыслей.

Одна пуля свистнула возле его уха, вторая сорвала с него пилотку, третья сожгла левое плечо.

Тогда он упал и, быстро работая локтями и коленями, пополз вперед.

Через минуту он уже стоял, прислонившись к стене дома и тяжело переводя дыхание.

Он слышал, как щелкнул выстрел у него над головой, и увидел, как упал бежавший к дому слева Буслаев.

Сердюк понял, что снайпер сидит на чердаке и стреляет из слухового оконца. Глядя снизу на это оконце, он соображал, как ему теперь быть.

Между тем немецкий снайпер нервничал.

После того как Сердюк упал последний раз и пополз к дому, снайпер потерял его из виду. Сначала он думал, что убил наконец этого русского солдата, в которого несколько раз неудачно стрелял, и тогда он прикончил другого, бежавшего к дому. Однако он понял, что обнаружен, и к нему закралась неясная тревога.

У него возникло такое чувство, что этот дикий русский солдат, в которого он так много раз стрелял и никак не мог попасть, совсем не убит, а подполз к дому, и стоит у стены, и сейчас поднимется к нему на чердак, и задушит его, щуплого цивилизованного немца, который никогда в жизни ни с кем не дрался и не умел этого делать.

Он чутко прислушался — не слышны ли шаги в доме у лестницы на чердак, но все было тихо.

Тогда он, не в силах справиться с тревогой, подполз к краю слухового оконца и осторожно выглянул вниз.

Его глаза встретились с глазами Сердюка.

Мгновение они пристально смотрели друг на друга. Потом немец, сильно побледнев, отпрянул в глубь чердака.

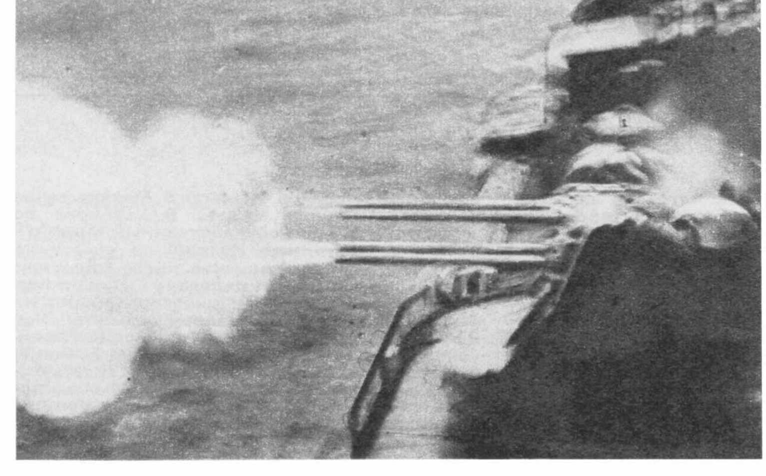
Сердюк сорвал с пояса гранату и старательно забросил ее в оконце. На чердаке раздался взрыв, повалил дым, затем начало пробиваться пламя.

У Сердюка подкосились ноги. Он сел у стены горевшего дома, свернул цигарку, закурил и несколько раз жадно затянулся.

Потом он заткнул полы шинели за пояс и побежал вдогонку уходившей к реке цепи.

Под солнцем тропиков.

По торпедным катерам — огонь!

Занятия по навигации.

Наконец-то пошел дождь!

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

ИДЕМ ...ИКАМ

Луна прицепилась ниточками-лучами к двум звездам и раскачивается над головой, как на качелях. Корабль нацелился носом на диковинное, известное нам прежде только по книгам созвездие. Это Южный Крест, не совсем правильный ромб которого никогда не увидишь в наших северных широтах.

Мы идем по тропикам. Из дальней дали помаргивает маяк, слева притаился в ночи Индийский океан, а между ними катимся мы... на речном трамвайчике по Москве-реке. Москва отсюда, правда, за тридевять земель, и трамвайчик бежит по экрану, подвешенному на орудийной башне. Потом кино переносит нас к эстонским рыбакам в штормовое море. У нас же тут полный штиль, только где-то в стороне над океаном проносится гроза, и отблески далеких тропических молний придают киношторму почти полное правдоподобие.

Идет к концу наш дальний морской поход. Мы уже соскучились по дому, и все чаще в курилке на юте в разговорах упоминается родная земля. У нас там сейчас зима, морозы и снег «до дьявола чист», а здесь сущее пекло, не остывающее даже ночью, пронзительно синий океан, однообразный в своем многодневном спокойствии. За кормой остались тысячи миль и много морей, а в песне, которую мы сочинили в пути, есть такие слова:

На этой мокрой, зыбкой местности
Одно и то же день за днем —
Летают рыбы по поверхности,
Акулы бродят под килем...

Впрочем, это относится только к океану, потому что наша жизнь совсем не однообразна, она заполнена множеством дел, напряженной боевой учебой, в которой шлифуется мастерство военных моряков в непривычных для них условиях тропической жары.

День начинается звонким сигналом побудки, физзарядкой, а потом шлепаньем босых ног и плеском воды из брандспойтов — идет приборка, занятие в общем-то веселое, совмещаемое с водными процедурами — матросы между делом окатывают друг друга струями забортной воды. Это, так сказать, полезное с приятным. Пока команда, расположившись на верхней палубе, завтракает, радио докладывает о последних новостях Родины. Затем следует информация замполита о странах, мимо которых мы проходим в эти сутки, а завершается радиочас предупреждением корабельного врача о необходимости соблюдать строжайшую осторожность на палубе, дабы не свалиться за борт. Хотя пловцы здесь и отменные, но условия для купания самые неподходящие: ласковая на глаз голубизна воды прячет в себе вещи весьма неприятные, вроде акул и морских змей.

— Боевая тревога! — Эта команда сметает с корабля утреннюю иллюзию уютной морской прогулки, и все приходит в стремительное, но согласованное движение. Матросы разбегаются по боевым постам, разворачиваются башни пусковых ракетных установок, нацелились в горизонт черные зрачки орудийных стволов. И так же мгновенно все замирает в тревожном ожидании. Тишину нарушает только ровный гул двигателей и шипение проносящейся у бортов воды. Палуба словно вымерла, на глаз кажется, что ничего не происходит, но всем существом ощущаешь напряжение туго закрученной пружины, стоящей на боевом взводе.

— Справа по борту торпедные катера! — разносится по радио голос командира.— Дистанция... Курс... Огонь!

Но пушки молчат, только начинают судорожно дергаться их стволы, нащупывая невидимую цель, да гремят элеваторы, подающие к орудиям внушительных размеров золотистые заряды.

Странно не видеть у пушек прислуги. За нее сейчас действует автоматика и электроника, а комендоры — в укрытиях, у приборов.

Пушки продолжают самостоятельно следить за маневрами цели. Для них уже была команда «огонь», и, когда расстояние сократилось до заданного, корабль содрогнулся от следующих один за другим, сливающихся в общий гул залпов скорострельных орудий. Выросла на пути «атакующих» сплошная стена воды и осколков, рванулись во все стороны от корабля стаи перепуганных летучих рыб, расчертили полосами-бурунчиками гладь воды, словно огромный веер раскрыли. И полетели прочь, посверкивая на солнце дрожащими плавниками-крыльями. А солнце уже высоко, оно точно над головой, и матросы, вышедшие «по отбою» перекурить, топчутся прямо по прозрачным пятнам своих теней.

...Снова боевая тревога. Теперь тренируются ракетчики. Откуда-то из недр корабля медленно поднимается маслянистое акулье тело ракеты, ложится на рельсы транспортера, плавно скользит к развёрстой пасти шлюза, переползает на направляющие пусковой установки. Установка разворачивается в сторону невидимой, спрятавшейся где-то за горизонтом цели. Теперь ракета подчинена одному человеку — командиру батареи главного калибра капитан-лейтенанту Анатолию Виштану. Вот его палец легонько прижимает кнопку с надписью «пуск», ракета лениво сдвигается по направляющим и, хлестнув по башне огненным хвостом, устремляется прочь от корабля.

Спрашиваю Анатолия, найдет ли она цель. Тот топорщит в улыбке тонкие усики.

— Будьте спокойны! Она у нас умная... Впрочем, вот и подтверждение пришло. И он показывает на экран прибора.

Пока мы ведем этот разговор, корабль попадает в зону «атомного взрыва». На ликвидацию радиоактивного загрязнения брошена специальная группа в костюмах — что-то среднее между водолазом и космонавтом. Состоит группа в основном из молодых матросов, и командир их, старшина второй статьи Юрий Горячев, подробно объясняет, как надо пользоваться соответствующей аппаратурой, «чтоб на палубе ни одного атома не осталось». Ребятам, видимо, порядком перепало калорий: когда они вылезают из своих скафандров, любого хоть выжимай, и один из них весело кричит:

— Братцы, а на улице-то, оказывается, совсем прохладно!

— Все познается в сравнении...— назидательно замечает старшина.

...Непривычная тишина. За несколько недель так сживаешься с постоянным гулом двигателей, жужжанием кондиционеров и вентиляторов, что исчезновение всех этих звуков вначале выбивает из нормальной колеи. С вечера стали на якорную стоянку. Остановлены на осмотр и профилактику двигатели, и вся жизнь словно замерла. Все эти недели машины честно выполняли свою нелегкую работу, ни разу нас не подвели, но старший механик, капитан третьего ранга Владимир Карасев, именно для того, чтобы и дальше все шло как по маслу, запланировал эту остановку. Интересный он человек, этот стармех. Двигатели для него — все равно что дитя для матери: даже во сне его ухо ловит любое нарушение привычного ритма корабельного сердца, и он тут же просыпается и бежит в машинное отделение. И вообще может оттуда сутками не вылезать. Впрочем, в походе это уже было. Однажды не выдержал даже командир корабля:

— Смотри, на кого ты похож. Отощал, как лосось на нересте. Сутки отсыпайся — это приказ. Удерешь — под конвоем в каюту отправлю и поставлю у дверей часового!

Сейчас стармех со всей своей технической командой в машине, и мы им от души сочувствуем. Жара там — кондиционеры-то выключены. В каютах и то пекло, в иллюминаторы вливается густой, как тесто, перегретый воздух. Все выбрались на палубу, и там стало

тесно. Кроме вахтенных, всем предоставлено свободное время. И уже вдоль обоих бортов пристраиваются с удочками рыболовы в окружении болельщиков. Кто-то приспособил на толстый линь здоровенный крючок, на котором нацеплен добрый килограмм мяса: «Берегись, акула!» Пока, правда, ни у кого не клюет, и все с любопытством разглядывают попадающих в пятна света морских змей. Да, создания весьма несимпатичные — этакие белые зигзаги с черным орнаментом через всю спину. И с головы и с хвоста они одинаково гладкие и острые и, как утверждает доктор, зверски ядовитые.

...Вылезает из воды луна и не спеша ползет наверх. Она с каждым днем убывает, но съедается не как у нас, сбоку, а сверху, и ее рожки смешно упираются прямо в небо. Вскоре она повисает в зените, и мы опять ходим по собственной тени. После ужина палуба покрывается матрацами: спим сегодня на воздухе, здесь все-таки немного прохладнее. Ночью небольшой переполох — пошел дождик. Правда, он нас разочаровал: так, слегка покрапал. А мы так ждали хорошего ливня, чтобы можно было вдоволь поплескаться в пресной воде — забортный душ уже надоел, а пресным нас балуют не часто: экономим воду. Режим этот ослабляется только в те дни, когда нас встречает танкер, и мы на ходу принимаем топливо и пресную воду. А потом снова экономия — море есть море, и мало ли что может случиться.

Утром привалило счастье — наползла здоровенная туча, и наконец-то ливанул дождь.

...И снова идем вперед под вылинявшим до белизны небом, где господствует одно лишь разъяренное солнце. К вечеру оно стремительно соскакивает с высоты и являет нам еще одно тропическое чудо — небо на закате остается таким же блеклым, но зато со стороны совершенно противоположной по нему широко растекается нежная пурпурно-сиреневая акварель. Солнце выстреливает уже почти из-под воды прощальный пронзительно-зеленый луч, и без всякого перехода, торопливо, словно боясь, что кто-то захватит их законные места, разбегаются ртутными шариками по фиолетовому куполу звезды.

...Удивительно пусто было все дни в небе, даже чайки, обычно сопровождающие корабли в море, здесь отсутствуют. И потому все выбежали на палубу, когда над нами появилась диковинная бело-розовая птица с длинными, как сабли, перьями хвоста. Разинув клюв, то ли от жары, то ли от усталости, подлетела к радарной антенне и все пыталась уцепиться за нее. Но ход у нас был приличный, и антенна уходила у нее из-под ног. Она уже сделала несколько заходов, однако все ее старания оказались тщетными. Так и улетела от нас птица южных морей со странным названием — фаэтон.

А вскоре вслед за ней появился Нептун. Но не тот бог морей, что заботливо обеспечивал нас весь рейс отличной погодой, а совсем другой, можно сказать, Нептун-самозванец, присвоивший себе имя доброго покровителя моряков. Это был патрульный самолет американского военно-морского флота типа «нептун». Он, как и фаэтон, прошел у нас над мачтами, хотя ему в отличие от птицы строжайше запрещено делать такие пролеты. После этого облеты стали регулярными.

Естественно, нас это раздражало, но были и более серьезные основания к всеобщему возмущению: с утра до вечера проходили над нами на большой высоте стратегические бомбардировщики США «Б-52». Они летели сначала с Гуама, а потом с Окинавы, но цель у них была та же — Южный Вьетнам и Лаос. Груженные бомбами (18 тонн на каждом), они шли ниже, и их даже можно было рассмотреть — серые закорюки на таком ясном небе, грязные пятна на совести человечества. А те, что отбомбились, возвращались на такой вышине, что только след от них и был виден.

...Жара медленно, незаметно отступает: мы уже подвернули к норду, домой. В один из вечеров, выйдя на палубу, мы не обнаружили Южного Креста. А потом как-то сразу похолодало, и через сутки нам пришлось одеться совсем по-зимнему. До дома, до берегов Страны Советов совсем близко...

Служба слова

Е. ПЕТРОВ

Эти записки сделаны четверть века назад, когда я служил редактором дивизионной газеты «Советский патриот» в Шестьдесят шестой армии, которой командовал прославленный советский полководец Павел Иванович Батов.

С тех пор, как кончилась война, я не притрагивался к этим записям, сделанным на ходу, между делом, в короткие свободные минуты. Но вот заглянул недавно — и старое, полузабытое властно встало перед глазами.

Вспоминался наш небольшой редакционный коллектив — капитан Семен Аипов, старший лейтенант Сергей Аракчеев, старшины Алексей Сергеев и Иван Казанов, красноармейцы Иван Баулин, Андрей Бондаренко, Михаил Горошкин, Дмитрий Рябоволенко...

Словом, вот они, некоторые из этих старых фронтовых записок о моих товарищах, о том, как выпускали газету, о разных случаях и происшествиях.

ОДНА ФРОНТОВАЯ НОЧЬ

21 января — день памяти Владимира Ильича Ленина. Редакция нашей газеты остановилась в белорусском селе. Еще вчера здесь были немцы. Ломит глаза от яркого январского солнца и первозданной белизны снега. Снег прикрыл свежие пепелища. В деревне уцелел лишь один дом, в котором и разместилась наша редакция.

В избе полумрак. У дверей на маленьком столике горит светильник, сооруженный из гильзы артиллерийского снаряда. На этом же столике все наше редакционное хозяйство: приемник, стопка бумаги, карандаш. В хату набилось полно народу. Кажется, все уцелевшие жители села собрались здесь. Те, кто не вместился, толпятся во дворе.

Мы пообещали вечером включить приемник. Взрослые и ребятишки с нетерпением ждут, когда же наступит этот час. Ждут и не верят, что пришли наконец свои, что можно не таясь слушать Москву. Я повернул лимб приемника.

И вдруг в хате раздался голос Михаила Ивановича Калинина. Голос бесконечно знакомый, домашний, совсем родной. Михаил Иванович взволнованно произнес:

«Сегодня исполнилось 20 лет со дня смерти Владимира Ильича Ленина. Прошу почтить его память вставанием».

Все, кто был в хате, замерли. За тридевять земель, в Москве, в Большом Кремлевском дворце выступал Калинин. Знал ли он, что его слышат в эту минуту в затерянной средь белорусских лесов деревеньке, только что освобожденной от врага?

Зашуршала солома под ногами, затрепетало пламя печки. Встал старый и малый. Разношерстная людская стена затаила дыхание. Десятки глаз устремились к приемнику. Во взглядах суровость и душевная приподнятость...

Звучит «Интернационал». Слова гимна люди произносят про себя. Им не верится, что в своем родном селе сейчас, как и прежде, можно снова петь во весь голос.

А на дворе уже ночь. У приемника дежурит капитан Аипов. Он под диктовку записывает передачи для газеты. Сообщений много. Их завтра прочтут солдаты на передовой. Вышли из печати избранные произведения Владимира Ильича. В Москве пущена третья очередь метро... В Харькове возобновил работу Государственный драматический театр... Живет Родина!

Диктор предупредил, что после короткого перерыва начнет передачу Советского Информбюро. Капитан насторожился. Наступают самые напряженные минуты ночной работы. Гитлеровцы за последнее время совсем остервенело глушат передачи. Попробуй, услышь! Москва-то далеко, а глушитель совсем рядом. В аппарате шум, треск. Приходится то и дело переключаться с длинной на короткую волну. Пропущена то фраза, то целый абзац. Напрягаясь до предела, Аипов записывает пропуски при сверках. В конце концов сводка принята. Радостная сводка: наши войска наступают под Новгородом. Фашисты бегут от Ленинграда. Глубокий прорыв Красной Армии на Юге. А здесь, в Белоруссии, где-то совсем рядом освобожден районный центр Лельчицы. И еще одно замечательное сообщение. Линию обороны в Белоруссии фашисты назвали «фатерланд», что значит «отечество». Комментарии к этому, как говорят, излишни...

Капитан выключил приемник. Тишина разбудила старшину Алексея Сергеева, наборщиков Михаила Горошкина, Андрея Бондаренко. Вспыхнули гильзы-лампады у наборных касс. Застучали верстатки. Пишущих машинок у нас нет, и сообщения прямо с рукописного листа ложатся в гранки. Алексей увлажняет набор мокрой тряпкой, связывает колонки шпагатом. Щеткой отбивает оттиск. Секретарь неторопливо вычитывает текст. Старшина внимательно следит за корректурой и думает про себя: «Не дай бог, если что-то пропустили. Тогда хоть реви, хоть плачь, а перебирай букву за буквой целые абзацы». На этот раз все обошлось. Поправки пустяковые. Остается разверстать заметки на первой полосе и подписывать ее в печать.

Печатники Иван Баулин и Митя Рябоволенко сбрасывают с машины дерюгу. Набор осторожно вставляется в раму, прочно зажимается винтами. Баулин бережно, как ребенка, поднимает этот груз и несет к машине — старой допотопной «Бостонке». Митя усаживается на низенькую скамеечку справа. По команде Баулина он то тянет рычаг, то плавно отпускает его. У парня богатырские руки. Эту силу он приобрел на работе. Изо дня в день одно и то же — рычаг на себя, рычаг от себя. Утомительно. Но Митя-то, спокойный добросовестный парень из Сибири, никогда не роптал.

Баулин подслеповатыми глазами изучает отпечаток, режет кусочки картона, полоски бумаги, клеит, вытаскивает и снова ставит раму в машину. Ему не все равно, как будет читаться текст, набранный изношенными, сбитыми литерами, которые в мирное время уже давно бы отправили в переплавку. Вот и приходится где усилить, где ослабить оттиск, выровнять печать. Баулин промывает талер, проверяет краску, сбивает кипу листов, на которых еще днем отпечатана вторая полоса со «своими» материалами. И когда все приготовления закончены, он ласково кивает:

— За работу, Митя!

Оттиск. Еще один. Растет пачка газет. На дворе брезжит рассвет. Тираж готов. Его давно ждут связные из полков.

ТИШЕ ЕДЕШЬ, ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ...

Лето 1944 года выдалось очень жарким. Одолевали комары. Буйствовали травы. Наши редакционные лошади на богатом подножном корму раздобрели.

Пока наша армия была в обороне, газета рано утром попадала в подразделения. Не осрамиться бы нам теперь в большом наступлении. Ведь все тыловые службы на машинах, а наша типография на конягах. Начальник политотдела дивизии Буцол заверил:

— Первая же трофейная машина — ваша.

Машина — это, конечно, хорошо. Но где возьмешь водителя? Они-то на вес золота!

— Полный порядочек будет, товарищ капитан! — сказал мне старшина Сергеев.— Ведь наш наборщик и конюх Митя Рябоволенко танкист. Танкетку водил! Не пропадем!

— Что ж ты раньше молчал, голова садовая? Давно б с машиной были!

— По правде говоря, товарищ капитан, я и сейчас считаю, что с лошадками-то сподручнее. Машина — она машина и есть. То забуксует, то мотор зачихает, то еще что-нибудь приключится. Мало ли какие напасти! А наши серухи никогда не подведут.

— Во-во: тише едешь, дальше будешь! Тоже мне мудрец! С тобой, я вижу, в Берлине не побываешь!

Старшина сердито хмыкнул и ушел. «Дуться будет неделю,— подумал я.— Что ж, за дело попало!»

Я никак не ожидал, что не пройдет и часа, как у наших палаток загрохочет полуторка. За рулем сидел потный и красный Рябоволенко. Не дожидаясь, пока машина остановится, из кабины выпрыгнул сияющий старшина:

— Плохо же вы старшину знаете, товарищ капитан! Пошел к командиру авторoты — и, пожалуйста, машина! Так что зря вы меня обидели!

Я не нашелся, что ответить.

Старшина тем временем развил бешеную деятельность. Он отдавал одно распоряжение за другим. Появились точно из-под земли доски, брусья, брезент. Раздобыли пилу, гвозди, толстую иглу с дратвой. К вечеру полуторка превратилась в «спецмашину». Потренировались, как размещать в кузове наборные кассы, печатный станок, радиоаппаратуру, ящики с продуктами. Офицеры и солдаты облюбовали себе места. Ай да старшина! Такое даже во сне не снилось!

На другой день пришла радостная весть. Взят Бобруйск! Об этом событии срочно набираются статьи и заметки. Ночью номер газеты отпечатан. Капитан Аипов на попутном транспорте повез пачки газет в наступающие полки. А всем остальным — приказ перебазироваться в деревушку под самый Бобруйск. Маршрут отмечен на карте, что лежит у меня в планшете.

Весь личный состав редакции и имущество разместились в кузове. Я уселся в кабине, рядом с Митей.

— Ну, танкист, давай вперед, на Запад!

Рябоволенко дал газ. Кабина наполнилась дымом. Под кузовом что-то отчаянно заскрежетало. А Митя растерянно двигал то один, то другой рычаг. Мотор ревел, полуторка дрожала, как в лихорадке, но... не трогалась с места, будто ее приморозило.

— В танке все проще,— смущенно проговорил Митя.— Там тягу на себя возьмешь и дуй прямиком. Никаких тебе хитростей. К тому же там гусеницы, а тут колеса...

«Как бы этот бывший танкист не угробил»,— опасливо подумал я. Вдруг машина рванулась, выскочила на дорогу-лежневку, подскакивая и треща, понеслась по бревнам. У меня зарябило в глазах.

— На какой же ты скорости прешь, Митя? — стуча зубами, спросил я.

— Молчите, товарищ капитан. Я и сам не знаю! На какой вышло!..

Вдруг Митя бросил руль и ухватился обеими руками за рычаг. Грузовик соскочил с настила. Колеса зарылись в зыбкий грунт. Я стукнулся лбом о ветровое стекло.

Выскочили пассажиры. Нашего «танкиста» била дрожь. Кое-как общими силами заглушили мотор и начали толкать машину к шоссе, на которое выходила лежневка.

По дороге то один, то другой ядовито замечал:

— Теперь, товарищ старшина, знаем все твои сильные и слабые стороны... А может, за лошадками вернемся? Как ты думаешь, танкист? На них вроде сподручнее. Всего две скорости: «тпру» да «но»!.. Запряжем в машину, и тише едешь, дальше будешь.

Старшина и Рябоволенко отмалчивались. Наконец «танкист» не выдержал:

— Это все старшина! Он подбил меня назваться водителем! А я в танковой части бензин на лошадях подвозил! Конечно, видел, и как шоферы машину водят. А самому не приходилось...

Конец этой истории неожиданный: через месяц Рябоволенко освоил технику вождения, и наша «спецмашина» служила верой и правдой до конца войны...

26 февраля — сто лет со дня рождения Н. К. Крупской.

...ЧЕЙ ОБРАЗ С ЛЕНИНЫМ ТАК СЛИТ

В. ДРИДЗО

Н. К. Крупская. 1903 год.

Чем дальше идут годы, чем больше десятилетий проходит с того невозвратимого времени, когда каждый день я видела милые глаза и улыбку Надежды Константиновны, слышала ее неторопливый, тихий голос, тем величественней становится ее образ, тем большую значимость приобретает вся ее героическая жизнь. Я написала эти строки и подумала: если бы я когда-нибудь посмела при Надежде Константиновне такими словами охарактеризовать ее деятельность, мне бы от нее как следует досталось, и я слышу, как она сказала бы мне: «Полно, дитя мое, занялись бы вы лучше каким-нибудь делом».

Надежда Константиновна не терпела громких фраз, напыщенных выражений, в особенности по отношению к себе. Она искренне считала, что ничего особенного, выдающегося не сделала, что всегда делала то, что было необходимо в данное время, считала себя лишь маленькой частицей огромного организма партии. Скромность и простота были ей присущи и в большом и в малом.

Но жизнь Надежды Константиновны, весь ее путь, о котором Горький писал, что он «труден и великолепен», ее неустанная многогранная деятельность ярко показывают нам, как велик вклад Н. К. Крупской в борьбу за победу рабочего класса, в строительство социализма.

Надежда Константиновна Крупская — виднейший деятель Коммунистической партии и Советского государства, соратник, жена и друг великого Ленина. Она одна из тех первых революционных марксистов в нашей стране, которые закладывали фундамент Коммунистической партии, помогали Ленину создавать, растить и пестовать партию, вести ее от победы к победе. После Октября семнадцатого года Надежда Константиновна, член коллегии Народного комиссариата просвещения, а потом заместитель народного комиссара, вдохновляла всю работу по воспитанию и образованию подрастающего поколения, по коммунистическому воспитанию широких трудящихся масс. Недаром ее называли душой Наркомпроса. Надежда Константиновна все время вела большую работу среди женщин, молодежи.

Она была участником почти всех партийных съездов (кроме I и V), членом ЦК партии и членом Президиума Верховного Совета СССР первого созыва. Родина наградила ее орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Надежда Константиновна — доктор педагогических наук, почетный член Академии наук СССР.

Деятельность ее настолько многогранна, что порой удивляешься, как может человек так творчески, так плодотворно работать одновременно над самыми различными на первый взгляд проблемами. Но это только на первый взгляд. Если вдуматься, то становится ясно, что все эти проблемы тесно, органически связаны между собой. Все это партийная работа по коммунистическому воспитанию масс.

Как сложилась жизнь Надежды Константиновны? Родилась она в Петербурге 14 (26) февраля 1869 года в трудовой интеллигентной семье. Отец ее, Константин Игнатьевич, придерживался прогрессивных взглядов, не верил в бога; в доме Крупских часто бывали революционеры. Надя дружила с отцом, авторитет его был велик. Будучи уволен с государственной службы из-за своих прогрессивных взглядов, терпя лишения и нужду, Константин Игнатьевич тяжело болел и умер от туберкулеза легких, когда Наде исполнилось 14 лет. Ни братьев, ни сестер у нее не было, и всю жизнь она прожила со своей матерью Елизаветой Васильевной, последовавшей за нею в ссылку, жившей с нею и Владимиром Ильичем и в

В. И. Ленин и Н. К. Крупская выходят из Дома союзов после заседания Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию.
Май 1919 года.

ссылке и в эмиграции. Надежда Константиновна очень любила свою мать, которая была ей настоящим другом. Владимир Ильич всегда относился к Елизавете Васильевне с большим уважением.

С Петербургом связаны детские годы, юность, молодость Надежды Константиновны. Там она училась (окончила гимназию с золотой медалью), там стала марксисткой и вела революционную работу, там познакомилась с Лениным, там пришла к ней любовь к Владимиру Ильичу на всю жизнь.

«Я крепко любила Ильича; то, что его волновало, волновало и меня; я старалась в меру своих сил и уменья помогать ему в работе...» — напишет Надежда Константиновна через много лет, уже после смерти Ленина.

Когда Владимир Ильич и Надежда Константиновна поженились, у них был уговор: во-первых, никогда ни о чем друг друга не расспрашивать и, во-вторых, никогда не скрывать, если они изменятся друг к другу. Этот уговор они соблюдали все двадцать пять лет своей совместной жизни. Без величайшего уважения и доверия они не мыслили не только своей семейной жизни, но и семейной жизни вообще. Жизнь мещанская, обывательская, замкнутая, оторванная от общественных интересов была им чужда.

Глубокое личное чувство тесно переплеталось с их борьбой за светлое будущее человечества. Выступая на VI съезде комсомола в 1924 году, Надежда Константиновна говорила о том, что нужно уметь сливать свою жизнь с общественной. Общее дело всех трудящихся должно стать и личным делом. Это обогащает человека.

Когда говорят о самых характерных чертах Надежды Константиновны, то порой приходится слышать: простота, скромность, доброжелательность, внимание к людям, любовь к детям. Да, она была проста и скромна, доброжелательна и внимательна к людям, любила детей. Но ведь много есть женщин простых и скромных, доброжелательных и внимательных, любящих детей. Не это главное в Надежде Константиновне. Главное — ее партийность, принципиальность, целеустремленность. Невозможно себе представить, чтобы она решила какой-нибудь вопрос не в интересах дела, а под влиянием личной симпатии или неприязни к человеку.

«Политическая честность,— писала она,— в настоящем, глубоком смысле этого слова,— честность, которая заключается в умении в своих политических суждениях и действиях отрешиться от всяких личных симпатий и антипатий, не всякому присуща, и тем, у кого она есть, она дается нелегко».

Пытливый ум, природная одаренность, широкая образованность, глубокие марксистские

Н. К. Крупская среди работниц фабрики «Красная Роза».
Март 1927 года.

знания, огромный опыт партийной работы под руководством Ленина, мужество и воля — вот черты, которые сделали Надежду Константиновну тем замечательным человеком, которого мы все знали и любили.

Мужество Надежды Константиновны, несмотря на ее всегдашнюю мягкость, было поразительно. С огромной силой сказалось оно в те тяжкие дни, когда она потеряла самого своего близкого друга. В эти скорбные для всего нашего народа дни она нашла в себе силы и, когда гроб с телом Владимира Ильича еще стоял в Колонном зале Дома союзов, выступила на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов с замечательной речью, которую и сейчас нельзя читать без волнения.

«Товарищи,— говорила Надежда Константиновна,— за эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту».

В этом выступлении она призвала коммунистов выше поднимать дорогое Ленину знамя, знамя коммунизма, призвала трудящихся нашей страны, трудящихся всего мира становиться под знамя Ленина, под знамя коммунизма.

Надежда Константиновна никогда не поучала нас, работавших с нею, не читала нам наставлений. Своей жизнью, своим примером она учила нас, каким должен быть коммунист, как должен он себя вести.

Партийная дисциплина, выполнение решений партии были для нее законом. Когда XIII съезд партии призвал всех коммунистов передать в Институт Ленина все имеющиеся у них рукописи Владимира Ильича и материалы о его деятельности, Надежда Константиновна сдала в институт более тысячи имевшихся у нее документов. Это были рукописи статей, заметок, тезисов, стенограммы выступлений Ленина. Наконец, у нее остались только два личных письма, которые Владимир Ильич написал ей летом 1919 года, во время ее поездки по Волге и Каме на агитационно-инструкторском пароходе «Красная Звезда». За двадцать пять лет их совместной жизни Владимир Ильич и Надежда Константиновна почти не переписывались, так как все время жили вместе. Те немногие письма, которые они написали друг другу в 90-х годах, тогда же уничтожались: в условиях полицейских преследований хранить их было нельзя. И эти два письма, такие теплые и заботливые, начинающиеся словами: «Дорогая Надюшка»,— в которых Владимир Ильич рассказывает о делах, беспокоится о ее здоровье, советует запасаться силами, были ей необычайно дороги. Она часто перечитывала их, перечитывая, плакала. Зная, как ей дороги эти письма, я говорила: «Надежда Константиновна, не передавайте их в Институт Ленина, оставьте их у себя». Надежда Константиновна задумчиво посмотрела на меня: «Нет, Верочка, вы не понимаете. Если есть решение съезда партии, оно обязательно для всех членов партии, оно обязательно и для меня». И письма были сданы в институт. Сейчас они опубликованы в Собрании сочинений В. И. Ленина.

К людям Надежда Константиновна всегда относилась с большим уважением, и каждый это чувствовал. Она внимательно выслушивала обращавшихся к ней, председательствуя, никогда не прерывала оратора. Никогда не обращалась она на «ты» к тем, кто говорил ей «вы», как бы скромно ни было их положение или как бы молоды они ни были. Я испытала это на себе. Начала я работу секретарем у Надежды Константиновны молоденькой девушкой — мне не было даже полных 17 лет. Она, называя меня уменьшительными именами, всегда говорила мне «вы». Когда же я стала просить ее говорить мне «ты», она охотно согласилась, но только при одном условии: если я тоже буду говорить ей «ты». На это уж я, естественно, не могла согласиться. Так и получилось, что все двадцать лет, что я работала у Надежды Константиновны, она говорила мне «вы». На «ты» она была только с родными да с друзьями своей молодости, которые тоже говорили ей «ты».

Надежда Константиновна пользовалась большим уважением и любовью партии и народа. Об этом говорили в тот день, когда коммунисты Москвы отмечали 50-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Это было 23 апреля 1920 года. В Московском комитете партии был устроен «Коммунистический вечер в честь В. И. Ленина». Владимир Ильич, не терпевший чествований и хвалебных речей в свой адрес, приехал только к самому концу вечера. Надежда Константиновна была на вечере все время. Вечер прошел очень торжественно, выступали А. М. Горький, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский и другие товарищи, выступали пролетарские поэты. Михаил Степанович Ольминский в своей речи отметил «большую роль в жизни Владимира Ильича, которую сыграла его жена Надежда Константиновна, помогавшая товарищу Ленину в его великой работе». Зал устроил овацию Надежде Константиновне.

Жизнь и работа Надежды Константиновны неотделимы от жизни Ленина, от жизни партии. И прав был ее старый товарищ Глеб Максимилианович Кржижановский, когда писал:

Но не умрешь ты в душах наших,
Тебе забвенье не грозит,
Суд времени тому не страшен,
Чей образ с Лениным так слит.

Н. К. КРУПСКАЯ.

Портрет работы И. Космина.

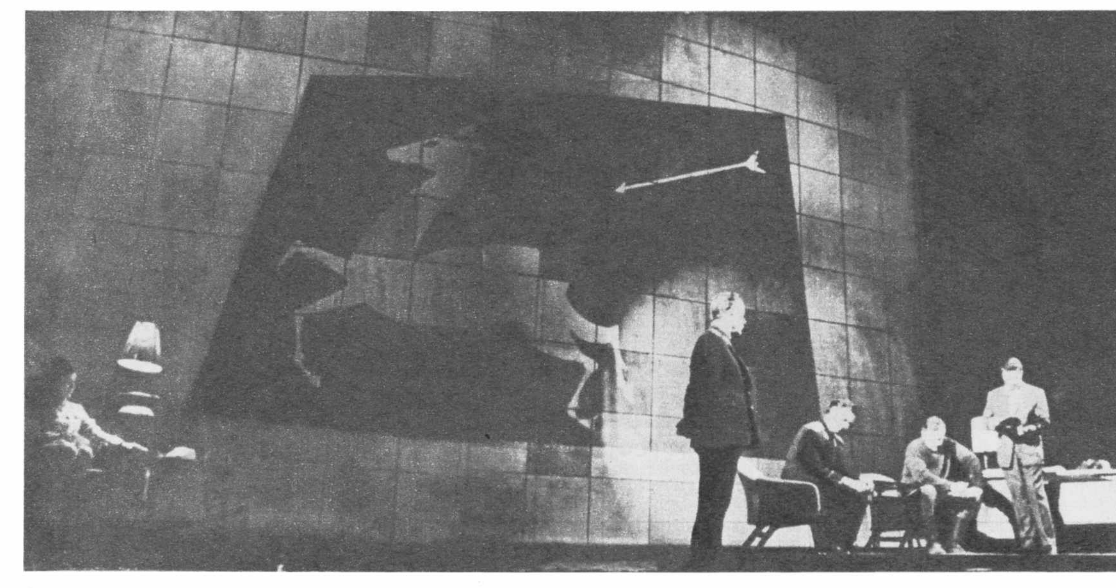
Морозный день.

Фото А. Гостева.

Интервью «Огонька»

П. ТАРАСОВ,
начальник управления театров Министерства культуры СССР

Сцена из спектакля Малого театра «Золотое руно». **Фото А. Бочинина.**

...На сцене двое — он и она. Авакум и Елена. Еще недавно эти люди любили друг друга, мечтали о счастье. И вдруг в тот самый день, когда они должны были вдвоем уехать к морю, Авакум исчез. Что случилось?

Напряженно и загадочно начинается спектакль Малого театра «Золотое руно». Спектакль о нелегкой, полной опасностей жизни работников государственной безопасности. О долге и чести. О подлинном человеколюбии. Спектакль этот поставлен по мотивам романа А. Гуляшки — известного болгарского писателя, лауреата Димитровской премии — его соотечественниками — режиссером Г. Авравомым и художником А. Митевым.

18 февраля этим спектаклем в нашей стране открылся фестиваль болгарской драматургии, посвященный замечательному празднику — 25-летию социалистической революции в Болгарии.

Более 80 театров приняли участие в фестивале. Они показали пьесы болгарских классиков: «Службогонцы» Ив. Вазова, «У подножия Витоши» П. Яворова, «Гадальщик» Ст. Костова, — и современных драматургов: «Тревога», «Земной рай», «Счастье» О. Василева, «Привал в Арко Ирис» Д. Димова; произведения для детей и кукольных театров.

В Москве, кроме работы Малого театра «Золотое руно», были показаны: «Каждый осенний вечер» Ив. Пейчева (Драматический театр имени К. С. Станиславского), «Заячья школа» П. Манчева (Государственный театр кукол под руководством С. В. Образцова); спектакли: Ленинградского театра имени Ленсовета «Лодка в лесу» Н. Хайтова, Воронежского драматического театра имени А. Кольцова «Великоманов» С. Костова, Северо-осетинского музыкально-драматического театра «Первый удар» К. Кюлявкова, где в одной из главных ролей выступил народный артист СССР В. Тхапсаев.

На сцене театра «Современник» в дни фестиваля идет пьеса Р. Стоянова «Мастера» в постановке болгарского режиссера В. Цанкова и болгарского художника М. Михайлова. В этом произведении, написанном почти полвека назад, театр раскрыл тему взаимовлияния искусства и жизни, которая и сегодня волнует зрителя. В споре двух талантливых мастеров, Найдена и Живко, не оказалось победителя и побежденного; спор их не окончен, но вывод из него таков: не может быть подлинного искусства, лишенного дыхания настоящей жизни, основанного только на традициях и привычных канонах; но если художник нарушает законы нравственности и человечности, жизнь жестоко мстит ему: он перестает быть творцом...

Болгарский и русский театры издавна связаны узами крепкой дружбы. Еще в 80-х годах прошлого века — сразу после освобождения Болгарии от пятисотлетнего турецкого ига — первыми руководителями, режиссерами и актерами болгарского профессионального театра стали воспитанники театральных школ Москвы и Петербурга: Адриана Будевская, Крыстю Сарафов, Гено Киров, Христо Ганчев, Петко Атанасов. Большое влияние на театральную культуру Болгарии оказал бывший артист Московского Художественного театра Николай Осипович Массалитинов, приглашенный в 1925 году на пост главного режиссера Софийского народного театра. Он организовал актерскую школу, которую прошли все крупные мастера второго поколения: Иван Димов, Владимир Трандафилов, Борис Ганчев, Зорка Иорданова, Петя Герганова, Константин Кисимов...

С большим успехом шли на болгарской сцене пьесы Островского, Гоголя, Чехова. Вскоре после премьеры, состоявшейся в Московском Художественном театре, в Болгарии была поставлена пьеса «На дне» А. М. Горького. Спектакль обрел огромное политическое звучание, а песня «Солнце всходит и заходит...» стала одной из самых популярных.

Начиная с 20-х годов в репертуаре болгарских театров появляются произведения советских авторов. Особенно крупный успех выпал на долю спектакля «Платон Кречет» А. Корнейчука, поставленного Н. Массалитиновым в 1940 году.

В послевоенные годы, когда родилась новая, народная Болгария, творческое сотрудничество стало еще более тесным и постоянным. Советские режиссеры Б. Захава, Б. Ливанов, Б. Львов-Анохин, Л. Варпаховский, Б. Покровский не раз выезжали в Болгарию, где осуществили ряд интересных постановок. В свою очередь, и у нас в стране идут произведения болгарских драматургов в постановке болгарских режиссеров.

Традиционным стал обмен гастролями, обмен артистами. Так, в спектакле Театра имени Моссовета «Они сражались за Родину» в дни фестиваля восемь ролей исполнили актеры из Болгарии.

Однако театральный фестиваль — лишь начало огромного праздника культуры, который проводится в связи с юбилеем Народной Республики Болгарии.

В мае — июне в нашей стране пройдут Дни болгарской культуры.

Советские зрители познакомятся с высоким исполнительским мастерством Софийской Народной оперы; здесь немало солистов, заслуживших мировую славу. А в сентябре у нас состоится фестиваль болгарской музыки. Организуются авторские концерты композиторов — П. Владигерова, Л. Пипкова, В. Стоянова, Ф. Кутева, Т. Попова. В клубах, в народных университетах культуры будут прочитаны лекции.

В этом же году в Болгарии пройдут гастроли балетной труппы Большого театра, Государственного академического Малого театра Союза ССР, Симфонического оркестра Латвийского радио и телевидения. Выступят Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Леонид Коган, Кирилл Кондрашин, Белла Руденко, Зураб Анджапаридзе.

ДНИ НАШЕЙ СЛАВЫ

Тот, кому посчастливится купить эту книгу в алой, как кровь, обложке, прочтет ее залпом, а потом еще не раз будет листать и перелистывать, чтобы снова пережить вместе с автором самые острые, самые грозные моменты одного из самых памятных периодов минувшей войны.

Книгу эту написал Константин Федорович Телегин, ныне генерал-лейтенант в отставке. Он начал свою красноармейскую службу в 1918 году. Первой и главной его школой жизни, школой служения делу народа была гражданская война, а образцом для подражания — прославленный красный полководец Блюхер. Под его началом Телегин дрался в Сибири и на Перекопе, а потом нес службу на Дальнем Востоке, где были и Хасан и Халхин-Гол. А после были бои с белофиннами.

Великую Отечественную войну Телегин встретил в звании дивизионного комиссара. Делом его ума и сердца всегда оставалась политическая работа в армии, но случались моменты на трудном военном пути, когда обстоятельства требовали от него принимать решения, от которых зависел ход боевых действий. Именно так произошло осенью 1941 года, когда ударные клинья гитлеровских армий готовились вонзиться в сердце страны — Москву. О тех незабываемых днях нашей славы и написал Константин Федорович в книге «Не отдали Москвы!».

Честное слово, как-то неловко писать обычную рецензию на этот труд, разбирать чисто литературные достоинства и недостатки книги. Она как монолитный кусок нашей военной истории. В ней нет пустых строчек — все лежат плотно, как патроны в обойме, каждая стреляет.

Вот только один пример.

На страницах 108—109 приводится документальная запись работы штаба Московского военного округа и лично Телегина с 16 часов 20 минут до 16 часов 58 минут в кризисный день 5 октября 1941 года. Всего 38 минут, а прочтешь эти страницы, и такое ощущение, будто в них, в 38 минутах, спрессовалась целая жизнь — столь высокое напряжение несут в себе лаконичные, по-военному строгие записи.

О. ШМЕЛЕВ

К. Ф. Телегин. Не отдали Москвы! Издательство «Советская Россия». Москва. 1968.

ГОРЬКОВСКИЕ СПЕКТАКЛИ — ЛЮБИМЫЕ

Заслуженный артист РСФСР Кирилл Лавров исполняет роль Нила в пьесе А. М. Горького «Мещане».

Фото Д. Мовшина.

Занавес первого советского театра впервые поднялся в Петрограде 5 февраля 1919, грозного, года, ровно в шесть вечера... Со сцены звучат бунтарские речи Карла Моора из шиллеровских «Разбойников». Они обращены к залу, к тем людям, которые завтра идут в бой... Нередко первые спектакли приходилось прерывать: на авансцену выходил агитатор, и по его призыву люди вставали, чтобы немедленно отправиться на фронт.

«В наше время необходим театр героический»,— писал тогда М. Горький. Он сам принимал непосредственное участие в создании творческой программы театра, которая определялась так: героическому народу — героическое зрелище.

За свои пятьдесят лет театр поставил почти все горьковские спектакли.

Новое звучание обрели ставшие классическими пьесы Горького, поставленные Г. А. Товстоноговым, главным режиссером Академического Большого драматического театра имени А. М. Горького.

Совершенством поражают постановки «Варваров», «Мещан» и других любимых спектаклей ленинградцев.

В. ГЕРАСИЧЕВ

●

ПОЛВЕКА ТВОРЧЕСТВА

Сцена из оперы «Банюта» в центре — солистка Рита Зелмане.

Фото Ж. Легздиня.

Направляясь с Рижского вокзала в город, вы обязательно пройдете мимо белого здания Латвийского академического театра оперы и балета, окруженного густыми деревьями и светлыми озерами парка.

50 лет назад театр открыл свой первый сезон первой латышской национальной оперой «Банюта» композитора Алфреда Калныня.

В нынешнем году театр снова открыл сезон этим же спектаклем.

— «Банюта» в новой постановке стала событием для театральной Риги,— рассказывает Карл Лиепа, главный режиссер театра, народный артист Латвийской ССР.— Событием она стала и для режиссера Яниса Заринььша. «Банюта» — его давняя мечта.

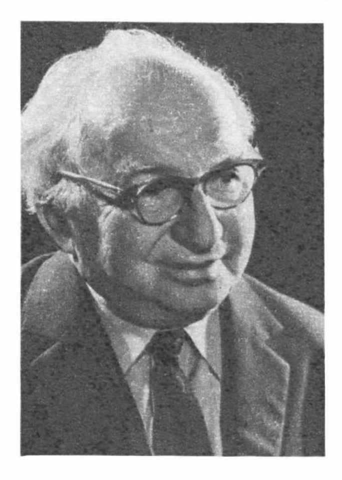
— Что еще нового увидят рижские театралы на этой сцене?

— Балетная труппа ставит «Асель», балет, созданный композитором В. Власовым по мотивам повести Чингиза Айтматова «Тополек мой в красной косынке»... Выйдет спектакль «Американская трагедия», опера литовского композитора В. Клова по роману Драйзера. Лауреат Государственной премии Маргер Заринь готовит к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина не совсем обычную постановку: произведение оперно-концертного жанра; участники этого спектакля вкладывают весь жар сердца в свою новую работу.

И. ГЕРОЛЬ

●

ЮБИЛЕЙ САТИРИКА

Григорию Ефимовичу Рыклину 75 лет. Недаром его именуют старейшиной сатирического цеха. Несколько поколений советских людей знают Григория Ефимовича как одного из лучших советских фельетонистов, владеющего искусством тонкой иронии, умеющего высмеять так, что никому из «конкретных носителей зла» не придет в голову повторить свой опыт.

Много лет он работал в «Известиях», в «Правде», в «Крокодиле».

Он известен также как мастер юмористических, веселых рассказов, от которых становится как-то теплее. Юмор его светел, изящен. Близкие друзья знают Рыклина как остроумного собеседника, душевного человека, общение с которым доставляет радость.

Вот скоро уже 50 лет, как он в рядах партии. Его партийный путь — это путь большевика, беззаветно преданного делу Ленина.

Московская литературная общественность тепло отметила 75-летие Григория Ефимовича Рыклина.

Ник. КРУЖКОВ

Николай **РОДИЧЕВ**

С утра, как это нередко случается в горной местности, пошел дождь. Белесая мрячка поползла в раскинувшиеся по ущелью улицы с самой высокой горы, Дианы. Толпа у колоннады с источниками минеральной воды поредела. Дождь прогнал с широкого мостика через реку Теплу последних зевак, сбегающихся сюда покормить ярких, пятнистых рыбок. По мокрому асфальту сбочь мостика торопливо прошлепала девочка.

В узком проезде между зданием городского Народного выбора и отелем «Атлас», приспособленным под общежитие несемейных сотрудников курорта «Империал», девочка остановилась. Запрокинув голову, она поискала глазами знакомый балкон.

— Пани Ано-о! — выкрикнула она. Получилось так звонко, что от каменной стены, подпирающей крутой откос горы, вспорхнуло эхо. Девочка оглянулась на стоянку легковых машин, где размещали свои «фольксвагены» и «кадиллаки» богатые гости с Запада. Потом несколько тише повторила свой зов.

Шустрая Зденка могла бы одним духом взбежать на третий этаж к выкрашенной в желтую краску двери, но вход в пансионат здесь всегда заперт. Нужно звонить привратнику. Этот «домаци», конечно, отопрет, однако смеряет таким осудительным взглядом, словно ему помешали умереть.

Девочке повезло. На балконе показалась седовласая женщина в теплом халате, который никак не хотел застегиваться. Женщина посмотрела вниз, узнала дочку гардеробщицы из поликлиники.

— Пани Ано, там приехали пациенты. Пан лекарь просил прийти. Возможно, потребуется процедура.

Седая женщина больше ни о чем не спрашивала. Вернувшись в комнату, она собрала на столе мотки шерсти, сунула их вместе с недовязанной кофточкой в сумку. Потом сняла с гвоздика ключ, чтобы не беспокоить лишний раз «домаци».

Но привратник услышал крик с улицы и сам спустился на площадку, волоча больную ногу.

— Доброго пути вам,— пробормотал он привычное, закрывая за ней дверь.

— До свидания.

Откуда-то сверху сонно спросили:

— Кто это пошел?

— Пани Драбкова... Да эта... сибирячка.

Пани Анна...

Почти полвека тому назад родители Ани Орловой переселились в Сибирь из Тверской губернии. В Иркутске купили небольшой дом на Оглобинской, 9. Чудом сохранился он доныне... Отец, Иван Семенович, паровозный механик, человек набожный, нрава крутого, но отходчивый. Вставал рано, до завтрака трудился по дому, приучал к работе детей. Затем, надев форменку с высоким картузом, уходил в депо, важно покачивая кованым сундучком Водил он составы с лесом и зерном на Усолье, иной раз добирался со своей резвой кукушкой аж до Улан-Удэ. В последние годы чаще перевозил людей. Вагоны были одни и те же — теплушки, а люди разные: то красные, то белые... Шла гражданская война. Нередко в дом их врывались военные, грубо расталкивали прикорнувшего после долгой поездки механика, гнали к локомотиву. Аня с меньшим братишкой, Николаем, и матерью, Ксенией Яковлевной, ждали его ночами, прислушивались к отдаленным вскрикам локомотива. Голос своего они умели отличить от десятков.

Отец нередко говорил: мое дело — честно работать, а какая власть... Впрочем, охотно рассказывал он своим людям, какой груз и куда доставил, на каком перегоне эшелон был обстрелян из тайги. Кажется, он первый принес весть, что через город пошли чехи. Разное тогда толковали об иноземцах. Кое-кто прямо называл их белыми, потому что, голодные и злые, чехи сходили с поездов, шастали по селам, расположенным вдоль полотна железной дороги, разгоняли поселковые Советы, стреляли в активистов. А были и совсем другие: помогали партизанам, вступали в интернациональные отряды. Немало таких «интернационалов» после гражданской войны остались в России, приняли советское гражданство.

Аня Орлова дежурила в красноармейском госпитале. Когда в Иркутске открылась фельдшерско-акушерская государственная школа, она одной из первых записалась в нее.

Однажды чернобровая товарка Ани Маша Хайлович, кассирша из кооператива, заскочила на Оглобинскую поделиться новостью. К ним на квартиру попросился молодой счетовод из приисковой транспортной конторы.

— Между прочим, он из чехов... Очень забавно говорит по-русски... Обходительный, вежливый и симпатяга — закачаешься,— шептала подружка.

Дочь механика вечером пошла взглянуть одним глазком на постояльца Хайловичей. Потом Аня с Франтишеком ходили на танцы в народный дом, любовались речными закатами у Ангары.

Отец ушел из дому, услышав о решении дочери соединить свою судьбу с Франтишеком.

— Не было такого в роду у нас, чтобы кто с иноземцами роднился! А ну-кось его в свои края потянет?! Ты по эту сторону, а он по другую останется?

Франтишек постоянно твердил, что рабочий класс Чехословакии долго не захочет гнуть спину на хозяев, установит и в своей стране народную власть... Франтишек хорошо говорил о политике, но когда дело коснулось сватовства, сник, поскучнел и лишь поглядывал на Аню — теперь все зависело от нее. Девушка верила в отходчивую натуру отца. Так оно и получилось. Появился малыш — Коля, и механик подобрел к зятю, то и дело предлагал свои услуги — за малышом присмотреть или еще что. Да и чех оказался парнем уважительным, по-

кладистым. О трудолюбии его и говорить не приходилось. Из конторы Франтишека вскоре перевели в горные десятники в Нижне-Удинск. Молодая семья получила там жилье.

Пани Анна... Кажется, вчера еще она пеленала новорожденных в поселковом роддоме, вместе со счастливыми матерями придумывала им красивые имена. На склоне дня по тамошним обычаям носила к лодочной пристани полоскать белье, чтобы посудачить о новостях с подругами.

Теперь эта седая женщина, с густой сетью морщин на нестаром лице, зябко кутаясь в темный плед, сидит на диване у окна с балконом. Вот она достает из комода пачку бумаг. Здесь чудом сохранившаяся с былых времен расчетная книжка № 374 на имя Франтишека Драбека с гербовой печатью Союза Советских Социалистических Республик, членский билет профсоюза горнорабочих Березинского прииска, удостоверение десятника... А рядом «Умртни лист» — посмертное свидетельство с фашистской свастикой. Здесь же документы о высших наградах Чехословацкой Социалистической Республики, которых удостоен руководитель подполья Ф. Драбек за героическую борьбу против фашистских оккупантов, личное послание генерала Людвика Свободы вдове героя, уважаемой пани Анне Драбковой... Скорбными глазами она глядит на снимок мраморной доски на здании почты в Градце-Кралове. Там был центр подпольщиков. Первым в списке героев стоит имя ее мужа. Выше, над именами патриотов, высечены слова с древних могил: «Падли, абыхом жили»... Пали за нашу жизнь.

А было все так.

Чуть наладились отношения между двумя странами после гражданской войны, отец Франтишека принялся осаждать сына письмами. Он не жалел красок, расписывая привольную жизнь в буржуазной республике, укорял сына в бессердечии, звал домой на родину. В ноябре 1930 года семья Драбека уехала в Чехословакию. На прощание заехали в Иркутск, постояли у Ангары, обошли знакомых.

В Чехословакии Аню стали называть непривычным словом «пани». Спала она на скрипучем диванчике у порога: в квартире родителей мужа и без приезжих было тесно. На другой день после встречи отец с горечью признался, что уже полгода скитается без дела. Франтишек, овладевший в Сибири несколькими гражданскими профессиями, первоклассный счетный работник, так и не нашел себе достойного занятия, перебивался случайной поденной работой. Фельдшерско-акушерский диплом, полученный Анной Ивановной в Иркутске, в здешних канцеляриях рассматривали как диво и не верили, что в Сибири кого-то чему-то учат. А если кто и верил, все равно места в поликлиниках не находилось. Опытной фельдшерице пришлось наскоро овладевать ремеслом вязания, чтобы выполнять заказы модниц и хоть как-нибудь помогать мечущемуся в поисках работы мужу. У них уже было двое детей.

Только спустя два года Франтишеку наконец повезло: освободилось место почтового курьера в поездах. Платили за эту кочевую жизнь 700 крон в месяц, 200 из них пани Анна сразу же относила хозяину комнаты, которую они стали снимать в кособоком строении на площади Масарика.

Так продолжалось до прихода фашистов. Теперь чехов стали именовать гражданами протектората или просто славянами, относились к ним как к людям второго сорта. Франтишек Драбек формально не был членом компартии. Однако всей душой он сочувствовал патриотам. Упаковывая почтовые ящики, он вместе с верными друзьями по подполью вкладывал в них листовки, перевозил добытое оружие, снимал копии с наиболее важных нацистских документов.

Подросли дети, Коля и Олег. Случалось, под утро отец осторожно будил кого-нибудь из них, вручал пакет:

— Снеси пану Милостному... Только лично... Немцам в руки не давайся.

Мать была рядом. Она вполне представляла себе, что означает предупреждение мужа. Нередко выпадали поручения, которые в тех условиях могла выполнить лишь женщина. тогда собиралась Анна Ивановна. Мужчины шли где-то рядом, готовые броситься на выручку.

Группу Драбека выдал предатель по кличке «Инженер».

Драбека арестовали в сорок первом, в незабываемый для всей семьи день 27 октября. Его увели сразу, заломив руки назад. Потом начали рыться в ящиках стола, вспарывали матрацы. Моложавый, чистенький офицер, выпотрошив стол, склонился над добычей.

— На каком языке разговариваете? — бросил он Анне Ивановне, блеснув в ее сторону моноклем.

Женщина еле сдерживала рыдания.

— На чешском, немецком, английском...

Тот продолжал рыться в бумагах.

— О, вы русская?! — удивился гестаповец, наткнувшись на диплом медицинского училища.

— Да, я сибирячка,— беря себя в руки, гордо заявила женщина.

Офицер посвистел и принялся, округлив глаза, рассматривать жену арестованного, будто впервые ее заметил. Затем заученно определил:

— Сибирь нам покамест не нужна... Не все сразу.

— Вам не видать ее, как своих ушей! — сорвалось у Анны Ивановны.

Гестаповец резко подхватился с места и заорал так, что агент из полиции протектората, торчавший у двери, вздрогнул.

— Мы вас всех — славян, чехов, поляков — вслед за русскими загоним в эту самую Сибирь! Будете спать в обнимку с медведями!

Уходя, офицер сказал своему напарнику:

— Мы, кажется, не с того края начали, Курт... Эта пани далеко не безобидная штучка.

— Вы же сами, господин капитан, сказали, что не все сразу,— отозвался гестаповец.

Продав последние вещички, Анна Ивановна добралась до Берлина, добилась там краткого свидания с мужем. Франтишек не взял передачи: «Все равно заберут гестаповцы».

Жене он сказал:

— Спасибо тебе за все, дорогая! Русскому народу за тебя спасибо! Только оттуда ждите избавления.

Казнили Франтишека в ночь на 8 сентября 1943 года в Берлинской тюрьме, одновременно с Юлиусом Фучиком.

Но близился час расплаты за неисчислимые злодеяния. С лета 1944 года гитлеровцы забеспокоились о подходах к своему логову. Множество молодых людей из оккупированных стран было согнано под Берлин на рытье окопов. Попал туда и Коля Драбек. И в чудовищных условиях оккупации он мечтал о другой жизни. Однажды, улучив момент, он пришел в Берлинский университет—там как раз экзаменовали абитуриентов. Грузноватый человек с подстриженными белесыми бровями и выдвинувшимся подбородком встретил его в приемной комиссии.

— Так ты откуда, говоришь, приехал? — рассеянно слушая юношу, переспросил чиновник от науки.

— Из протектората...

— Проваливай себе на окопы, пока мы не заинтересовались тобой как следует! — скомандовал голосом ротного фельдфебеля сотрудник университета.— От вас покамест нужны только землекопы.

Двери вуза открылись перед детьми казненного Драбека лишь после изгнания оккупантов. В это священное дело, завещанное отцом, они внесли и свой вклад. Коля и Олег с товарищами по подполью защищали мост через Эльбу, пока по нему не прошли советские войска.

Связным на этот раз был Олег. Появлялся в полночь, чтобы сказать матери несколько ласковых слов, успокоить, но всегда заставал ее одетой, готовой в путь.

— Мамочка, мы здесь... Совсем недалеко.

— Сколько вас? — спрашивала Анна Ивановна и, не дождавшись ответа, извлекала из шкафа пакеты с едой, бинты.

О, этой женщине хорошо знаком звук удаляющихся шагов по лестнице, окрики в ночи. Знает она цену ожидания той минуты, когда желанный голос снова назовет ее с порога.

В первый месяц после освобождения сибирячка вступила в Коммунистическую партию Чехословакии и стала одним из активнейших работников ее в своем округе. Она ходила по квартирам рабочих и служащих, разъясняла

обстановку, принимала заявления от наиболее достойных о вступлении в партию. Много помогала в налаживании работы Союза чехословацко-советской дружбы, Союза борцов-антифашистов. Получила она наконец и работу по своей специальности. Тогда на территории Чехословакии было размещено несколько госпиталей для раненых советских воинов, и Анна Ивановна вспомнила о своем приобщении к медицинской профессии в красноармейских лазаретах Сибири.

Ее всегда очень тянуло к русским, к своим. Она стыдилась, когда в разговоре с земляками произносила какое-нибудь слово с акцентом. Долгие годы на чужбине, в обстановке, когда русская речь могла принести ей лишь дополнительные тяготы, она разговаривала только на иностранных языках. После эвакуации госпиталей, к ее огорчению, встречи с соотечественниками в маленьком Градце-Краловом были редки и случайны. Дети выучились, обзавелись семьями. На какое-то время оставшись не у дел, Анна Ивановна решила переселиться в Карловы Вары, куда приезжали на лечение и советские люди. Пятнадцать лет она была медсестрой в санатории «Империал». То были годы искусного врачевания, годы поощрений за безупречную службу, годы сердечной признательности тех, кто испытал на себе ее заботу. О ней и сейчас вспоминают всякий раз, когда идет в отпуск кто-либо из медсестер или на курорт приедет особо именитый гость.

...Я видел пани Анну совсем недавно. Мы посидели за чашкой кофе на куцем диванчике в небольшой комнате пансионата, перегороженной ситцевой занавеской. Анна Ивановна не депутат национального собрания и не кинозвезда. Она скромный пенсионер, проживший тяжелую, но честную трудовую жизнь. Однако почта этой удивительной женщины сравнима с корреспонденцией многих знаменитостей. Гостей в ее уютном жилище никогда не убавляется. Пишут благодарные пациенты из разных стран, шлют теплые строки сыновья, нежными словами заполняют школьные «листики» внуки, внучки. Николай — крупный специалист в области индустриального строительства. Совсем недавно за успехи в создании промышленных комплексов в Остраве и Кладно он получил очередную правительственную награду. Олег — видный энергетик. Любознательные внуки растут у пани Анны. У Николая двое: Борис и Петр, уже большие. У Олега: Зоя, Олег, Яржмила. Старшая окончила школу, учится на чертежницу. Бабушка может по секрету сказать, кто в чем любит покрасоваться на молодежном балу, какие свитеры надевают, собираясь на прогулку в горы...

Удивительный человек этот, несмотря на суровую, переполненную тревогами и лишениями жизнь, не сдается старости. Простая русская женщина из Сибири, Анна Орлова-Драбкова с достоинством пронесла через годы высокое звание русского, советского человека, возвысив это звание в глазах дружественного народа. Она все отдала братскому народу: молодость, ум, здоровье, всю жизнь. Вот она, отложив вязанье, выходит на балкон. Кто-то зовет ее. Может, кто-нибудь из нас?

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Теперь я мог не беспокоиться, что Дэфни знает Анжелику, однако продолжал внимательно ее слушать. Она могла говорить правду, но могла и лгать. Только сегодня утром, беседуя с Трэнтом, Дэфни доказала, как искусно она может лгать,— не так-то просто отличить у нее правду от вымысла. Но какая-то доля правды должна была содержаться в ее рассказе. Вряд ли она могла бы придумать кресло со спинкой из оленьих рогов, не побывав в квартире Анжелики. Но верно ли, что она там уснула? Что, если Дэфни, убедившись, что Джейми не придет, разозлилась, вернулась к нему на квартиру, затеяла там пьяную драку и увидела револьвер? Впрочем, я постарался выбросить из головы подобное предположение, поскольку мне было выгоднее целиком и полностью поверить ее объяснению.

И все же я не мог не обратить внимания на массу противоречий в рассказе Дэфни. Брауны рассказали Трэнту, что Джейми отказался пойти с ними в гости под тем предлогом, будто у него назначена встреча. Конечно, не с Дэфни, она пришла к нему неожиданно, без договоренности. Брауны ничего не упоминали о том, что обещали заглянуть к Джейми после вечеринки. Да и вернулись они из гостей не около двенадцати, а после четырех. Заявление Джейми о том, что Брауны якобы возражали против появления женщин в его квартире,— явная чушь. Если Джейми действительно пытался убедить в этом Дэфни, можно почти с полной уверенностью сказать, что у него было назначено другое свидание и он боялся, что она сорвет его, когда нежданно и негаданно примчалась со своим нелепым планом. Чтобы отделаться от нее, он и придумал шитое белыми нитками объяснение, а потом вышвырнул Анжелику из своей квартиры и привел туда Дэфни. Если она говорила правду, значит, Джейми вернулся после этого к человеку, который, возможно, уже поджидал его на той квартире, куда впервые прибежала Дэфни, и был там убит. Если же Дэфни сказала неправду...

Я вновь отогнал от себя эту мысль.

Взглянув на Бетси, я понял, что она несколько успокоилась.

— Значит, так все и произошло? — спросила она.

— Да, милая,— кивнула Дэфни,— и я уже просила тебя не кудахтать. Я ездила на своей машине, так что ни таксист, ни кто-нибудь другой меня и Джейми не видели. Не такая уж я идиотка, чтобы не подумать об этом заранее. Вот и все. Скажу еще, что я была страшно взбешена и очень боялась, что отец успел вернуться из Бостона. Я примчалась домой, и... отец уже сидел за газетой. Ясное дело, он сразу вцепился в меня. Ох и разошелся же он! Пришлось выложить ему всю правду.

— Всю ли? — заметила Бетси.

Дэфни хихикнула.

— Не совсем, моя милая, не такой уж я младенец. Я ничего не упомянула о своем плане, сказала только, что была с Джейми в одном месте, выпила лишку, домой возвращаться побоялась и заставила Лэмба отвезти меня на квартиру одного его приятеля. Но и этого хватило, чтобы подлить масла в огонь. Вы же знаете, папочка считает алкоголь величайшим злом для девиц, а тут еще его угораздило вспомнить некоторые другие факты. Ну, я, конечно, постаралась свалить вину на вас с Билем, и все равно...

Она поднялась с шезлонга, потянулась и сделала вид, что зевает.

— Послушайте, какой смысл ворошить то, что было да сплыло? Беспокоиться не о чем. Папка сейчас очень сердит, а завтра снова начнет лебезить: «У-у-у, поросеночек мой хороший, поросеночек мой миленький! Пожалуй, я был слишком суров...»

Дэфни внезапно повернулась к Бетси.

— Теперь ты знаешь все и, надеюсь, сдержишь свое обещание и не станешь читать мне высокопарную нотацию о «семейном очаге, девичьей чести и американском образе жизни». Убирайтесь-ка оба ко всем чертям! Я все еще чувствую себя отвратительно, сейчас завалюсь спать.

Бетси поднялась, и я последовал ее примеру. Оба мы взглянули на Дэфни. Внезапно она ухмыльнулась.

— Ах, вы, мои бедолаги! И чего вы только беспокоитесь! Так и до смерти можно себя довести. Разве вы еще не привыкли к моим выходкам? Разве еще не примирились с тем фактом, что я Дэфни Кэллингхем, Гроза Всех Кабанов?

Дэфни подбежала к Бетси, обняла ее и поцеловала.

— Бетси, моя родная, унылая, старенькая сестричка! Я тебя обожаю!

Потом она повернулась ко мне и наградила долгим, нежным поцелуем.

— А ты... ты просто куколка! Позабудь, что я сказала о бойскауте. Бойскаут из тебя получился бы никудышный, ты совершенно не разбираешься в птичках. А вообще-то ты чудесный малый.— Дэфни сделала жест, словно прогоняя цыплят.— Ну, а теперь кыш по домам! Бегите и занимайтесь своими делишками. Гроза Всех Кабанов должна помолиться боженьке.

К Ч. Д. мы не заходили. Бетси страшно устала, да и я чувствовал себя измученным. По дороге домой она спросила:

— Ты поверил ей?

— Да. Пожалуй. А ты?

— Так и могло произойти, правда?

— Правда.

С мрачным видом она слегка пожала плечами.

— Еще хорошо, что вы с отцом так быстро приняли меры. Ты только подумай, что могло бы произойти, если бы в нас вцепились полиция и газеты!

Я с содроганием представил себе, что в самом деле могло бы произойти, если бы я потерял голову и не подкрепил объяснение Ч. Д. своим алиби.

Жена бросила на меня быстрый взгляд.

— Ну и штучка моя сестренка!

— Она меня, признаться, пугает.

— Вот они, плоды отцовского воспитания. Хотя и отца надо пожалеть. Он, наверно, боится, что Дэфни все же добилась своего, как потвоему?

— Возможно. Но он все равно никогда не признается в своих опасениях.

— А может, нам все же следовало бы навестить папу? Впрочем, вряд ли это что-нибудь даст.

— Ничего.

— Но что все-таки, по-твоему, произошло? — спросила Бетси, немного помолчав.

— Если верить Дэфни, у Джейми было назначено с кем-то свидание. Он сплавил ее на другую квартиру и вернулся к себе.

— И был убит?

— Да, и был убит.

— Если бы только ты оказался прав! — Бетси пододвинулась и положила голову на мое плечо.— Давай надеяться, что нас это никак не коснется.

— Не вижу оснований думать иначе,— искренне ответил я.

К моему изумлению, день, наполненный такими неприятностями, закончился для меня вполне благополучно. В течение тех коротких мгновений, когда голова жены спокойно и доверчиво лежала на моем плече, я чувствовал себя почти в полной безопасности. Дэфни не знала об Анжелике. Анжелика далеко. Если мне хоть немного повезет, Трэнт окажется самым заурядным детективом, и нам не придется больше встречаться. Но главное — вернулась Бетси. Она ничего не подозревает, и, возможно, обстоятельства не вынудят меня открыться ей.

«Для тебя это не конец, да его и не может быть для тебя, все ведь можно устроить»... Мне вновь припомнилось язвительное замеча-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—7.

ОБВИНЕНИЮ...

ние Анжелики, но теперь я обнаружил, что в состоянии отнестись к нему с ироническим благодушием. Я сравнил ее жизнь со своей: да, я действительно кое-что «устроил». Бедная Анжелика! Не мешало бы и тебе немножко «устроить» свою жизнь!

Едва мы вошли в квартиру, как из кухни появилась Элин. Заметив нас, она слегка вскрикнула и замерла на месте, прикинувшись испуганной. Она постоянно прибегала к этому приему, поскольку в соответствии с разработанными ею правилами поведения даже случайные встречи с хозяевами считались крайне нежелательными. На этот раз, однако, Элин, не переставая, улыбалась и посматривала на нас блестящими, чего-то ждущими глазами. Я не сомневался: она специально подкарауливала нас.

— Мадам уже изволили съездить в гости?

— Нам нужно было повидать Дэфни,—ответила Бетси.

— Хотелось бы знать, сэр,— продолжая улыбаться, спросила Элин,— вы уже имели возможность сообщить мадам о маленькой Глэдис?

— Отец говорил, что ее привезут на самолете и будут оперировать здесь,— сказала Бетси.

— О, не только это,— промурлыкала Элин.— Мистер Гардинг выразил желание, чтобы после операции она жила в этом доме сколько ей захочется. Это будет очень приятно и для меня и для Рикки. Она станет его маленькой подружкой.

Элин быстро ушла. Бетси проводила ее взглядом. Я думал, что жена что-нибудь скажет, но она промолчала. Мы прошли в спальню. Я начал переодеваться, а Бетси зашла в ванную. Через некоторое время она появилась на пороге.

— Биль, ты действительно сказал Элин, что ее девочка может пожить у нас? — спросила она.

Я уже много лет не краснел, но тут почувствовал, как вспыхнуло у меня лицо.

— Видишь ли, пожалуй, нам следовало сделать этот жест, если уж Ч. Д. все равно привезет ее сюда.

Я понимал, как наивно мое объяснение. Не желая ни с кем делить любовь Рикки, Бетси, конечно, должна была удивиться и обидеться на меня за то, что я даже не посоветовался с ней, решив ввести в его жизнь совершенно незнакомого ребенка.

— Но мы... мы же ничего не знаем о Глэдис! А вдруг она окажется настоящим маленьким чудовищем, особенно если хоть немного похожа на Элин. Биль, тут что-то не все для меня ясно. Почему ты так поступил?

— Наверно, я немножко увлекся и не подумал как следует. Извини. Но я не знаю, как нам теперь выпутываться.

С довольным вздохом Бетси забралась в постель и улыбнулась мне.

— А впрочем, я, наверно, зря так беспокоюсь о Рикки. Возможно, Глэдис окажется чудовищем, но, быть может, чудовище и нужно Рикки, чтобы хоть немного его приструнить.

Мне следовало бы знать, что в конце концов Бетси согласится со мной, она никогда не шла на скандал. Испытывая к ней благодарность, смешанную с раскаянием, я лег и обнял ее.

— Любимый,— сказала она,— как все-таки хорошо быть дома!

— Бетси...

— Мне пришлось очень трудно в Филадельфии, даже несмотря на помощь Елены.

— Знаю.

Некоторое время Бетси лежала спокойно и молча, потом снова заговорила:

— Я рада, что ты сказал мне правду.

— Правду?

— Да. Ты бы ведь мог сказать мне, что Дэфни действительно провела здесь вечер и ночь.

— Для чего?

— Ну, чтобы, как всегда, оградить меня от всяких неприятностей. А знаешь, в этом нет никакой необходимости, нервы у меня, как у горной козы. Однако мне очень приятно, что ты сказал правду. Теперь я чувствую себя вашей соучастницей, а именно этого я и хочу.

Сознание вины снова шевельнулось во мне. Бетси прижалась ко мне еще теснее.

— Биль...

— Да, крошка?

— А что ты делал на самом деле вчера вечером? Ты был здесь один? — Она заколебалась, потом робко прошептала:—Ты скучал обо мне?

Теперь я чувствовал себя таким виноватым, словно сама Анжелика вдруг вошла в спальню и легла между нами. Со стыдом говорил я себе, что совсем не стóю Бетси, и тут же мысленно давал клятву измениться, искупить свою вину перед женой. Все самое неприятное уже позади, пройдет несколько дней, и все забудется.

— Да, моя крошка,— ответил я.— Скучал.

Бетси наградила меня горячим поцелуем.

— У меня есть ты,— сказала она.— Мне вовсе не нужно быть такой, как Дэфни. У меня есть муж, который любит меня.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Я не ошибся, предполагая, что время ослабит остроту моих переживаний. Прошло несколько дней, и мне стало казаться, что ничего особенного не случилось или, точнее, что тучи постепенно рассеиваются. В фирме официально объявили о моем назначении на пост вице-президента, и все, даже Дэйв Мэннерс, одобрили этот шаг Кэллингхема. Что касается самого Ч. Д., то благосклонность прямо-таки сочилась из него.

Я занимался своими служебными делами, а Бетси и Поль—кампанией по сбору пожертвований, но вечера мы проводили вместе и однажды даже ухитрились удрать от Рикки в Ойстер-бей на уикэнд, благо погода стояла не по сезону теплая и солнечная. С нами поехали Проп, Поль и Дэфни — та явилась со своим богатым и перспективным ухажером Ларри Мортоном. Уикэнд прошел вполне в духе традиций семейства Кэллингхемов — в обстановке легкомыслия и комфорта. Иногда, хотя и редко, я вспоминал Анжелику и все больше удивлялся своим недавним страхам. Я снова наслаждался семейной жизнью с Бетси и даже начал подумывать, что все случившееся пошло мне на пользу, что теперь я окончательно избавился от неприятных воспоминаний о первом браке.

Началась подготовка к приезду Глэдис, о чем нам ни на минуту не позволяла забывать Элин. Только это и напоминало мне теперь о Джейми.

Спустя дней десять, однажды вечером после ужина, раздался телефонный звонок. Бетси взяла трубку и, послушав, сказала:

— Это тебя, дорогой. Тот лейтенант. Лейтенант Трэнт.

Жена передала мне трубку и, не скрывая любопытства, встала рядом. Я ощутил укол беспокойства, тем более что Бетси могла слышать каждое слово Трэнта. Как можно более небрежно я попросил:

— Крошка, принеси-ка мне чего-нибудь выпить.

— Алло, Трэнт,— сказал я, как только Бетси направилась к бару.

— Добрый вечер, мистер Гардинг,— спокойно и дружелюбно, как всегда, заговорил Трэнт.— Есть кое-какие новости, и я подумал, что они могут вас заинтересовать.

— Слушаю.

— Нам удалось установить, кому принадлежит пистолет. Недели за три до убийства его купила женщина в ломбарде на Третьей авеню. Она назвалась Анжеликой Робертс и указала свой адрес — Западная Десятая улица.

С самого начала я готовил себя к тому, что рано или поздно услышу нечто подобное, что ничего страшного в этом нет. И все же упоминание имени Анжелики прозвучало, как удар грома, а при мысли о том, что Бетси могла услышать Трэнта, если бы я не прибег к маленькой хитрости, у меня вспотела ладонь руки, в которой я сжимал трубку. Я взглянул на Бетси. Она все еще стояла около бара и наливала вино.

— Я побывал на Десятой улице,— продолжал Трэнт,— но там Анжелика Робертс не проживает. Многих жильцов не оказалось дома, а те, с которыми мне удалось побеседовать, никогда о ней не слышали. По всей вероятности, она сообщила липовый адрес.

— Не исключено.

— Завтра я снова поеду на Западную Десятую.— Он помолчал.— Вы, конечно, тоже никогда не слышали об этой особе? Об Анжелике Робертс.

Бетси направлялась ко мне с вином.

— Нет, не слышал.

— Может, вы спросите у мисс Кэллингхем, когда увидите ее? Мне самому неудобно беспокоить ее по такому пустяку. Если же, паче чаяния, она что-то знает, попросите ее, пожалуйста, связаться со мной.

— Обязательно.

Бетси передала мне вино.

— Я позвонил потому,— продолжал Трэнт,— что вам и Кэллингхемам небезразлично это дело.

— Конечно. Спасибо, лейтенант.

Трэнт положил трубку.

— Что ему нужно? — спросила Бетси.

— Хотел сообщить, что полиция установила, кому принадлежал пистолет, из которого убит Джейми. Какая-то женщина купила его в ломбарде.

— Какая-то женщина? Что еще за женщина?

— Не знаю. Он назвал фамилию, но она мне ничего не сказала.

На минуту и комната и умиротворенно смотревшая на меня Бетси предстали передо мной в каком-то ином свете. От моего спокойствия не осталось и следа, оно казалось мне теперь красиво расписанной ширмой, которой я пытался отгородиться от опасности. Правда, ничего особенного еще не стряслось, по чистой случайности все кончилось благополучно. Но ведь Трэнт мог позвать к телефону Бетси, а не меня. Наконец, ему ничего не стоило самому позвонить Дэфни, не прибегая к моему посредничеству. Ну, а если бы Бетси или Дэфни услышали имя Анжелики! В течение всей остальной части вечера, пока мы сидели с Бетси, я не переставал с ужасом думать, что могло бы тогда произойти. Нет, рано я начал тешить себя надеждой, что самое страшное осталось позади. Я должен был все время держаться начеку.

На следующий день, часов в пять, когда я уже собирался уходить со службы, в кабинет зашла Молли Макклинток. Шутки ради она делала вид, что страшно напугана.

— Ну, дружище вице-президент, дожили! Фараоны! Некий лейтенант Трэнт из уголовной полиции.

Я предложил Трэнту стул, но он не сел, а остановился, улыбаясь, около моего письменного стола.

— Получается, что я просто преследую вас, а? — заметил он. Я только что снова побывал на Западной Десятой улице. Уверен, вам будет приятно узнать, что на этот раз мне повезло.

Он перевел свои ничего не говорившие глаза (какие они были серые, голубые?) с моего лица на стену как будто в поисках картин, которыми он мог бы полюбоваться. Но картин на стенах не было. Я недавно переселился в кабинет мистера Лэмберта и еще не успел ничего переменить. На стене висела лишь голова лося — мистер Лэмберт убил его когда-то на охоте в Канаде. Трэнт не возражал и против головы лося и принялся тщательно изучать чучело.

Мне показалось, что он ожидает какого-то моего вопроса, и поэтому, собравшись с силами, как можно вежливее спросил:

— Вы хотите сказать, что установили местопребывание этой женщины?

Он быстро перевел взгляд на меня.

— Мы еще не нашли ее, мистер Гардинг,— пока. Зато мы узнали нечто такое, что вынуждает нас проявить к ней интерес, и большой.

— Интерес?

Трэнт сел. Он опустился в кресло напротив меня, вынул сигарету из портсигара и закурил. Я не помню, чтобы он когда-нибудь раньше курил при мне. Трэнт проделал все это с таким видом, будто совершал какой-то ритуал.

— На этот раз, вернувшись на Десятую улицу, я застал жиличку из квартиры на третьем этаже, выходящей окнами на улицу,— некую миссис Шварц.

Он вынул изо рта сигарету, взглянул на маленький цилиндрик пепла на ее конце и рассеянно обвел взглядом стол. Я пододвинул ему пепельницу, и он положил в нее сигарету.

— Миссис Шварц,— продолжал Трэнт,—охотно согласилась нам помочь.

Я убеждал себя, что все его рассчитанные движения, многозначительные паузы, манера говорить самые простые вещи так, словно они имеют бог весть какой смысл,— все это обычные, раз и навсегда усвоенные полицейские приемы и мне не надо опасаться. И все же я нервничал.

— Как я уже сказал,— снова заговорил Трэнт,— миссис Шварц живет на третьем этаже. Здесь всего две квартиры, причем владелец второй находится сейчас в Мексике. По

словам миссис Шварц, месяца два назад в эту квартиру переехала женщина по фамилии Анжелика Робертс. У нее постоянно бывал один мужчина. Я поинтересовался, знала ли миссис Шварц его фамилию. «О да,— ответила она,— Джейми Лэмб».

Трэнт взял из пепельницы сигарету, затянулся и положил обратно. Вопреки тому, что я все время твердил себе, меня вновь охватил суеверный страх перед этим человеком и прежнее раздражение против Анжелики. Почему она все портит и разрушает? Ведь она мне сказала, что женщина из квартиры на той же лестничной площадке ничего о ней не знает. Хорошенькое «ничего»! Миссис Шварц знала даже имя и фамилию Джейми.

— Миссис Шварц — вдова,— продолжал между тем Трэнт,— и, как многие вдовы, которым нечего делать, интересуется главным образом своими соседями. Мисс Робертс показалась ей загадочной особой. Она, видимо, была очень интересной женщиной, а ее отношения с мистером Лэмбом носили весьма бурный характер и постоянно выливались в безобразные скандалы. Однако миссис Шварц не принадлежит к женщинам, которых хлебом не корми, дай только понаушничать, тем более что эти драматические события внесли определенное разнообразие в ее жизнь и дали повод выступить в роли доброй и великодушной соседки. Примерно через месяц после своего появления мисс Робертс заболела вирусным гриппом, и миссис Шварц добровольно взяла на себя роль ангела-хранителя — ухаживала за ней, кормила и все такое прочее. Чтобы мисс Робертс не приходилось вставать и открывать дверь, они договорились, что миссис Шварц сделает себе второй ключ от квартиры. Однажды вечером, вернувшись из кино, женщина решила заглянуть к мисс Робертс и узнать, не требуется ли ей какая-нибудь помощь. Она вошла в спальню в тот момент, когда пьяный и растрепанный Лэмб пытался задушить мисс Робертс.

Трэнт слегка нагнулся ко мне. Он добродушно и мягко улыбался и все же заставлял меня волноваться.

— Вторжение миссис Шварц, видимо, охладило мистера Лэмба, и он ушел. На следующий день, снова навестив свою подопечную, миссис Шварц заметила у нее на шее багровые синяки, но сама мисс Робертс не захотела ничего объяснять. Но однажды, еще не совсем оправившись, она куда-то уходила часа на два. Вскоре, поправляя ее постель, миссис Шварц обнаружила под подушками пистолет. «Так вот за какой покупкой вы ходили!» — воскликнула она. И мисс Робертс ответила: «Да».

Уголки губ Трэнта горестно опустились.

— Должен извиниться, мистер Гардинг, за некоторую мелодраматичность рассказа. Я понимаю, насколько далеко все это от того мира, в котором живете вы и Кэллингхемы, тем более что последующие события уводят нас еще дальше. Дня через два мистер Лэмб вернулся, будто ничего не произошло, и все началось сначала.

Трэнт некоторое время внимательно рассматривал свои руки, потом заговорил снова.

— Миссис Шварц ничего не знала об убийстве Лэмба, но как только я сообщил ей некоторые подробности и в частности время убийства, она припомнила небезынтересные для нас детали. Последний раз, как выяснилось, она видела Лэмба за три дня до убийства. В тот вечер Лэмб устроил большой скандал, но миссис Шварц смогла только понять, что он в кого-то влюбился и намеревается жениться; он объявил мисс Робертс, что между ними все кончено. Эта «кто-то» (во всяком случае, так кажется мне, а вам?) — Дэфни Кэллингхем. Наш друг, очевидно, хотел поправить свои дела.

Трэнт откинулся в кресле, балансируя на его задних ножках; держался он совершенно свободно, словно был уверен, что его рассказ об одном из происшествий «на дне Манхэттена» не касался лично меня, как и его, но также интересовал с чисто профессиональной точки зрения.

— Миссис Шварц не ночевала дома в ночь убийства, она была у сестры, в одном из пригородов Нью-Йорка. Она категорически утверждает, что перед ее уходом мисс Робертс оставалась в квартире, а когда она вернулась на следующий день, мисс Робертс уже не оказалось. Не оказалось и ее вещей. Миссис Шварц провела меня в квартиру, и я убедился, что она права: там не осталось ничего, за что могло бы зацепиться следствие.

Ножки его кресла, слабо стукнув, опустились на ковер.

— Так в общих чертах обстоит дело, мистер Гардинг. Пистолет принадлежал мисс Робертс; мисс Робертс, мягко выражаясь, привык-

ла принимать участие в схватках с применением силы; мисс Робертс оказалась брошенной, и мисс Робертс в ночь убийства скрылась. Правдоподобно настолько, что нет необходимости искать другого убийцу, не так ли?

Я уже справился со своей тревогой, хотя и чувствовал, что она только затаилась во мне. Вот уж чего я никак не ожидал. Я допускал, что Трэнт, узнав фамилию и адрес, отправится на Западную Десятую улицу, но ничего не выяснит и ни к какому выводу не придет. Теперь же благодаря миссис Шварц он, конечно же, должен был прийти к выводу, что Джейми убила Анжелика. Боже, но почему она ничего не сказала мне о миссис Шварц и тем самым лишила возможности своевременно принять какие-то меры? Теперь следствие видело в Анжелике не просто одну из многих знакомых Лэмба, а весьма вероятного убийцу, и Трэнт перевернет все вверх дном, чтобы найти ее.

Я сидел, стараясь выглядеть как можно более равнодушным, а на деле ожидая самого беспощадного допроса. Я не знал, о чем начнет спрашивать Трэнт, но был твердо убежден, что он знает абсолютно все, и готовился к самому худшему. Не ожидал я только того, что произошло на самом деле.

Совершенно неожиданно Трэнт поднялся и протянул мне руку.

— Ну вот и все, мистер Гардинг. Мне надо бежать.

Я пожал ему руку, не веря, что наша беседа могла закончиться вот так.

— Надеюсь, вы не очень сердитесь на меня за приход к вам. Я умышленно зашел к вам, а не к мистеру Кэллингхему.— Его улыбка перешла почти в ухмылку.— Мне показалось, что вы захотите несколько смягчить эту историю для своего тестя и свояченицы. Вряд ли им понравится, если они узнают, что мистер Лэмб вовсе не тот милый, культурный и воспитанный молодой человек, за которого себя выдавал. Во всяком случае, вы можете передать им, что беспокоиться не следует. Наше следствие, похоже, подходит к концу. Разумеется, нам еще нужно найти Анжелику Робертс, и мы ее найдем. Так им и скажите. Попросите их не волноваться.

Он направился было к двери, но повернулся и взглянул на меня.

— Да, между прочим, вам удалось спросить у мисс Кэллингхем, слыхала ли она об Анжелике Робертс?

Я думал только об одном: он уходит, он в самом деле уходит!

— Да,— солгал я.— Это имя ничего ей не говорит.

— Ничего удивительного. Хорошо, мистер Гардинг. Большое спасибо.— Он перевел взгляд на голову лося.— Это что, один из покойных вице-президентов?

Слегка взмахнув рукой, Трэнт вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. В пепельнице все еще дымилась его сигарета — теперь уже длинная палочка пепла с красным тлеющим кончиком.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Усевшись после ухода Трэнта за стол, я попытался успокоиться и хладнокровно проанализировать происходящее. Даже Трэнт, говорил я себе, не сможет проследить путь Анжелики до Клэкстона, даже он не сможет ее найти. Правда, со временем, наводя справки в гостиницах Нью-Йорка, он, вероятно, обнаружит, что она останавливалась в «Уилтоне». Ну и что? Никаких подробностей он там не узнает. Но тут же у меня мелькнула другая мысль: если Трэнт доберется до «Уилтона», дежурный администратор может вспомнить, что некий мистер Гардинг приходил к Анжелике Робертс. Это походило на кошмарный сон: вам снилось, что вы находитесь в каком-то здании и вдруг замечаете, что на одной из стен зазмеилась трещина, потом такая же трещина появляется на второй стене, на третьей, четвертой... И внезапно план моего спасения, еще недавно казавшийся таким безупречным и надежным, представился мне чем-то вроде липкой паутины, в которой я запутывался все больше и больше.

Все, что я мог придумать для собственного успокоения,— это позвонить Полю. Он еще был в канцелярии фонда, как и Бетси. Заехав туда якобы за ней, я улучил минуту, чтобы остаться с Полем наедине и обменяться несколькими фразами. Я сообщил ему последние новости, и он выслушал их совершенно спокойно. По его мнению, Трэнт может разыскивать Анжелику миллион лет и все равно не найдет. Видимо, я совсем перестал владеть собой, если сам себя стращаю всякими беспочвенными предположениями и даже подумал о дежурном администраторе из «Уилтона». Понимая, что Поль говорит так лишь ради моего успокоения, я тем не менее и в самом деле несколько успокоился.

Мы еще продолжали разговаривать, когда вошла Бетси. Поль обнял нас за плечи и проводил до двери.

— Доброй ночи,— шутливо сказал он,— доброй ночи, милая, простая, самая обыкновенная, влюбленная в свой семейный очаг идеальная американская супружеская чета.

Беседа с Полем, повторяю, несколько помогла мне прийти в себя, и потому, когда дня через два мне на службу позвонил Трэнт, я по крайней мере не потерял самообладания. Он заговорил все тем же дружеским тоном, но я уже начал ненавидеть это постоянное дружелюбие.

— Привет, мистер Гардинг. Вы не смогли бы приехать сейчас к нам в полицию?

Я едва не отказался под предлогом занятости, но сообразил, что это означало бы всего лишь краткую отсрочку.

— Конечно. Что-нибудь произошло?

— Да, кое-что произошло, мистер Гардинг. Итак, жду вас примерно через полчаса.

— Хорошо.

Легко понять, как я чувствовал себя, направляясь в такси на встречу с Трэнтом. «Кое-что произошло...» Вот и все, что он сказал. Самого страшного это пока еще не означало, но могло оказаться всем, чем угодно.

В полиции я оказался впервые, и мрачная суровость помещения произвела на меня впечатление ледяного душа. Дежурный отослал меня в большую голую комнату на втором этаже, где несколько детективов, сидя за столами, или просто ничего не делали, или просматривали газеты, или что-то писали, или слушали приглушенное радио. Они не проявили ко мне никакого интереса. Один из них провел меня в кабинет Трэнта, но лейтенанта там не оказалось, и мне предложили подождать.

Кабинет Трэнта лишь с большой натяжкой можно было назвать кабинетом — простая каморка, отгороженная от большой комнаты и напоминавшая келью монаха. С величайшим удивлением я заметил на аккуратно прибранном письменном столе экземпляр своего романа. Моя писательская карьера окончилась много лет назад, но при виде своей книги я почувствовал волнение. Оно не помешало мне со смущением и в то же время с удовольствием подумать: «А может, Трэнт собирается попросить у меня автограф?»

Вскоре в комнате появился сам лейтенант. Он поздоровался со своей обычной любезностью. С первых дней нашего знакомства он вел себя так, словно мы много лет были друзьями, однако сейчас эта подчеркнутая (так мне казалось) любезность выбивала меня из колеи.

Трэнт сел за стол и некоторое время молча смотрел на меня. Потом небрежно взял со стола книгу, повернул задней стороной суперобложки и протянул мне. Я взял ее, и Трэнт тут же заметил:

— Мистер Гардинг, мне всегда говорили, что авторы никогда не читают рекламных аннотаций на суперобложках своих произведений. Видимо, это правда.

Если бы за секунду до этого кто-нибудь спросил меня, что написано в аннотации издательства на суперобложке «Полуденного зноя», честное слово, я бы не смог ответить. Теперь, принимая протянутую книгу, весь похолодев от сознания свалившегося на меня несчастья, я решил: «Вот он, конец!»

Подумать только, меня выдала книга! На задней стороне суперобложки я увидел фотографию, запечатлевшую меня и Анжелику под большим вязом в Клэкстоне — молодых и упивающихся сознанием собственной важности. Я отчетливо, словно дело происходило пять минут назад, вспомнил, как мы позировали перед фотообъективом. Именно я настоял сняться вместе с Анжеликой — так я гордился своей женой. На фотографии отчетливо виднелось на пальце Анжелики кольцо с камнем в виде дельфина. Под фотографией была напечатана аннотация, которую я прочитал когда-то с чувством такого довольства, а потом сразу раз и навсегда забыл:

«Талантливый автор «Полуденного зноя» Уильям Гардинг — бывший солдат морской пехоты США; ему всего двадцать четыре года. Во время работы над «Полуденным зноем» он все еще был второкурсником Клэкстонского университета в штате Айова, где учился бесплатно, как демобилизованный ветеран. Мистер Гардинг недавно женился на Анжелике Робертс, дочери профессора английской литературы в этом же университете, и намерен прожить с женой год в Италии и Франции...»

Откуда-то совсем издалека я услышал голос лейтенанта Трэнта. Несмотря на все мысли о своем погубленном будущем, я сообразил, что говорит он все так же мягко и доброжелательно.

— Как видите, мистер Гардинг, ваша книга принесла несомненную пользу. Я нашел ее чисто случайно, после того как побывал однажды вечером у вас на службе. Мне бросилась в глаза фотография и фамилия под ней. От меня не потребовалось никаких особых способностей, мне просто повезло.

Я заставил себя взглянуть на Трэнта.

— Следовательно, вы нашли Анжелику Робертс?

— Не так уж трудно было позвонить в полицию, в Клэкстон.— Как это ни казалось мне диким, он продолжал улыбаться.— Откровенно говоря, мистер Гардинг, в течение некоторого времени вы меня очень озадачивали. Разумеется, я слышал о различных формах потери памяти, но такой случай, когда человек забывает фамилию своей бывшей жены, даже мне показался удивительным. У меня возникли самые серьезные подозрения, и я позволил себе несколько увлечься, что для детектива совершенно недопустимо. Я постоянно предостерегаю себя, но, видимо, пока безуспешно. Приношу свои извинения. Так вот. Конечно, вы знали, что вашу первую жену зовут Анжелика Робертс, но у вас и мысли не возникло, что она может иметь какое-то отношение к этому делу. Вы не видели ее свыше трех лет, не так ли? Вы полагали, что она проживает где-то в Европе, за тридевять земель, и не имеет ничего общего с Джейми Лэмбом.

Я сидел и молча, в полном недоумении посматривал на Трэнта. Неужели он действительно все это сказал? Неужели он и в самом деле такой непроходимый болван, каким показался мне вначале? А может, это какая-то новая, еще более хитроумная и гнусная ловушка?

Лихорадочно пытаясь разобраться в обстановке и найти какой-то путь к спасению, если он вообще существовал, я задал, вернее, повторил, свой вопрос — самый нейтральный из всех, какой мог придумать:

— Следовательно, вы нашли ее?

— Конечно, это же проще простого. Все в том же Клэкстоне. Она жила вместе с отцом. Местные полицейские арестовали ее, допросили и сразу позвонили мне. Вот тогда-то, мистер Гардинг, вы перестали быть для меня загадкой. Когда речь зашла о вас, мисс Робертс дала очень ясные и твердые показания. Она знала, что вы в Нью-Йорке, и не возражала, чтобы Лэмб передал вам свою рукопись, но при одном условии — ни слова не говорить вам о ней самой, об Анжелике. Она уговорила Лэмба не упоминать ее имя и позже, когда он втерся в доверие к Кэллингхемам. Анжелика Робертс утверждает, что не встречалась с вами. Она якобы дала себе слово не поддерживать с вами никакой связи и вообще забыть прошлое.

«Анжелика!» — мысленно воскликнул я, и мне показалось, что она находится со мной, здесь, в этом страшном, похожем на камеру-одиночку кабинете. Я сразу сообразил, к чему она стремится, но вся нелепость ее поведения, ее донкихотство, ее безграничное великодушие представляли собой нечто такое, что невозможно было охватить сразу. Арестованная в Клэкстоне Анжелика понимала, что мое настоящее и будущее находятся в ее руках, и делала все ради моего спасения. Вопреки здравому смыслу, несмотря на презрение, которое Анжелика открыто высказала мне при нашей последней встрече, она решила спасти меня для Бетси и Ч. Д. ...

Я посмотрел в ясные глаза Трэнта и всем своим существом ощутил, что происходит нечто невероятное, что я получаю отсрочку. Но тут же — с еще большей силой и остротой — меня охватила тревога за Анжелику.

— И она оказалась той самой Анжеликой Робертс, которую вы разыскивали?

— Да. И она во всем призналась. Призналась, что купила пистолет, что у них с Лэмбом происходили частые ссоры, что он ее бросил, что она уехала из Нью-Йорка на следующий день после убийства. Призналась во всем.

— Но не в самом убийстве?

— Пока нет, но не все сразу, мистер Гардинг. По ее словам, Лэмб явился к ней часов в одиннадцать вечера и велел освободить квартиру, в которую, очевидно, сам же ее привел. Лэмб заявил, что настоящий хозяин неожиданно вернулся и квартира нужна ему. Как показала Робертс, ей некуда было пойти, и поэтому она, сложив свои вещи в чемодан, отправилась в кино, а потом в гостиницу. На следующий день она вернулась на квартиру за остальными вещами и поездом уехала в Клэкстон.

Все это время с лица Трэнта не сходило серьезное и вместе с тем сочувствующее выражение, что невероятно меня бесило.

— Я понимаю, мистер Гардинг, все это вам очень неприятно, так что извините меня. Полиция в Клэкстоне арестовала мисс Робертс, основываясь на ее собственных показаниях. Ваша бывшая жена встретила арест спокойно и даже отказалась от своего права протестовать против отправки этапом в Нью-Йорк для дальнейшего следствия. Ее доставят сюда, вероятно, к вечеру. Если она пожелает вас видеть, вам, разумеется, позволят ее навестить.

— Следовательно, она арестована?

— Да. Или, если хотите, задержана для более тщательного дознания.

Он встал и протянул мне руку — как всегда, в самый неподходящий момент. Я ненавидел его за нежелание вести себя так, как вел бы себя на его месте любой другой полицейский. Я ненавидел его за непостижимую симпатию ко мне, за то, что он по непонятным причинам отказывается воспользоваться преимуществами своего положения, за бессмысленную — во всяком случае на первый взгляд — манеру скорее принимать мою сторону, чем отстаивать собственную точку зрения. Откровенно говоря, мое поведение давало ему массу поводов заподозрить, насколько я скомпрометирован. Любой другой полицейский сейчас, после ареста Анжелики, взялся бы допрашивать меня, что называется, с пристрастием. Только не Трэнт. Такой простой метод его, видите ли, не устраивал.

— Я позвоню вам, мистер Гардинг, как только ее сюда доставят. Вы будете дома?

Мы с Бетси предполагали обедать у Ч. Д., но теперь, видимо, придется отказаться от этого визита.

— Да,— ответил я.

— На вашем месте я бы, мистер Гардинг, пока не стал так беспокоиться,— снова улыбнулся Трэнт.— Вы знаете, бывает, что люди ходят в кино и в одиночку, так что, возможно, она говорит правду. Если она сможет доказать свое алиби, ее, разумеется, сейчас же освободят.

«Если она сможет доказать свое алиби!» Что это, намек? Может, он давным-давно все знает? Я еще не понимал поведения Трэнта, но уже начинал понимать, хотя и медленно, в какое мучительное положение попал — более мучительное, чем если бы уже потерпел полный крах. Пытаясь отвести от меня всякую угрозу, Анжелика жертвовала собой. Ее могло спасти лишь алиби; меня оно могло погубить.

Трэнт все еще протягивал мне руку. Я взглянул на него и подумал: «Я должен рассказать ему все, и сейчас же! Я не могу позволить, чтобы Анжелика шла на такой страшный риск. Я никогда себе не прощу, если сейчас же не расскажу ему все!»

Я уже открыл рот, когда Трэнт заметил:

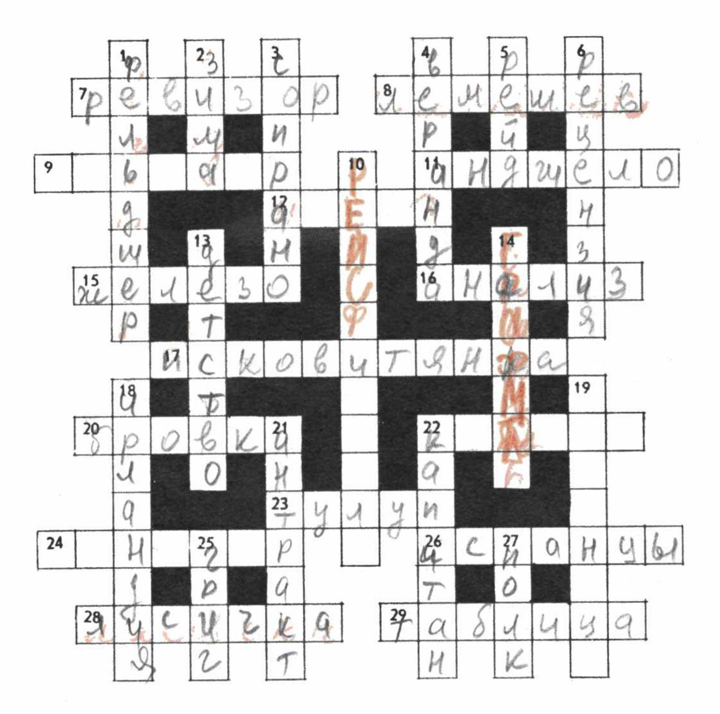
— Так я вам позвоню, мистер Гардинг. Это, вероятно, будет часов около десяти.

Он жестом указал на дверь, давая понять, что я могу идти.

Окончательно смутившись, безвольно соглашаясь продолжать предложенную Трэнтом игру, я пожал ему руку и вышел из кабинета.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Комедия Н. В. Гоголя. 8. Певец, народный артист СССР. 9. Звезда в созвездии Орла. 11. Поэма А. С. Пушкина. 12. Молочный продукт. 15. Металл. 16. Метод научного исследования. 17. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 20. Народный поэт Белоруссии. 22. Часть декорации. 23. Меховая шуба. 24. Рыба отряда окунеобразных. 26. Трагедия М. Ю. Лермонтова. 28. Гриб. 29. Числовые данные, расположенные по графам.

По вертикали:

1. Медицинский работник. 2. Время года. 3. Женский голос. 4. Летняя пристройка к зданию. 5. Прибрежное водное пространство для стоянки судов. 6. Разбор, оценка научного труда, художественного произведения. 10. Чертежный инструмент. 13. Повесть М. Горького. 14. Угольный карандаш. 18. Государство в Европе. 19. Картина К. П. Брюллова. 21. Перерыв между отделениями концерта. 22. Старший в спортивной команде. 25. Норвежский композитор. 27. Войсковая часть.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

5. Волоколамск. 8. «Перекоп». 9. Гораций. 12. Берет. 14. «Молох». 15. Акаба. 16. Дельфин. 18. Гудаута. 19. Антология. 22. Деканат. 23. Момбаса. 24. Триер. 26. Озеро. 27. Сурик. 30. Каботаж. 31. «Колокол». 32. Ботанизирка.

По вертикали:

1. Хорей. 2. Борозда. 3. Гаронна. 4. Асуан. 6. Печенье. 7. Синодал. 10. Бетельгейзе. 11. Достоевский. 13. Багульник. 17. Нонет. 18. Гримм. 20. Лауреат. 21. Облучок. 24. Таганай. 25. Рагозин. 28. Попов. 29. Норка.

●

На первой странице обложки: Здесь грянет бой (вверху). Горячая работа (см. в номере репортаж «Выстрел»).

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Десятиминутная разминка участников Пензенского народного хора перед выступлением в колхозе.

Фото Д. Ухтомского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00333. Сдано в набор 4/II-69 г. Подписано к печ. 18/II-69 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 403. Заказ № 398.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

После выступления «Огонька»

ДРУЖБА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

«Дважды рожденный» — так назывался репортаж, опубликованный в № 9 «Огонька» за 1968 год. В нем рассказывалось о событиях, разыгравшихся 10 января 1944 года при взятии деревни Владимировка, Кировоградской области, и о дальнейшей судьбе В. И. Бородина, который считался погибшим в бою за эту деревню.

В редакцию поступили письма от однополчан Бородина, в которых они вспоминают подробности боев за Владимировку и людей, проявивших отвагу и мужество при освобождении этого украинского села. Первым откликнулся доцент Минского пединститута Василий Иванович Нефедов: «...Я, гвардии старший лейтенант, бывший агитатор 270 гв. полка (не посчитайте за нескромность), лично поднял гвардейцев в атаку, в рукопашный бой на рассвете 10 января 1944 г. у деревни Владимировки и был тяжело ранен в том жестоком бою.

Спустя 22 года встретил комсорга полка Барского С. С., вынесшего меня тогда с поля боя, затем журналиста Рогова А. Н. (ныне умершего), который писал во фронтовой газете о том утреннем сражении».

Письмо бывшего агитатора полка переслала В. Бородину. Он приехал в Москву и в архиве Министерства обороны СССР разыскал номер газеты «Боевое знамя» от 22 января 1944 года, в котором журналист, гвардии старший лейтенант А. Рогов — тот самый Рогов, о котором упоминал Нефедов,— в статье «Бессмертный подвиг 54 гвардейцев» подробно описывал сражение за Владимировку. Да, так все и было!

А жив ли комсорг полка Барский, спасший Нефедова? На этот вопрос ответил сам Нефедов, с которым редакция связалась по телефону. «Жив Семен Семенович, жив! Работает, как и я, в пединституте, только в Молдавии, в городе Бельцы».

Вскоре пришло письмо и от С. Барского. На Висле он был ранен и потом уже служил в другой дивизии. Войну закончил в Берлине в звании гвардии старшего лейтенанта, был награжден орденами и медалями.

...Еще два письма. Одно из города Болотного, Новосибирской области, от часовых дел мастера Ю. И. Богасюка. «...В 270-м гвардейском стрелковом полку, в котором служил Бородин,— пишет он,— я был разведчиком нашей полковой разведки... В доказательство тому посылаю справку, выданную Свистуном, тем самым, который подписывал в январе 1943 года похоронную на Бородина»...

Богасюк пишет, что вскоре после памятного боя за Владимировку, когда была окружена и отрезана одна рота, «...в нашем полку появился молоденький, небольшого роста узбек. Одет он был в гражданскую куртку, на голове заячий треух, через плечо небольшая сумка с едой. Он рассказал нам, разведчикам, что среди сожженных советских воинов в хате Прасковьи Гордиевны Гнатенко был и наш разведчик Федя Захаров, что один из тех, кто прятался в погребке,— Саша Беляев, тоже разведчик... Фамилии того узбека я не помню, но, наверное, это тот самый, которого выходила колхозница Елизавета Бойченко,— о ней писал «Огонек».

В репортаже упоминался И. Е. Куц. Он прислал письмо непосредственно Бородину, а тот направил его к нам в редакцию. Иван Ефимович живет сейчас на Полтавщине, работает в райпотребсоюзе. Он пишет о дальнейшей судьбе Владимировки: «...17 января 1944 г. Владимировка была освобождена нашими войсками. Один молодой солдат, которому удалось вырваться из когтей смерти, принес полевую сумку Москаленко, парторга батальона, замученного фашистами».

В. И. Бородин и И. Е. Куц встретились наконец в самой Владимировке, куда их пригласили на праздник Победы.

В ПОЕЗДКУ ЗА ПЕСНЕЙ

Каких только не бывает на свете карт — географические, топографические, геологические... И на каждой можно найти белые пятна. История создания Пензенского народного хора началась с освоения белых пятен на фольклорной карте. Оказывается, существует и такая. На ней обозначено, какие песни поют, например, на Урале и какие в Воронеже, какие на Севере и какие в Сибири... Как ни странно, Пензенская область оказалась самым настоящим белым пятном! Ни в Доме народного творчества, ни в Московской консерватории, ни в институте Гнесиных не нашлось ни одной песни, записанной в Пензенской области. Правда, было это четырнадцать лет назад, когда Октябрь Васильевич Гришин, выпускник Рязанского музыкального училища, приехал в Пензу с намерением создать здесь хор русской народной песни.

— Набрать нужно было сто человек,— вспоминает заслуженный деятель искусств РСФСР О. Гришин,— а прослушиваться пришло около восьмисот. Но когда собрались на первую репетицию, оказалось, что петь-то нам нечего! Целый год заимствовали песни из репертуара Воронежского, Уральского, Омского хоров. А потом обратились за помощью в Союз композиторов, снарядили большую экспедицию и столько записали народных песен, что до сих пор еще не все перепели. Самое интересное бывает, когда мы попадаем в села, откуда вывезены эти песни. Подойдет какая-нибудь старушка, похвалит, а потом и пожурит и покажет, как пели эту песню лет семьдесят назад... Вы не представляете, как много значат для нас такие встречи! Поэтому-то мы с большим удовольствием ездим на гастроли по пензенским селам.

Где только не побывали самодеятельные артисты! Им рукоплескали жители Поволжья, Ленинграда, Москвы, Киева, Рязани...

Недавно состоялся тысячный концерт Пензенского народного хора.

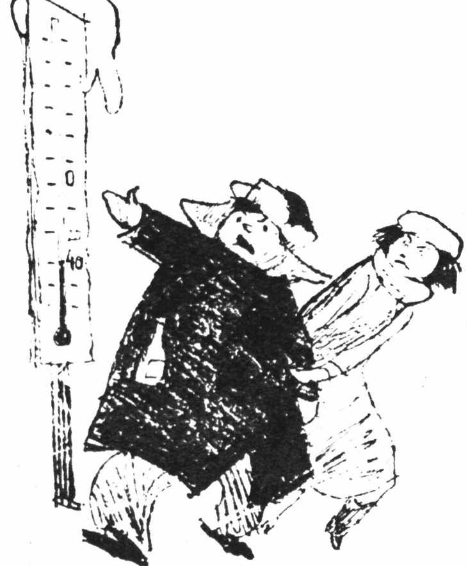
Б. СОПЕЛЬНЯК

Родительские инструкции.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

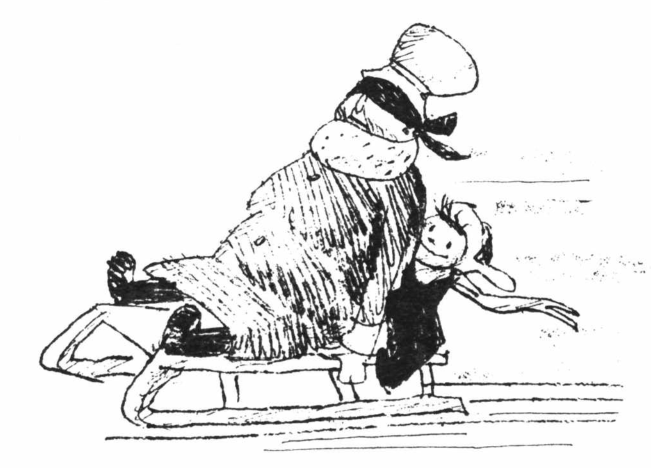
В зимнем парке

— Вот видишь, сам Дед Мороз хватил лишнего...

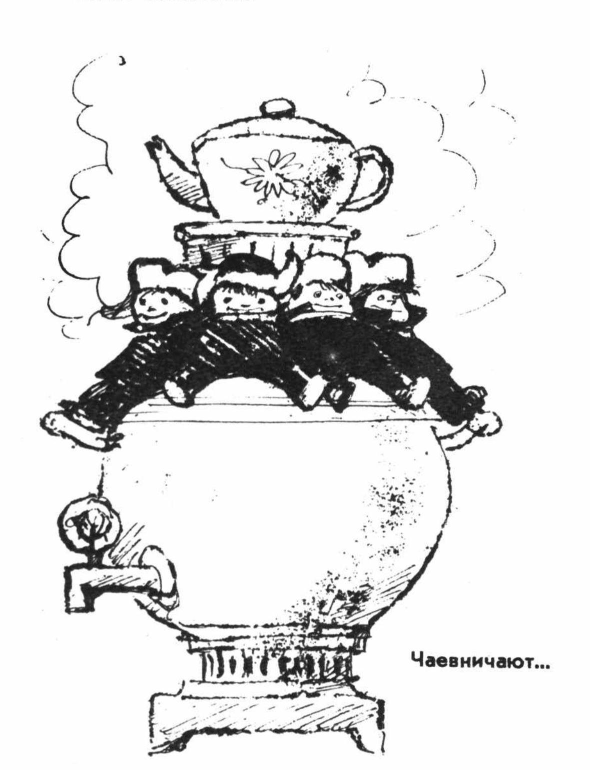

— Мне одно эскимо вместе с тулупом...

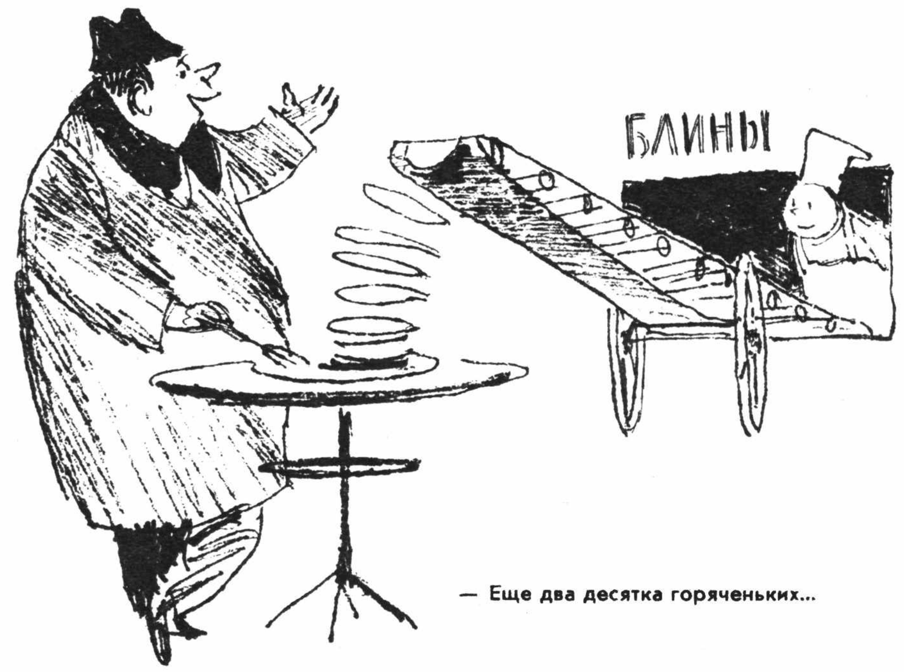

— Теперь тебе, мамочка, должно быть совсем не страшно...

Чаевничают...

— Еще два десятка горяченьких...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663